

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 г.

№ 3 (662) • 2011

«ЮНОСТЬ» © С. Красавская. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

E-mail: unost-contact@mail.ru
<http://unost.org>

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Валерий ЗОЛОТУХИН
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Валентина ЛАНЦЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

главный редактор,
заведующий отделом поэзии
Валерий ДУДАРЕВ
главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ
заведующая отделом критики
Анна КОЗЛОВА
ответственный секретарь
Ярослав ЛИТВИНЕНКО
заведующий отделом культуры
Александр МАХОВ
заместитель главного редактора,
заведующий отделом прозы
Игорь МИХАЙЛОВ
главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА
заведующая отделом духовного наследия
Марина РЫБАКИНА
заведующая отделом публицистики
Екатерина САЖНЕВА
консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ
директор по развитию
Светлана ШИПИЦИНА

ПРОЗА

Надежда ГОРЛОВА Рассказы	16
Хелью РЕБАНЕ Рассказы	39
Ильдар АБУЗЯРОВ	
МУТАБОР Недельный роман. Продолжение	58

ПОЭЗИЯ

Евгений ЛЕСИН	3
Александр АНАШКИН	35
Анатолий ПРУСАКОВ	54

20-Я КОМНАТА / ТЕМА НОМЕРА

Варвара ЗАРЕЧНОВА	
МАТЬ И МАЧЕХА Исповедь одного года	13

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

Лев АННИНСКИЙ	
КУДА ПРЕШЬ, МОРДА!	34

ШУМ ВРЕМЕНИ

Рустем ВАХИТОВ	
ДИССИДЕНТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СССР Попытка исследования	46

ЖЕНСКИЕ ВЕДЫ

Светлана КАЙДАШ-ЛАКШИНА	
ИТАК, СЕКС; ОБ ОТКРОВЕННОСТИ С МУЖЬЯМИ; О ЖЕНСКОЙ СЛЕПОТЕ И ДРУГОЕ	85

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Дмитрий БОБЫШЕВ	
УВИЖУ САМ Человекотекст, книга 3. Продолжение	90

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Виктор КАЛЕНИЧЕНКО (Белгородская область)	94
Яна ПОТАРЕВА (г. Москва)	95
Эльхан ИСМАИЛОВ (г. Калининград)	96
Александр ШЕМЕТОВ (Крым)	101
Зулкар ХАСАНОВ (г. Калуга)	105

В КОНЦЕ КОНЦОВ

// Детектив на ночь //	
Евгений РЫК	
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО Плутовской роман. Продолжение	115

// Зеленый портфель //

Илья КРИШТУЛ	
РАЗГОВОР нашего корреспондента с писательницей Мариной Устиновой Перцовой	125

// «До востребования» //

Галка ГАЛКИНА	
БОРИС ИВАНОВИЧ, ЧЕМ ЖЕ ВАМ ЗОРЬКИН НЕ УГОДИЛ?	127

// VERIORA VERIS //

Шалун ГЕО, человек в оркестре	
ДЕРИПАСКА, ГДЕ МОЯ КОЛБАСКА?	128

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБКИНА

Заведующий отделом информации

Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент

по Белгородской области

Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Наталья СЫСОЕВА

Секретарь-референт

Светлана КИСЕЛЕВА

Дежурные по редакции

Аврора КОТОВА

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Людмила ГУДКОВА

Техническая служба

Вячеслав ДРУЖЕЧКОВ

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправлений:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: **+7 (499) 251-31-22,**

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: **+7 (499) 250-40-60**

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Авторы несут ответственность

за достоверность представленных

материалов. Мнения автора

и редакции могут не совпадать.

При перепечатке материалов ссылка

на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в типографии

ФГУП «ПИК ВИНТИ»

140010, Люберцы, Московская обл.,

Октябрьский пр., 403

Тел. **+7 (495) 974-69-76**

Тираж 6 500 экз.

Формат: 60x84/8

Заказ №

Евгений Лесин — поэт, прозаик, критик. Родился в Москве в 1965 году. Учился в Московском институте стали и сплавов, служил в Советской армии, работал инженером-технологом и химиком в котельной. В 1990-м поступил в Литературный институт им. А. М. Горького. После окончания института, с 1995 года, служил в газете «Книжное обозрение». С 2002-го — в «Независимой газете», книжном приложении «НГ-Ex libris». Автор книг «Записки из похмелья» (2000), «Русские вопли» (2005), «По кабакам и мирам» (2007; совместно с Ольгой Лукас), «Недобор» (2009; совместно с Всеволодом Емелиным), «Легенды и мифы Древней Греции» (2009).

НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ, ГРАЖДАНЕ!

В метро ездить страшно. По улицам ходить страшно вдвойне. Особенно утром. А уж вечером так и вовсе — кошмар. Что делать? Правильно, сочинять стихи. Если поезд мирно едет — элегически грустить. Если остановился вдруг в туннеле, а машинист еще и пугает — дескать, не волнуйтесь, граждане, — тогда что-нибудь смешное. Лучше всего про то, что поезд остановился в туннеле, всем и так страшно, а тут еще машинист пугает — дескать, не волнуйтесь, граждане, ну и так далее.

Разговаривал я тут некоторое время тому назад с поэтом Всеволодом Емелиным. Он утверждает примерно то же самое. Страшно в метро-то: клаустрофобия и вообще. Только и остается, что стихи сочинять. Или, как говорят профессионалы, слагать. Да, слагать. Потому что пение, а сочиняя, обычно поешь, — тоже молитва. Но обычная, традицион-

ная молитва уже придумана, другим поэтом, а когда очень страшно, надежда только на себя. На свои слова.

С другой стороны, выйдешь порой из дому, а вокруг — снежок. Птицы начинают гнездование и голосят. А ты переходишь реку Сходню по мосту. А внизу — лед. Некрепкий совсем, но все-таки лед. Как при большевиках. Как при царях. Тушинского царя Дмитрия убили в Калуге. Зато тушинский патриарх Филарет был фактическим государем при Михаиле Романове. «Много тушинцев получали высокие назначения и до возвращения Филарета, и при нем», — пишет историк Юрий Готье. Да, Тушино уже не столица России, но наши все равно у власти. А тут еще Сходня, снежок и лед. Хорошо? Хорошо. Как же тут без стихов? Вот и я о том же.

Евгений Лесин

* * *

Москва для всех. Для рыжих и усатых,
Для тех, кто посмелей и побойчей,
Для звезданутых, звездно-полосатых,
Москва для всех. Но не для москвичей.

Москва для всех. Для красных и для белых,
Для бело-сине-красных палачей,
Для молодых, настойчивых и смелых,
Москва для всех. Но не для москвичей.

Москва для всех. Для каждого, кто хочет,
Кто хочет шаурмы и калачей,
Кто хочет дела, кто не заморочит,
Москва для всех. Но не для москвичей.

Москва для всех. Талантливых и ярких,
Умеющих работать у печей,
Москва для пылких, бешеных и жарких,
Москва для всех. Но не для москвичей.

Москва для всех. Всеобщая столица,
Она для бедных и для богачей,
Она, как шлюха, каждому годится,
Москва для всех. Но не для москвичей.

Москва для всех. Для радости и счастья,
Для голубых и розовых ночей,
Для божьих искр, свободы, самовластья,
Москва для всех. Но не для москвичей.

Москва для всех. Для белых и для черных,
Для голубей, для кошек, для грачей,
Для солнца, тараканов, для ученых,
Москва для всех. Но не для москвичей.

Москва для всех. Придите и владейте,
Камней достаточно и вволю кирпичей,
Так сделайте, что должно, и убейте.
Москва для всех. Но не для москвичей.

Москва для всех. Веселых и суровых,
Для всех, кто может выйти из огня,
Москва взорвется тысячью сверхновых.
Москва для всех. Москва не для меня.

* * *

Холодными и длинными ночами,
Когда ничто не в силах отогреть,
Россия недовольна москвичами —
За то, что не дают ей умереть.

За то, что импульсивны и плаксивы,
За то, что вечно задом наперед.
Усталая и старая Россия
Сдается, только милости не ждет.

Пока ОМОН из Тулы и Рязани
Бьет русских, потому что — москвичи,
Джигиты с неподкупными глазами
Сидят и точат верные мечи.

Они войдут, бесстрашны и красивы,
Встречая немигающий рассвет,
И молча перережут всю Россию,
Поскольку без Москвы России нет.

* * *

Еще в уходящем году, недавно прошедшим летом
Мы здесь встречались, чтобы на водопады идти.
Говорили: у «Балтики», говорили друг другу... где там,
Где теперь наша «Балтика»? На каком Запечном пути?

На какой дороге железной вдоль разбитых аэродромов?
На какой реке, уходящей возле ГЭС прямо в небытие?
На какой попытке искать что-то здоровое среди погромов,
Среди погромов и разрушенья того, что было мое?

Того, что было и городом, а еще историей было?
Того, что было всеобщим, а теперь ничье и нигде?
Того, что было землей для людей, где не только рыла
Глядят с плакатов рекламных «да здравствует и т. д.».

Ты помнишь, был кинотеатр. А еще стоял на Свободе.
А теперь ни того, ни другого, и скоро трамваи убьют.
Ты помнишь, когда-то не всех давили на переходе,
Тем более если подземный. Ты помнишь, когда-то тут,

Когда-то тут протекала речка Вонючка, звали
Ее Керосиновым, помнишь, почему-то ручьем.
А еще тут был рынок, где покупали и продавали,
А не только пугали город чужим огнем и мечом.

Нам закрывают речку, закрывают овраг и небо,
Закрывают солнце, уток, кошек и облака.
Открывают торговый центр и говорят: мне бы,
Мне бы всего побольше, и сразу, и на века.

А века уже наступили, в лужу, потом ботинком
По голове, чтоб грязью растряслась голова.
Деревья так удивляются многочисленным льдинкам,
Что кажется, где-то все же и Тушино есть, и Москва.

* * *

На восток полетели куры,
Волки ищут себе жилье.
Не бывает мультикультуры,
Есть чужое и есть свое.

Мне чужого не надо вовсе,
И своим всегда поделюсь.
Только, знаете, мы не овцы
С куполами для божьих бус.

Раньше мы говорили: дурень
Не умеет себя вести.
Нынче скажем: мультикультурен,
Бог какой-то его прости.

Мы не очень-то звали в гости,
Все равно приехали вы.
И теперь глодаете кости
Покоренной моей Москвы.

Тучи ходят и мглою буря
Небо кроет, дрожит земля.
Ураганы мультикультурия
Сносят башни и у Кремля.

И когда у меня в квартире
Кто-то на пол плюет, молясь,
Мне плевать на все культы в мире,
Потому что я вижу грязь.

Где-то там у себя в деревне,
Где ты дома, а не в гостях, —
Там любой твой обычай древний
Символ веры, а не пустяк.

Если ж ты оказался рядом
И приехал в мою Москву,
Мне плевать на твои обряды,
Соблюдай их в своем хлеву.

Я их тоже уважу, знаешь,
Как укажешь, так помолюсь.
Только ты ведь меня удавишь,
Если чуточку ошибусь.

То не снилось и Лиге наций:
Под напором мультикультур
Гибнут сотни цивилизаций.
Дело сделано. Мяу, мур.

* * *

Раньше были тут татаро-монголы,
А теперь пожар золотых улыбок.
Прилетела птица — цветастый голубь.
У него не хвост, ледяная глыба.

Раньше были девки красивей, верно,
А теперь и юность выглядит бледно.
Плохо, нет балкона, этаж-то первый.
Птица по квартире летит победно.

Раньше замерзала добрая речка,
А теперь погода все непонятней.
У него на каждой лапе колечко.
Помотался, видно, по голубятням.

Раньше знали все, что король-то голый,
А теперь пугаем ворюгу шапкой.
Улетает птица, красивый голубь,
Прилетит обратно с разбитой лапкой.

* * *

Как хорошо, как дивно, как красиво,
Забыто зло за давностию лет.
Живет спокойно вечная Россия.
Россия есть, а русских уже нет.

Все чисто, все стерильно, все как в бане,
Танцуй, несуществующий народ.
Танцуйте, дорогие россияне,
Вперед, Россия милая, вперед.

* * *

В одном американском сериале
Про инопланетян и прочий вздор
Зеленую поляну показали
И белых одуванчиков ковер.

Летит себе беспечная планета.
Полно таких, наверное, планет.
И только вот Москва у нас не где-то,
А здесь. И ничего другого нет.

А здесь над нами крупно посмеялись.
И за абреком следует абрек.
Они, чтоб люди чаще разбивались,
Отчаянно со льда счищают снег.

* * *

Трудно вам, искатели дотошные.
Прячет бог познания свои.
Будущего нет, забрали прошлое,
И опять долдонят о любви.

Спрятано все, скрыто, запаролено.
Жадное какое божество.
Если бога нет, то все позволено.
Правда, только верящим в него.

* * *

Мы глядим друг на друга затравленно,
Объяснить не пытаюсь давно,
Почему все не так и неправильно,
Как в советско-индийском кино.

Год ушел, никого не обрадовал,
Белка крутит свое колесо.
Ну, положим, я знаю, как надо бы,
Только, знаешь, пошло оно все...

* * *

За сезоном летит сезон.
Для чего мы пришли сюда?
Да какая там жизнь — СИЗО,
В ожиданье сидим суда.

Зачитают нам приговор
И исполнят его, хоть плачь,
Бог-судья и бог-прокурор
И, конечно же, бог-палач.

На болоте сидит кулик.
Но уже надоел до слез
То ли троицы мутный лик,
То ли тройки веселый чес.

* * *

Кому лестные,
А кому честные
Слова подавай в беде.
Одни вот везде местные,
Другие нигде.

* * *

А. К.

Говорят, не только уши у стен,
Говорят, у бога дочь, а не сын.
Говорят, Газданов был не чечен,
Говорят, Газданов был осетин.

Ерунда какая — вечер у Клэр.
Но зато не ГПУ, бригадмил,
Но зато не парфюмер и не мэр.
Да еще и в желдорбате служил.

* * *

Лежат любовники в кровати.
Меж ними меч.
На спинке стула плачет платье,
Лишившись плеч.

Над ними звезды с облаками
И лунный свет.
Мужчина двигает руками,
А дева — нет.

* * *

Еще ты дремлешь, друг прелестный,
Мы водки выпили паленой.
Один бессовестный и честный,
Другой багровый и зеленый.

Бубнили, как матросы в трюме,
И шли, накачиваясь пивом,
Еще суровой и угрюмой
По переулкам и извивам.

Не веря городу и року,
Роняя булки из котомок,
Нелепо подражая Блоку,
Любили только незнакомок.

* * *

Иду вдоль Чистых от Мясницкой
И восхищен, что на Прудах
Все, как поведал Городницкий:
Каток и люди на коньках.

И то не ветер ветку клонит,
И не Москва-река шумит.
Сейчас трамвай меня догонит.
Ну до чего довольный вид,

Что совершенно невозможно
В него не влезть, хотя езды
Тут метр с кепкой. Осторожно
Сажусь в трамвай. Салют, Пруды!

* * *

Восславим царствие зимы,
А не уродство злого лета.
Его привычная примета:
Обжорство красок, буйство цвета.
И пир огней из вечной тьмы.
Восславим царствие зимы,

Она одна дает покой,
Отдохновение от бега.
Не вавилон конструкций лего,
А тишину лесного снега
Над подмосковною рекой.
Она одна дает покой.

Мы, словно казни, ждем весны.
Жара, пожары, смерть, икота,
Война, политика, работа,
И бабы, липкие от пота, —
Все подло лезет в наши сны.
Мы, словно казни, ждем весны.

Восславим царствие зимы,
Пока сугробы еще живы,
Пока пейзажи так красивы,
Пока еще спокойны мы,
Восславим царствие зимы.

* * *

Ушли спокойствие и нега,
И паникует человек.
А вдруг весной не будет снега?
А вдруг растает летом снег?

* * *

Был на Сходне, а Сходня стоит.
Снег такой, что глазам даже больно.
Наплевав на божественный вид,
Утки ходят по льду недовольно.

Что-то хочет сказать самолет,
Что-то пишет своєю указкой.
Лед не крепкий, но все-таки лед,
Все же радует зимнею сказкой.

Не упрятать природу в узду.
Утки крикают зло и спесиво.
Я с бутылкой стою на мосту.
Подморозило. Боже, спасибо.

* * *

Не разберешь в смешенье лиц
Хоть что-то русское в природе.
Под гвалт гнездящихся птиц
Зима безжалостно уходит.

Трамвайчик весело звенит,
Что за окном похолодало,
Что так прекрасен сонный вид
Водоотводного канала.

Печально летом без тебя.
Не уходи, зима лихая.
Унылых уток теребя,
Кричали селезни: ле хаим.

Дочери Полине было года четыре, когда однажды, непрестанно канюча о чем-то, она довела меня буквально до белого каления. Я не выдержала и пообещала ее отшлепать.

— Не-а, ты меня не тронешь, — спокойно констатировала моя дочь.

— Это почему же? — удивилась в свою очередь я. И даже — вероятно, от большого удивления — опустила уже занесенную над ее попой для экзекуции руку.

— Ты меня не тронешь, потому что ты меня любишь, — пояснила Полина и покачала головой. Вот ведь глупые родители — все приходится растолковывать.

— А я тебя люблю? — Надо же, никогда, даже в самом причудливом сне, никогда прежде я не задавала себе этот вопрос с самим собой подразумевающимся вроде бы ответом.

Это ж и так ясно!

Любовь к своим будущим детям мы впитываем с молоком своих собственных матерей. Она передается по наследству. Она, наконец, заложена в божественной генетической программке.

Да с чего мы это взяли? А ну как и нет?

— Конечно, любишь, ведь я у тебя в глазах отражаюсь, — фыркнула Полина, и повернувшись, демонстративно ушагала прочь, оставив меня в радостном недоумении.

Младенцы не ошибаются!

Я и теперь не верю, когда женщина признается, что не испытывает никаких чувств к своему малышу.

Это все прогресс виноват.

Просто мир нещадно изменился, и теперь о том, что такое материнская любовь, любовь вообще и как именно надо любить, как оно правильнее, маленькие девочки узнают не из колыбельных песен, а из глумурных журналов и рекламы по ТВ.

«Пройдите наш тест, ответьте всего на десять вопросов, и вы узнаете, кто вы — мама-друг, мама-наездница или мама-пофигистка».

«Я хочу быть самой лучшей мамой на свете и именно поэтому покупаю для бэби сок только этой марки».

Онлайн мамочкины дневники. Чувства, распахнутые для сотен читателей. Подробности от первого дня зачатия до семейных родов на страницах Инета.

Счастливые фотки и статусы в «одноклассниках» — весь этот массив агрессивной, совершенно не нужной и иногда лишней информации порождает вопросы, которые наши собственные бабушки и мамы ни себе, ни другим раньше просто не задавали: им некогда было. Надо было давать стране угля, поднимать ее из разрухи.

Если-садик-продленка. До любви ли тут? Когда и так понятно, что это любовь...

У современных продвинутых молодых женщин свободного времени куда больше.

И вот они себе о ней размышляют. Доказывают аксиомы, доказательств не требующие.

Складывают два и два в боязни получить пять.

...А может быть, просто заглянуть в глаза своему малышу?

Предлагаем вашему вниманию реальную исповедь реальной мамы, которая скрылась под псевдонимом. Тема особенностей материнства не нова для «Юности».

Приглашаем читателей к диалогу: что по этому поводу думаете вы?

*Екатерина Сажнева,
заведующая отделом публицистики журнала «Юность»*

МАТЬ И МАЧЕХА

Исповедь одного года

Утро. Моцарт и манка. Варе вчера исполнился год. Самый страшный год в моей жизни и самый первый в ее.

Моя дочь говорит «папа».

И «баба».

«Мама» она не говорит.

Хотя я есть. Она есть. И даже под одной крышей.

Но друг у друга — как будто и нет...

Вчера я надела на дочь «взрослую» водолазку — под песочное платье, а она радовалась подаркам: плюшевому крокодилу, осьминогам для ванны, смеялась... Я выложила маленькими икеевскими свечками ее имя на столе на веранде, но было слишком холодно их зажигать.

Вчера было солнце. Двадцать девятое ноября, сугробы, зима.

А год назад муж увозил меня из дома в черное осеннее утро. Я пролежала все схватки на одном боку с закрытыми глазами, и в пропасть летели все инструктажи с курсов по подготовке к родам, не нужна была ни расслабляющая ванна, ни большой мяч, а нужно было только одно — чтобы акушерка Эля, по губам читая «Идет», на пике схватки терла мне поясницу, в которой сплелась в клубок вся моя жизнь, совершенно очищенная в тот момент от прожитых двадцати восьми лет, от меня самой и даже от той, которую я рожала: в тот момент мне нужна была только Эля.

А в перерыве между схватками казалось, что вот эта чудотворная боль уйдет — и в остатке будет счастье...

Муж, уговорив охрану, возник за окном палаты на первом этаже старого роддома (выбранного мною за то, что стоит посреди Москвы в старом дачном поселке, где пахнет кострами осенних листьев и рдеют на голых ветках не снятые яблоки) как раз в тот момент, когда по эту сторону окна акушерка Марина оттирала новорожденную под яркой лампой и привязывала кусочком бинта ей на прозрачное запястье бирку с моим именем, такую же коричнево-резиновую, как когда-то и мне с моей мамой, связывая поколения воедино. Я видела его теплые перчатки, глаза, шапку и горящее око фотоаппарата в простор жалюзи: было 16:25, осень, снова темно. Я была счастлива. Я думала, так будет вечно: взмыв с рахмановского кресла, как с аэродрома, я собиралась лететь дальше.

Дальше была послеродовая депрессия, три месяца без сна под выматывающий детский ор и неотвратимое, невыносимое, подкрадывающееся холодной змеей с каждым днем и однажды поднявшее голову равнодушие — чтобы посмотреть своими холодными глазами в мои заплаканные и пустые, чтобы вытрясти из меня признание самой себе: ты не любишь...

...Утра после праздников всегда хороши: холодильник полон и в душе послевкусие торжества. Сегодня на завтрак Варя решила съесть черный хлеб, подобранный с пола после гостей, и белые розы, подаренные мне мужем. Так мило...

Весь этот год я пыталась стать ее мамой. Но у меня так и не получилось.

* * *

Во время беременности я читала прикладные книги, что и как делать с младенцем, — совершенно бесполезные потом, потому что все вдруг забылось и приходилось действовать по наитию. В первые Варинны месяцы я рассматривала таблицы по развитию детей, и приходила в ужас, когда ребенок не начинал разглядывать свои руки в положенный срок, и сходила ночами с ума от тайных мыслей — а видит ли она, слышит ли, боясь признаться мужу. Когда признавалась, он брал фонарь и колокольчик, и на его движения она почему-то реагировала, а он комментировал: «Даже если бы она была глуха и слепа — она же на-ша!» Месяцам к трем, убедившись, что она видит и слышит, сведя своей тревогой на нет все запасы молока в груди, под которой бешено билось обезумевшее сердце, и дойдя до психиатра в состоянии классической послеродовой депрессии, я начала читать книги по раннему развитию, записывая их транквилизаторами и заучивая наизусть развивающие игры, к которым дочь была равнодушна так же, как и я. Сейчас, когда мой годовалый ребенок умывает, накормлен «взрослой» кашей и играет с плюшевой овцой, бродя с ней в обнимку по всему дому (как правило, к году, пишут в книгах, у ребенка формируются привязанности), я читаю книги, в которых сказано, что их не нужно читать.

«Если ваш ребенок сводит вас с ума» — сейчас это моя настольная книжка, сейчас, когда Варя наконец перестала сводить меня с ума: встав в буквальном смысле на ноги за пару недель до своего первого юбилея, она вдруг так заинтересовалась открывшимся миром вокруг (в объеме коридора, комнаты бабушки, кухни, детской и зала), что уже не орала, когда я только выходила из комнаты в туалет, не орала, когда я садилась за компьютер, не орала вообще... Она вдруг забыла, что я — ее любимая игрушка, и меня вдруг кольнуло, что чем дальше, тем меньше я буду ей нужна. Нужны мои поцелуи, объятия, чмоки — все то, чего ей так не хватало весь этот год, все то, чего я не могла ей дать, пытаюсь разорваться между тем, чего хотело мое «я» и тем, чего хотело маленькое одинокое существо, которое, мне казалось, застило мне весь белый свет.

И вот я вдруг снова могу писать. Читать. В тишине... И я с болью читаю то, что подсказывает и мое сердце: что плохи не те матери, которые отдают детей в сад или не играют с ними в развивающие игры — плохи те, которые считают, что дети им не нужны.

...Как же она нужна была мне все девять месяцев ожидания!

Почему ни в одной книге я не могу найти ответа на вопрос «Как научиться любить своего ребенка?». Как сделать так, чтобы он был нужен — когда он уже есть?

* * *

На детской площадке — о, как я завидую им, с упоением гуляющим день изо дня, как будто каждый день — новый и радостный, за ручку со своими маленькими Дашами, Лизами, Сонями, и как я понимаю тех, кто отправил свое дитя гулять с няней, — говорят, что после года развитие идет гигантскими шагами. И я день за днем веду дневник наших открытий.

Дует в дудочку.

Говорит в ботинок «Але».

Налопалась баранины.

Встала на цыпочки.

Попробовала красную икру.

Укачивала зайку в ванне.

Макает печенье в кефир.

Танцует (любимое — «Танец маленьких утят»).

Веду этот дневник, за суетой и тяжестью будней не замечая, как каждая запись делает каждую из нас все старше и взрослей, все дальше от того дня, когда все началось, превращая снежный ком дней в хронике жизни, в самую ее суть — такую прекрасную на письме...

А сегодня мой ребенок уснул прямо посреди коридора, щекой на любимой овце, под мой стрекот клавиш, и теперь спит, как взрослая, на диване — диване, на котором провела первые три месяца своей жизни (с такой придирчивостью выбираемая из каталога кроватка так и не пригодилась), лежа на большом и мягком папе, который только и спасал ее от колик, а меня — от нее...

Мне хотелось сегодня тискать свою дочь, все прислушиваясь к себе — может, наконец, это оно? Или я все еще во вчерашней праздничной роли? Но почему бы вдруг ЭТОМУ наконец произойти?.. Ведь мне так больно признаваться — нет, не стыдно, потому что ложь ни к чему не ведет, мне именно больно, — что я каждый день ощущаю, как жизнь уходит, как песок сквозь пальцы. Подруга шлет эмэмэсками комиксы, которые рисует ее семилетний сын, — и я жду того момента, когда мы с дочкой сможем вдвоем рисовать (а не глотать наконечники фломастеров, ругаться и рыдать) и читать книги, наивно полагая, что уж тогда-то в моем существовании снова появится смысл, но голос разума стучится в израненный мозг — а с чего ты взяла? Просто другой возраст — другие проблемы.

И главная проблема — это ты, а не ребенок.

Вот она сейчас вздохнула, трижды потянув носом, за моей спиной — всю ночь после гостей мы носили ее на руках, так она плакала, зубы, наверное, — а сейчас ей не мешают ни свет, ни стрекот клавиш, и я знаю, что это значит: так вздыхает она, когда погружается в недолгий глубокий сон, когда можно выпустить ее из объятий и положить в кровать, сон, из которого она скоро выйдет, и нужно будет чутко бдеть рядом... Сегодня ночью мы спали в обнимку, и она доставала своими пятками до моих поджатых колен, а раньше умещалась вся вдоль моего живота... Я впервые сторожу ее сон — незапланированный, но сморивший ее за шесть часов хождения по дому, сторожу, чтобы она не свалилась с дивана... Как сторожат сон старой бабушки, чтобы при пробуждении заботливо вложить в руки пульт и очки; как сторожат сон больного гриппом мужа, чтобы — горячего чаю, и побыстрее...

Может, вчера, ровно по календарю, она стала взрослой. И я, чувствуя, как по звеньям начинает таять, словно вчерашняя свеча в форме цифры 1, моя кабальная связь с ней, обретаю легкость — и вместе с ней страх. Может, только страх за то, что ты будешь не нужен, что кто-то, выношенный тобой и пивший и после этого твою кровь еще целый год, вдруг оставил тебя, свою жертву, — и ты не знаешь, возьмет ли он тебя в союзники или хотя бы в игрушки... А может, я просто не знаю, куда деть вдруг освободившиеся от уз вины, долга, бессонницы, израненные осколками иллюзий руки, душу, сердце... И вдруг в них я наконец-то смогу выносить росточек любви?

* * *

...Детская игра в «секретки»: когда что-то красивое и хрупкое — конфетная обертка, ромашка, ракушка — заперты толстым бутылочным стеклом «Советского шампанского» под слоем земли. И если потихоньку сгребать, опасаясь пораниться, можно докопаться до, как сейчас бы сказали, инсталляции — единственной и неповторимой в своей наив-

ности, чистоте, искренности и принадлежности. Знать бы только, где копать...

Может, так и моя любовь — как тот детский «секретик»? Знать бы только, где копать.

...Вот она снова вздохнула, трижды втянув носом воздух, как ежик, за моей спиной — пятнадцать минут и три абзаца прошли, — и я знаю, что теперь уже вовсе должна быть настороже: моя дочь вот-вот проснется и снова удивится, где она, кто... Но сразу узнает меня. И сразу доверится. И сразу поверит.

Она верит в меня так, как я ни разу не могла поверить в нее целый год.

...Оплывшую свечу и пробку из-под итальянского шампанского, которое мы вчера пили, я положила в ту коробку, которую завела для дочки. Таких коробок у меня самой много — я все храню, чтобы потом по осколкам оживлять в памяти секретки длинной жизни. Вдруг она возьмет от меня это? На дне лежат уже финские валенки с длиной стопы четыре сантиметра, которые мы привезли из свадебного путешествия, когда я была на пятом месяце и вся сама была — цель и смысл (и ее живая нога потом влезла в этот сувенир!), крестильная рубашка, оберег — раскрытая ладонь с опаловым камнем посередине, который мы привезли недавно из первого совместного путешествия к морю, тест на беременность, в позапрошлом апреле показавший две полосы... Пока коробка мала... Но если я стану когда-нибудь настоящей мамой моей годовалой пока дочери Вари, я помогу ей сложить мозаику ее детства. Если она вдруг попросит.

Только я не знаю, как расскажу ей о том, как выросла вместе с ней до этого дня, когда она сама, как взрослая, спит на диване, а я вот уже триста шестьдесят какой-то день ищу ответ на проклятый вопрос. Может, спрятав на самое дно коробки распечатанный файл?

Я знаю, она простит. Ведь она пришла в этот мир с любовью, заранее прилегающей к ее телу и к ее душе.

Ведь, в конце концов, она родилась от любви...

Надежда ГОРЛОВА

Надежда Горлова родилась в 1975 году в Москве, где и живет. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Лауреат премии «Нового мира» за лучший дебют (рассказ «Поездка в Липецк»), премии сетевого журнала «Русский переплет» (повесть «Паралипоменон»), премии «Эврика» (повесть «Покрывало Ребекки»). В 2006-м вошла в длинный список премии «Ясная Поляна» (повесть «Покрывало Ребекки»). Как прозаик печаталась в «Новом мире», «Знамени», «Нашем современнике», «Литературной учебе», «Литературной газете», альманахе «День и ночь». Автор книги прозы «Покрывало Ребекки» (2008).

Журнал «Юность» помню с детства. Его выписывали мои родители, и я вырывала из прочитанных номеров цветные вкладки и клеивала понравившиеся репродукции в альбом. Спустя годы узнавала в полотнах ставших известными художников свои детские вырезки.

Подростком стала сочинять стихи, и «Юность» была объектом моей ужасной ревности: поэты, опубли-

кованные там, писали лучше меня. Утешало только то, что они — гораздо старше, взрослые, мудрые люди.

Я поступила в Литинститут и на литературных подмостках встречала тех, с кем познакомилась по «Юности», — и они оказывались старше меня лет на пять-десять, то есть моими ровесниками, и я с трудом смахивала с глаз пелену восхищения — ведь их имена освятила

«Юность». Но тайная гордость осталась: те поэты, прозаики, художники из «Юности», которые мне — ребенку, подростку — запали в память, состоялись и ныне широко известны. Это говорит о том, что журнал не только обладает вкусом, но и умеет воспитывать вкус в неискушенном читателе. Что и является, наверное, высшей целью печатного издания.

Надежда Горлова

РАССКАЗЫ

Жизнь Лолы

Лола умерла в декабре, от инсульта, ей было четырнадцать. Я провела с ней ровно половину жизни.

Никогда даже и не мечтала, что у меня будет собака. Удружили соседи: всех щенков раздали, а последыша никто не взял. Принесли нам, пустили на пол.

Я смирилась с тем, что собака у меня будет некрасивая. Голый розовый крысеныш с белесым носом задрожал и описался.

Выросла, однако, тургеневская красавица, помесь русского спаниеля и английского сеттера. Белая, с медовыми пятнами, ресницы длинные, чело-веческие, карие глаза обведены черным, как у Веры Холодной в немом кино. Нос и губы тоже почернели.

Детство у нее было, должно быть, счастливое. Мебель, обувь, одежду — погрызла. Любила умыкнуть и пожевать хозяйственное мыло или сырую картошку.

Иногда я брала ее с собой в школу и ненароком отпускала поводок. Лола носилась по коридорам, ее радостно ловили оравой.

Нрав развился независимый: на диванах не спала, на руки не давалась. Оторвать от земли ее можно было, только если сначала, как кавказскую невесту, накрыть плотным одеялом и закулемать вместе с ощеренной пастью.

В деревне охотилась на мышей-полевок и лягушек, плавала, на лету ловила пчел, что было чревато, душила индюшат. Славно летел пух. Как ни зарывали мы в землю ее охотничий талант, но водить по деревне ее все-таки пришлось на коротком поводке.

Кроме нас с собакой на веревке ходил только местный дурачок Юра Махры — и еще с медалью «Мать-героиня».

У Лолы был шанс прожить иначе. К нам пришел мужичок, влюбленный в нее, и со слезами умолял

Рисунок Антонины Решетниковой

продать: «Это собачка охотняя, я ее на уток при-
травлю. А в городе ей мука одна! А я о прошлом годе
подстрелил шестнадцать уток с стаи, а нашел одну,
остальные пропали. А была б собачка....» Мы не
смогли с ней расстаться.

Первые годы Лолиной жизни мы были подруга-
ми: гуляли и играли часами, сначала ожидая, когда
выйдет на прогулку со своим кокером В. из сосед-
него подъезда, а потом и просто так, от нежелания
сидеть дома и заниматься.

С годами Лола все меньше дружила со мной и все
больше с мамой. Кину мячик — принесет, но не от-

даст, а ляжет рядом с ним и смотрит на меня, взгля-
дом извиняясь.

Мама ввела Лолу в высшее собачье общество.
Дамы с собачками созванивались и степенно проха-
живались по окрестностям, спуская собак на клум-
бы. В свет принимались далеко не все. Лола слыла
львицей и красавицей. Тут бы ей и познать счастье
материнства, но то нам было «не до щенков», то у
Лолы гепатит, то у Лолы вывих, потом — опухоль,
детородные органы пришлось удалить.

Лола стала странно пустая внутри, но чувствова-
ла себя, возможно, хорошо. Никаких течек. Потеря-
ла интерес к себе подобным.

Хотя во время болезни за ней большей частью
ухаживал папа и кормил ее тоже он, Лола страстно
полюбила маму. Когда мама была дома, Лола хвостом
ходила за ней по квартире. Когда мамы не было,
Лола лежала под дверью и лизала мамины тапки. На
звонок домофона реагировала беснованием. Дверь
открывали, Лола летела вниз и поднималась с мамой
на лифте. Нас с папой она никогда так не встречала.

В старости Лола сблизилась с папой. Мы реши-
ли, что папе надо больше бывать на воздухе, и как-
то совсем перестали гулять с собакой. Папа гулял с
ней безропотно, переживая то из-за мороза, то из-
за жары или слякоти: Лола простудится, запарится,
ноги промочит.

Она оглохла, ослепла, по лестнице поднималась
ползком, но взять себя не давала. С трудом вставала,
подволакивала задние лапы. Папа кормил ее лекар-
ствами и разрабатывал диеты.

Мама советовала «усыпить и не мучить живот-
ное». Папа возмущался.

Однажды вечером начались судороги. Врач ска-
зал, что она без сознания, и предложил усыпить,
папа с негодованием отказался. Он просидел с ней
всю ночь, следя, чтобы она ни обо что не ударилась
в конвульсиях. Утром он их вызвал.

Его позвали. «Она живая!» «Нет, это судорога», —
сказали палачи. Лола вильнула хвостом, задрожала
и описалась.

Ее взяли за шкуру и положили в черный мешок.
Впервые ее лапы взмыли над землей без всякого со-
противления. Но это уже была не Лола.

СТРУЖКА

Мы добывали стружку на заводе за «Ударни-
ком». Туда было трудно добираться. Добычникам
предстояло пролезть в щель в бетонном заборе, за-
тем вскарабкаться на гору мусора, с нее — на гараж,

а оттуда спрыгнуть уже на территорию завода. Для
меня прыжок оказывался самым мучительным ис-
пытанием. Если рядом стояли машины, мы прыга-
ли на крышу легковушки (обязательно кто-нибудь

увидит, закричит страшным голосом, и надо бежать со всех ног). А если нет — на асфальт: это казалось высоко, и ступни сладко ныли на самом краю гулкой жести. Потом надо было храбро пройти по территории, мимо цехов, под взглядами курящих рабочих, залезть в ржавый контейнер и черпать оттуда сокровище. Золото, серебро из сказки «Огниво»...

Стружка похожа на пружинистый разнокалиберный серпантин, тяжелая, она пачкает руки окисью и оставляет блестящие сквозь кожу занозы. Одна поверхность пружинки отликает синим, пурпурным, изумрудным, другая — золотым или серебряным. Стружка ни на что не годится. Пытались украшать ею елку, как мишурой, — но она слишком тяжелая. Дома валялись набитые стружкой, продырявленные острыми краями завитушек пакеты, потом выбрасывались. Но каждый раз, когда возникало предложение: «Пойдем за стружкой!», грудь сама исторгала радостное согласие, сердце билось. Это было как

поход за жар-птицей или золотым руном, ритуальное путешествие.

Однажды мы пытались использовать стружку в меркантильных целях — еще до того, как кооператоры наставили ларьков, в которых продавали самодельную пластмассовую ерунду — кольца, заколки, клипсы в виде ножничек или стрел... Тогда эти безделушки, гораздо лучше сделанные, привозили из Прибалтики. Мы с Лидией наделали из стружки колечек, браслетов, ожерелий, нанизав ее на проволочки, и пытались всучить все это Нусику в обмен на настоящие прибалтийские пластмасски. Нусику было все равно, лишь бы поменяться, а нас с Лидией обуюла алчность. Обмен не состоялся: пришла мама Нусика и опознала стружку. Я закрылась в туалете и сгорала там со стыда. Мама или была о нас лучшего мнения, чем подобало, или проявила такт: она повернула дело так, будто мы сами не знали, что это стружка. Но мы-то знали, как никто.

ЗАПИСКИ И НАДПИСИ

1. Во втором классе у нас пошла мода признаваться в любви записками прямо на уроках. Начал ее какой-то влюбленный мальчик, девочка похвалилась, и все стали обезьянничать.

Пришла записка и мне: «Я тебя люблю! Сережа». Я оглянулась на Сережу: он был занят какой-то игрой со своим соседом по парте, и это составляло очевидное алиби. Зато девчонки, которые сидели впереди него, смотрели на меня и хихикали.

Было ясно, что записку прислали они, а не Сережа.

Но я почему-то поверила в написанное. Есть такое свойство наивного сознания: раз написано — значит, правда или будет правдой.

И я влюбилась в Сережу так, как если бы ответила на его чувства. Это была моя третья любовь.

2. Любимая девушка подарила С. на день рождения английский чай в металлической банке. Тогда и индийский чай был дефицитом, а английский совсем не продавался. Девушка сказала, что на дне банки есть сюрприз. С. ответил, что будет каждое утро заваривать по ложке этого чая, пока сюрприз не найдется сам собой.

Через некоторое время оказалось, что девушка беременна. Она плакала и спрашивала С., что делать. С. подумал, что она еще слишком молода даже и для замужества, что он, С., ей совершенно не нужен, потому что он намного старше, и вообще не заметно,

чтобы она его любила, скорее, она просто развлекается и не сегодня-завтра его бросит. И дал ей денег на аборт. Девушка бросила С.

Он переживал и продолжал каждый день заваривать по одной ложке подаренного девушкой чая — ему казалось, что это продлевает их связь. В банке оказался какой-то предмет, загадка немного развлекала С., и он не спешил ее разрешить. Наконец, полностью обнажилась маленькая керамическая амфора.

Из нее С. извлек бумажку, исписанную мелко, как хорошая шпаргалка. С. взял лупу и прочитал, что девушка любит его, что она хочет выйти за него замуж, что она так никого, никогда, навсегда и проч.

С. бросился звонить девушке, но она не захотела с ним общаться — прошло уже больше двух месяцев.

Женщина никогда бы не поступила с подарком так педантично.

3. Я даже завидовала бабушкиным галлюцинациям. Ей представлялись разные сцены: то она несколько дней была в Индии и разговаривала с нами по-английски, то собиралась в гимназию, то ее экипаж ломался где-то в поле, то она смотрела кино на полке. Однажды бабушка перенеслась в больницу. Ей не нравился персонал (мы то есть), и она настаивала на разговоре с администрацией. Представителем администрации оказался папа.

Бабушка потребовала бумагу и перо, чтобы изложить свои претензии. Папа дал ей ручку и стопку листочков, лежавших у телефона для записей.

Бабушка ничего не писала и не читала уже лет пять: почти ослепла, и координация была нарушена. Однако она долго что-то выводила — на воздухе, не касаясь бумаги, и перечитывала *ненаписанное*, шевеля губами.

Решительно вручила папе листок.

И на нем была запись:

«Как в океане — то приливы, то отливы,

Так и во мне — то силы, то бессилье».

Это соответствовало бабушкиному состоянию: действительно, бред сопровождался необыкновенным приливом сил, когда же бабушка приходила в себя, она не могла даже приподняться на постели.

Изумленный папа прочитал двестише вслух.

«Я ничего такого не писала!» — сказала бабушка.

Но папа был так убедителен, он демонстрировал ей листок, призывал в свидетели нас.

Бабушка надолго задумалась и — успокоилась.

Позже я поняла, что стихи написала наша соседка, у которой сломался телефон, и она приходила позвонить. На двух других листочках она нарисовала рожи.

4. Н. всем девушкам говорил одно и то же. Он всегда ухаживал за первокурсницами, выбирая кисейных барышень, — мечтал о неиспорченном создании.

Девушки портились без участия Н., бросали его и смеялись над ним.

Как-то несколько таких девушек собрались и составили цитатник Н. Он говорил невзначай, когда случайно проходили мимо: «В этой церкви мы с тобой обвенчаемся», «Я куплю тебе длинную шелковую юбку и маленькую черную шляпку», «Я хочу, чтобы ты вышла замуж девственницей». Внезапно, в пароксизме страсти, обрывая разговор: «Собирай свои манатки и сваливай ко мне!»

Было еще что-то, уже не помню.

Компания посмеялась и решила подшутить над Н. Написали ему письмо, в котором какая-то женщина признавалась в любви, возникшей по прочтении стихов Н. в газете, назначала свидание у фона-

ря, хорошо видного из окна общежития, просила позволения собирать черновики Н. и вообще быть хранительницей его архива и семейного очага, но на втором не настаивала.

Письмо подсунили под дверь Н. в его отсутствие. Рассказали, что «приходила женщина, очень красивая, вся в черном, в длинной черной юбке и в шляпе с вуалью».

Н. заметно волновался и всем рассказывал по секрету, что у него роман с необыкновенной женщиной, что она его преследует и собирает все его автографы, даже если он запишет что-нибудь на сигаретной пачке.

В день и час свидания у окна стояла толпа. Н. с букетом метался под фонарем. Он бросался навстречу каждому женскому силуэту и отступал в тень с видом побитого щенка. Это было не смешно. Н. был жалок, как Акакий Акакиевич, и одна девушка даже заплакала. Разошлись с тяжелым чувством.

Н. всегда выбирал девушек неспортивных, а женился на пловчихе. Красивая блондинка, но у нее были проблемы с мужчинами из-за развитой мускулатуры. Н. стал прекрасным отцом, дети его обожают. Он сидит с ними, мать разъезжает по соревнованиям: она уже тренер.

Как-то я виделась с двумя его бывшими возлюбленными — обе развелись. Узнав о судьбе Н., они пожалели, что пренебрегли им. Напрасно — сами они требовали бы от него денег, а не сидения с детьми, и тоже развелись бы.

5. Когда Р. хотел, чтобы появился отзыв на стоящую книжку, он писал на ее титульном листе что-то вроде: «Дорогому имярек с уважением, благодарностью, любовью, *наилучшейшими* пожеланиями и непрерывным вниманием к Вашей работе от автора, нижайшего, но преданного» и передавал секретарше для главного редактора. Книжка возвращалась к нему с резолюцией «дать благожелательную рецензию». Главный редактор думал, что оказывает барскую милость холопам, а авторы, небось, представляли, как Р. смело отстаивает их книги на редакционном собрании и как благодаря Р. побеждает истинная свобода слова.

ПАУЧЬЯ НИТКА

1.

Его прозвище было Шовский Отшельник. Он одиноко бродил по окрестным лесам. Возвращался в болотной жиже, паутине, с лесным прахом в волосах и с пустыми руками. Все смеялись над ним, ведь никто больше не ходил в лес просто так, без дела.

Когда я приехала, Андрей стал навещать замужнюю сестру в нашем поселке. У нее он мылся, надевал белую рубаху и, запив самогон глотком «Севера», нарочито не спеша, широко разворачивая ступни и не вынимая руки из карманов, шествовал к дому дяди Василия. Андрей не стучался, а, как настоящий деревенский жених из кинофильма, стоял у ворот или прохаживался под окнами, теребя ус. Я выходила, и он церемонно предлагал мне прогуляться или прокатнуться.

Так же, как и с Юсуфом, мы познакомились ночью, и только ночи остались в моей памяти.

Однажды мы ездили на кладбище. Светляки летели нам прямо в фары. В кабине КамАЗа было темно, и я еле различала спокойный профиль Андрея, его глаз, выпуклый, с жемчужным белком. Приблизилась полночь.

Высокая мокрая трава скрывала основания крестов и оград, выкрашенных серебрянкой, отчего казалось, что они висят в воздухе.

— Пойдем, могилки родные тебе покажу, — сказал Андрей.

Мне стало стыдно — я предложила поехать на кладбище только из озорства.

Мы пошли в заросли боярышника и еще каких-то кустов, цепляясь за ржавые пики оград и натываясь на невидимые в темноте ветки. Я по колено промочила ноги в траве. Мы остановились у могилы со стершейся надписью на табличке.

— Вот это дядя мой, — говорил Андрей, — он от рака помер. Хороший был мужик, ему в горло трубку вставили. Нажимает на трубку и говорит так... А это бабка моя, прабабка... Я ее не помню. Наденька! Мне мать велела между их ее похоронить!

Он обнял меня за плечо так, словно это горе уже случилось, и для нас оно общее, и он хочет поддержать меня.

— Днем все некогда, — говорил Андрей, раздвигая ветки, — так хоть ночью навещать их.

Снова мы остановились у неприметной могилы.

— А вот крестный мой, он, когда помирал, завещал нам: «Не люблю, — говорит, — когда земля по крышке стучит... Вы сделайте подкоп и туда гроб под-

суньте». Мы с отцом подкоп сделали, а осень была, дождик... Утром пришли, а подкоп обвалился весь, пришлось по-обыкновенному все... Он, наверное, сердчает на нас там — могила-то на могилу не похожа...

Сначала мы ехали к церкви, и она так быстро приближалась черной непреступной стеной, словно росла в темноте. Но потом мы свернули с дороги и двинулись по пустырю. Машину качало, она подпрыгивала на колдобинах. В стенки кабины ударялись комья земли.

— Зачем мы сюда поехали?

— Срезаем крюк.

Мы долго срезали. И мотор заглох. Далеко впереди горел фонарь, наверное, на Шовской ферме. Белый пульсирующий свет казался мне зеленоватым оттого, что я долго на него смотрела. Я знала, что на ферме собаки, и даже собаки не лаяли.

Андрей щекой оперся на руль.

— Не можем ехать. Надо ждать.

— Долго?

— До утра.

— В три я должна быть дома.

— Никак нельзя, Надюш.

Я внимательно вглядывалась в его темное лицо и не понимала, верить ли мне в то, что нельзя ехать, или нет.

— Пойду, пожалуй.

— Надюш! Оставайся со мной в Шовском. Ты не отвечай пока ничего. Ты не огорчай меня сегодня, Надюш, я сегодня огорченный — намолотил меньше всех. Ты мне щас ничего не говори — посиди со мной часик, так-то просто, а я полежу, мне уж через два часа на работу вставать, хоть для вида рядом с тобой посплю.

Андрей через голову снял рубаху. Он уснул мгновенно, и ребра в сморщенных шрамах раздувались, как жабры, и синхронно разводила крыльями карамора со складными ногами, шагавшая раньше по боковому стеклу, а потом зашедшая в приоткрытое ветровое...

Я размазала карамору кулаком и заметила, что наконец-то светает. На экране лобового стекла поворачивалась под утренним ветром пыльнь, зашевелились воробьи, которые, оказывается, в ней были, и один вспрыгнул откуда-то и, ухватившись правой лапой за один куст, а левой — за другой, закачался с закрытыми глазами. Столб у фермы я теперь видела ясно, а фонарь померк.

За нашим кузовом вошло солнце.

Краски прорвались из-за серой предутренней пелены и стали распределяться в мире — голубое из дебрей пустыря туманом поднималось в небо, розоватое, напротив же, опускалось, окрашивая исподнее листьев полыни. Воробьи зашумели, обчирикивая нас со всех сторон.

Это была самая целомудренная из моих ночей, проведенных с мужчиной.

В пять утра мы прошли по моей улице, и у каждого дома скрипела калитка в саду, сами же хозяйки, вставшие доить, оставались невидимыми.

Андрей дошел со мной до двери и остановился на пороге. Я сказала:

- Спокойной ночи.
- Доброе утро!
- Ну, доброе утро.
- Спокойной ночи.

За окном кухни громыхнуло.

- Иди отсюда, вон тетя Вера в окно смотрит.
- Если что — вали все на меня, я отбрухаюсь...

2.

На зимние каникулы я не приехала: зачем, Юсуф в армии, а своей дружбы с Андреем я стыдилась. Из одного любопытства я дала ему ложную надежду, и мне хотелось, чтобы она умерла сама собой. Целый год Андрей не давал о себе знать, у дяди Василия не появлялся. Только раз, когда начались студенческие каникулы, спросил, не приеду ли я. И я поверила в то, что мне было удобно: он забыл про меня.

Ночью я ждала Зухру, чтобы идти на поляну. Лавка была холодной и склизкой на ощупь.

Андрей приехал на КамАЗе и тяжело выпрыгнул из кабины.

- Птичка, рыбка, лапочка, здравствуй...

Я малодушно отвернулась.

- Дай хоть посмотрю на тебя...

Андрей зажег спичку и протянул руку к моему лицу. Огонь горел в его руке, как в подсвечнике, слегка согревая мне лицо, но по спине моей и по ногам полз холод. Когда спичка прогорела, Андрей сказал:

— Как зимой я услышал, что ты не приедешь, с тех пор и запил. И пью, и пью, и пью даже до сих пор. И сегодня пил. Обиделся я на тебя, Надюш, зимой.

- А я думала, ты все понял.

— Запала ты мне в сердце и никогда оттуда не выскочишь. Не выковырнуть тебя оттуда... А как познакомились мы с тобой... Каким числом это было? Щас, щас... чтоб не бегать, у Василя не спрашивать... Не одна ты записульки пишешь. Вот поехали ко

мне — ни за что не найдешь. А лежит на виду, никто и не знает — даже мать не знает. Знаешь, как сделал? Из «Роман-газеты» листы вытащил — и бумагу вставил. Уже три такие лежат.

- Ладно, я пойду домой.

— Эх, Надюшка, птичка-рыбка-лапочка... А то оставалась бы ты у нас. Ребятишек бы родили — первого, второго, третьего, шестого, так бы и пошло, и пошло... Коровок бы развели, бычков, поросяточек, птичек, и так по порядку...

Я встала и пошла к калитке. Андрей взял в машине бутылку водки и догнал меня.

- Надюш, ну выпей-то со мной...

Я отказалась. Андрей отпил из горлышка и дошел со мной до двери.

- Я тебя увижу завтра?

- Нет.

— Мы завтра с отцом в Курпинку едем, за черноплодкой. Поедешь с нами так-то?

От ревности душа моя затряслась. Еще только раз было со мной такое — немного позже и много сильнее. Будто вилами поддели этот бестелесный нерв и потянули, пытаюсь исторгнуть.

Я почти крикнула:

- Нет!

- Надюш, я не понял, почему...

— Я... слишком люблю это место. Ты не понимаешь, у людей бывает что-то святое! Я могу пойти туда только с теми, кого люблю...

- Например?

- С Юсуфом Аслановым.

- Я понял. Прости, Надюш, останемся друзьями.

Пошатываясь, Андрей пошел к калитке. Мне показалось, что светлое пятно остановилось у забора, и я закрыла дверь.

3.

Мать Андрея прислала мне его дневники.

Там было все: каждая встреча, каждое слово. Письма «птичке-рыбке-лапочке», которые Андрей не отправил, потому что стеснялся орфографических ошибок. Я с удивлением прочитала, что однажды, когда мы танцевали на поляне, Андрей лежал в кузове машины и наблюдал за мной. Нет, он приехал не для того, чтобы прятаться, но сердце у него так яростно колотилось... Каждый раз, когда я приближалась и костер вырывал мое лицо у ночи, оно начинало бунтовать с новой силой. Андрей так и не вышел: как бы я не подумала, что он подглядывал, и не обиделась.

Тот день, когда Андрей ввалился ко мне с пьяным Инженером и букетом ледяных, колючих от изморози садовых астр, оказался днем сватовства.

Я узнала то, о чем совершенно забыла, чего не заметила: я призналась Андрею в любви.

14 июля, панидельник. Оказывается, мы были на Прудах, у Андрея свело ноги, и он чуть не утонул. Я так испугалась, что, «как замороженная», сидела на берегу, а когда Андрей наконец выплыл, накинула ему на плечи полотенце и прошептала слова любви. Должно быть, я не заметила, что Андрею грозила опасность, и просто смотрела вдаль, на дрожание холодных волн. А слова о любви были, должно быть, ироничны? Не помню, совсем не помню.

Оказалось, что когда мы ходили смотреть лисьи норы в Лог, Андрей все ждал моего знака: он был уверен, что мы идем туда *за этим*, и сомневался в моей невинности. Но знака не последовало. «Надюшка не решилась, а я подажду ее до свадьбы».

Андрей боялся, что любовью ко мне он предаст Любу, девушку, за которой ухаживал с пятого класса, а она вышла замуж, пока он служил в армии. Он бежал, чтобы поговорить с ней, его поймали и исполосовали штык-ножами. Отсюда шрамы на ребрах. Да, Люба вышла замуж, но Андрей ведь *давал ей обещание*.

4.

Марина в подробном письме пересказала мне все, что касалось той ночи.

Андрей допил водку и поехал в Шовское. Он едва не сбил Юсуфа в дембельских аксельбантах, а в Шовском поломал забор и свалил два креста на кладбище перед тем, как въехать в пруд и забуксовать. Он вылез из машины и упал в воду.

Когда-то мы нашли с ним паутину, густую, и всю в каплях. В ней можно было отразиться, как в разбитом зеркале.

— Пауки, — сказал Андрей, — нить тянут из сердца. Толково.

— Нет, у паука есть такие специальные железы...

— Ц-ц-ц... Тише... Еще прочитаешь про нитку-то сердечную... Попадется еще книжка...

«Какой вздор», — подумала я.

Когда я собирала чемодан, бабушка сказала мне:

— Люди знаешь какие! До смерти не простят. Пойдешь на похороны, скажут: «Виновата». Не пойдешь — скажут: «Нарочно сгубила». Уезжай-ка ты, девка, отсюда. Тебе что, а нам тут жить... У Бурьяновых родни много.

— Да я и так уезжаю.

— Не, ты, девка, уезжай. Так что... уезжай!

Бабушка махнула рукой так, будто захлопнула передо мной невидимую дверь и прищемила нить, вытянувшуюся из моего сердца.

Эта нить все сильнее натягивается с каждым годом, с каждой сотней километров и скорее вырвет мне сердце, чем оборвется сама.

Шум воды

Дедушка просил закопать его в Соснике, где земля была сухой и мягкой, как хлеб, и на много метров вглубь перемешанной с сосновыми иглами, где всегда рыли погребка и вода никогда не просачивалась в них, где всегда был вечер от густых зарослей акаций и вечно пахло смолой, источаемой соснами. Последнее время дедушка не спал лежа — постоянный «шум воды» в голове усиливался, когда он ложился.

Он научился спать сидя, прислонившись головой к стене, и часто засыпал так и днем. Закрывал глаза — медленно, многими складками опускались его веки, и опустились в последний раз, когда он сидел под сосной за столом, который сам сделал, и он медленно, боком, упал со скамьи на сухую и мягкую землю, в шум ревушей воды. Он опустился в воду, и она уже не шумела, и был опущен в сухую и мягкую землю на том самом месте, где утонул в смерти.

Когда дедушка третий день не пошел на Пасеку, бабушка отвезла нас на лошади в совхоз, к дяде Василию, и вернулась к дедушке.

Она увидела его под сосной, издалека, и, прыгая с трясушей телеги, удивилась, почему у Отца голова в земле, и завывала, когда поняла, что это муравьи начали погребать его, созидавая в головах у усопшего свой дом. Пасека с трех концов ответила ей воем, потому что все три цепные собаки уже кусали свои языки от жажды и ждали хозяина или смерти, потому что не принимали еды и питья из других рук.

Нам велели не выходить из спальни дяди Василия и тети Веры, не играть и говорить шепотом. И мы нашли под кроватью зеленые помидоры и уже не слышали, как стонут в зале и говорит монашка, как не слушали никогда гула пчел и тиканья будильника. Иногда дверь открывалась — и заходили старухи в черных платках, целовали нас прокисшими губа-

ми, спрашивали, жалко ли нам дедушку и когда придет моя мамка. Старуха уходила, и на паласе от ее траурного платья оставался нафталин, причитания приближались, и голос монахини черным крылом задевал дверь спальни.

Мама приехала в день похорон — я увидела в окно, через толстые жилы ливня, как она выскочила из чужой легковой машины и, вся в черном, не надевая светлого плаща, а держа его, сразу же прогнувшийся, над головой, побежала к калитке, и каблук ее на каждом шагу увязали в земле, как в воде тонули, а чулки ее быстро темнели.

И я побежала ей навстречу, а тетя Вера поймала меня поперек живота, обняла лживо, потому что как мама, но не мама, и не пустила.

Мама не шла, а КамАЗ во дворе загудел и поехал, и там на лавках под брезентом вокруг дедушки сидели все — и бабушка, и Марина, и мама, — а меня увела на пропахшую газом кухню тетя. И я кричала до тех пор, пока не вернулись все, кроме дедушки. В эти три часа я оплакала свою свободу встречать, обнимать, видеть, хоронить, скорбеть и не слышала шума падающей, разбивающейся, бегущей воды.

Я не помню лица моей тети до того момента, как она, сама чуть не плача, стала пытаться утешить меня, разрываясь между плитой и террасой, где старухи-помощницы чистили и резали овощи, усыпая себе очистками фартуки и опухшие ноги. В эти три часа я запомнила тетю — молодую, по локти мокрорую. Ее короткую стрижку, розовые ноздри, дрожащие, как лепестки, и карие коровьи глаза, и мелкие зубы, и тень на шее от выступающего подбородка, и цепочку, звенья которой блестели, как капельки пота, сбегая за воротничок, и маленькое золотое крыло креста, вылезшее между двумя пуговицами коричневой блузки. Тетя Вера давала мне погрызть морковку и помешать салат, и я возненавидела ее в эти три часа.

Я мало знаю о моем дедушке. Я не знаю никого, кто знал бы его молодым. Моя бабушка, Евдокия Петровна, родилась, когда у дедушки, Ивана Васильевича, уже был первенец. Евдокия Петровна вышла замуж за Ивана Васильевича в том же возрасте, в котором был Иван Васильевич в год рождения Евдокии Петровны. Она всегда называла его «Отец». Перед сном я представляю их. Тех, чья кровь течет во мне, тех, кто дал мне характер и страсть. Тех, кто ушел от меня, прогнал меня. Прошлое, как паразит, живет во мне. Образы, траченные временем, чужие слова, мои мысли сплавляются в фантомы, за которыми я прячусь от одиночества ночи.

Иван Васильевич едет по Дороге. Дорога сухая и каленая, телега движется медленно, но задние колеса звонко стучат, попадая в колею. Над полями синее

марево, и нижний его слой почти черный. Это насекомые волнуются над клевером и гречихой. Черная лошадь всхрапывает, хочет пить. Пот лежит на ней фиолетовыми пятнами. Иван Васильевич едва подергивает вожжи. У него нет кнута, и густой широколистной веткой он отгоняет оводов. Все реже Иван Васильевич берется за ветку, голова его опускается на грудь, и кепка сползает на глаза, открывая голый затылок, и серебряным пятном отражается луч в затылке, и напекает, но Иван Васильевич уже спит, и березы на обочине Дороги шуршат, и тень их то появляется на бортке телеги, то сползает к колесам.

Лошадь давно стоит, но не отгоняет оводов ветка, и лошадь топчется и скрипит зубами в сгустившейся от жажды слюне. Иван Васильевич просыпается скоро, удивленный сном, и видит, что лошади нет — она распряглась и ушла. Сон забыт, Иван Васильевич зарывает в сене сброшенный позади телеги хомут и идет по Дороге, вспоминая сон. Солнце жарит, головы не поднять, перед глазами цветные пятна. Иван Васильевич часто садится на обочине, под деревьями, и даже там пахнет сухой травой. Сердце Ивана Васильевича тяжелеет, как будто набухает, мокнет и стучит в голове и в запястьях, словно что-то густое и вязкое проходит по венам. Иван Васильевич смутно помнит, что снился ему пруд за Сосником, смотрит на небо и видит его сквозь разноцветные пятна. Последний раз он садится отдохнуть уже напротив мастерской, на что-то ржавое и горячее, и размышляет, что же они могут делать там такое, что шумит так долго, монотонно и изнурительно. Иван Васильевич подходит к конюшне, но не заходит туда, а ищет конюха в тени, за конюшней. Черные пятна в глазах мешают разглядеть человека, лежащего на траве, головой в тень. Но конюх это, и он говорит:

— Здоров, Иван Васильевич. Лошадь что, на выходные отпустил, родню повидать?

Иван Васильевич «Здравствуй, Юра» отвечает и, в занозистую стену рукой упираясь, садится боком, головой тоже в тень попадая.

Тень от репейника качается, и голова от качания мягко кружится.

— Почти дома уже был, — говорит Иван Васильевич, — разморило у последнего поворота, заснул, а лошадь, видишь, к тебе пошла.

— Ну и запрягаешь ты, Иван Васильевич! — Конюх давно уже смеется. — Жену запрягать и то туже надо.

— Жена тут ни при чем, — говорит Иван Васильевич, — а лошадь надо жалеть.

Иван Васильевич не видит конюха за репейником, только мельтешит там что-то и теперь прыгает блестящее, мокрое — зубы, хохочет конюх:

— Лошадь! На то она и лошадь, что уважать должно человека, а у тебя наоборот.

— Уважать... — медленно, тяжело шевелится язык Ивана Васильевича, опять его в сон клонит. — Уважает, кого боится, а полюбит — за ласку, и цены ей не будет.

Смеется конюх, вскакивает:

— Ну даешь, Иван Васильевич! Давай заседаю тебе, домой-то как?

— Не седлай, — говорит Иван Васильевич, — не по возрасту мне верхом, и не осмелюсь — шумит в голове, будто вода где-то рядом или делают что, и в глазах темно что-то.

— Вольно ж тебе на жаре засыпать, ночью-то что делаешь? — говорит конюх, и не отвечает ему Иван Васильевич, поднимается руками по теплой стене конюшни.

Дорога сухая, каленая, и в пыльных вихрях летают по ней серые кузнечики. Иван Васильевич ведет под уздцы черную лошадь, иногда останавливается и, прислонившись к потному боку и закрыв глаза, гладит лошадь по долгой морде, чтобы стояла, а потом опять ведет, и лошадь фыркает от жажды и плюется на руку Ивана Васильевича...

...Они приехали в совхоз за хлебом, вошли в магазин и поздоровались с очередью. Женщины ответили им и посторонились, пропуская к прилавку посмотреть. Окна магазина были закрыты ставнями, и глаза отдыхали после полуденного солнца. На деревянных лотках лежал свежий хлеб, он уже остыл, но запах его был еще запахом теплого хлеба. Крупные крошки на лотках и на прилавке Рите хотелось собрать и съесть горстью, как ягоды. Стоящие рядом женщины заговорили с матерью, и она отвечала им, держа Риту за руку: «Да, потихонечку. Живем помаленьку...» И поэтому, как держала мать руку дочери, не сжимая и не выпуская, дочь понимала, что мать довольна и спокойна, и хотя от этих чужих женщин и нет толку, но они и не внушают страха. На секунду стало темней, как было каждый раз, когда заходил или выходил кто-то, откидывая тонкий тюль в дверном проеме и заставляя свет. И, как каждый раз, очередь посмотрела туда. Это была женщина, она остановилась в дверях и круглыми плечами стала толкать косяки, будто высматривая кого-то в очереди. Она сказала:

— Здорово, бабы.

И ей ответили с усмешкой, потому что это мужчины говорили так. А женщина все не заходила, и вдруг стало жарко руке дочери в руке матери. Тюль рвался в магазин, как будто свет его толкал, но женщина не пускала, и тюль сквозил над ее плечами и бедрами — там, где можно было пробраться, и свет захлестывал полные, в пуху, щеки и цветастые бедра. Женщина заговорила, и щеки ее и подбородок

зашевелились, и свет, и тень тюля потекли по ним, как вода. Женщина сказала:

— А кто это там стоит? Никак Дунька Чадонерина? Дунь! Чего не отзываешься? Никак фамилию сменить хочешь? Стариковская тебе надоела? Молодую захотела?! На мою зарисься?

И кто-то уже засмеялся:

— Дунь, ответь!

А женщина вошла, и тюль влетел, и свет упал ровным пятном на каменный пол, а женщина в сумраке потемнела, и кричала, и другие кричали, а мать молчала и только смотрела на всех одинаково, и на Риту, и Рита заметила, что ресницы у нее опалены. Дочь хотела отнять руку, но мать сжала, и дернуть сильнее дочь не посмела. Очередь двигалась, а женщина не занимала — подошла ближе и кричала, и руки ее были серые и пухлые, как хлеб. Все отвечали ей, и только она молчала и ее дочь. Она только сказала тихо: «Шесть буханок», — когда подошла очередь, и Рите: «Подержи ручку сумки», и, не спеша, брала буханки, большими пальцами проминая бока, и клала их в темноту сумки из мешковины. Попрощались и пошли, откинули тюль и на секунду ослепли, а тюль по ногам погладил и назад влетел...

...Они все сидят за столом, и на столе стоит все съестное, что есть в Доме, — так велит Отец. И хотя только сели и сейчас будут щи, стоит на столе мед в белой глубокой тарелке, и в нем темнеют полуманьяные соты, и черные мусоринки, кем-то раньше выловленные, прилеплены на краю тарелки. Бабушка полотенцем приносит с кухни дымящиеся миски, ставит Отцу, потом, маленькую, Васе, говорит: «Тихонько, кипяток», — и несет еще одну, себе и Рите, потому что Рита ест мало. Отец дует на щи, и пар уходит от его лица. Он берет ложку, обмакивает ее в солонку и водит ложкой в миске, потом зачерпывает немного и подносит ко рту, но рука его подрагивает, и Отец выливает щи обратно, ломает хлеб и жует его, смотрит исподлобья на бабушку. Вася хлюпает, а Рита ест по чуть-чуть, потому что не хочет.

Бабушка сидит на краю стула, с полотенцем на плече, и время от времени машет полотенцем над столом, отгоняя мух. Слышно, как она ест. Иван Васильевич доедает хлеб и отодвигает миску.

— Все? Что так плохо? — говорит бабушка.

Иван Васильевич не отвечает. Полотенце взлетает еще раз, как будто дразнит, белое, летело и вернулось, и Иван Васильевич говорит:

— Послушайте меня все. Мы одна семья. Дети уже большие, и все вопросы мы должны решать сообща. Один человек мне сказал, что ваша мама хочет оставить меня. Давайте теперь спросим ее.

Она отвечает:

— Да, — и взмахивает полотенцем.

Полотенце взбесило его, и, навсегда забыв продуманные слова, дедушка, заранее знавший ответ, схватил со стола тарелку с медом и швырнул ее к двери.

— Отпусти, — попросила бабушка, поднимаясь.

Но дедушка с ревом: «Нет!» выбежал, давя белые осколки на полу. Они поняли, куда он и зачем, Вася заплакал, и, прижав его к Ритиному животу, она выбежала за ним следом, чтобы бежать от него.

Иван Васильевич ходит перед домом с ружьем, и шумит в голове его, в груди, в руках его черная вода. Солнце бежит по черному стволу, срывается, разбивается, затекает в окна Дома, разливается в Доме. Иван Васильевич ждет, когда выйдет она из Старого Сада, из Сосника ли, с Пасеки ли, из-за поворота ли покажется она. Ждет убить, и стреляет в воздух, чтобы услышала, и не вышла она из Старого Сада, из Сосника, с Пасеки, чтобы из-за поворота не показалась. Но вот она идет. Идет со стороны Пруда, черная, босая, прямая, как сосна, и руки ее опущены, и в слезах и в поту лицо ее, как в смоле. Она идет и говорит:

— Стреляй, оставь детей сиротами. Я-то тебе прощу. А они, дайкошь, простят?..

...Мама не позволила бабушке уйти от Отца. Она сказала: «Если ты уйдешь от папы, я с тобой не пойду. Папа старый, я буду о нем заботиться». Бабушка заплакала. Потом успокоилась и сказала маме: «Я тебе этого никогда не прощу». Это было в Старом Саду, ранней весной, на пересечении Тополиной и Липовой Аллей.

Бабушка в платке и цигейке идет впереди, оставляя следы в пахнущем водой и мокрыми ветками снегу, и мама идет за ней, и разрушает ее следы, и за ними остается тропинка...

Бабушка рассказывала:

— Я в Москве была, по вербовке, на стройке работала, штукатуром, и ходили мы с Маруськой, подружкой моей, на овощную базу, подрабатывать. Поработаем вечер — и нам дадут морковь, картошку, капусту, что подгнили чуток, — бери, что хочешь. И дед ваш там бывал, их в Москву пригнали

на работы принудительные, а Отец был у них складской, как это, провизия, провизор. Сразу меня углядел, стал нас угощать: «Вот вам, девки, хлеб горчичный, возьмите, поешьте», — то то, то это. Иной раз говорит: «На, поешь, что ты такая худая да черная». Он по бумагам в совхоз ездил, продукты, мясо получал, было у него чуток. Мне девчата говорят: «Что ж ты, смотри». А я только рукой махну на них. «Старый, — говорю, — мне на что». Росточку метр в землю, лысый. А у меня был молодой жених, но джоже пил: пьяный, мы видали, валялся. Я посмотрела — да и бросила его. А тут вызывает меня пожилая женщина, говорит: «Дуня, выходи за Ивана Васильевича замуж. Джоже он тебя полюбил». — «Не, — говорю, — пожилой, не хочу я». А он ходит за мной и ходит, не отстает. И все насели на меня: «Сходишь и сходишь. Не упускай — будешь одета, обута, а там разойдешься. Ребятишек не будет». Думали, раз старый, детей не будет. Я и сошлась. Месяц жила, два, три, все уходила-уходила и — забеременела Маргаритой. Хотела сделать что, а сложно было, тогда не делали. А тут Отцу директор тогдашний совхоза предлагать стал, как узнал, что он пасечник: «Давай, мол, я поговорю, чтоб тебя с Москвы к нам перевели, на поселение». Теперь что же... Вызвал меня Отец на работе, спустилась я к нему сверху, он мне и говорит: «Ухожу, Дуня, в хорошее место. Пойдешь со мной — будем жить, нет — жалко мне с тобой расставаться». А я что ж — надоела мне Москва, страсть. Подумала чуток и дала я свое согласие. Иван уж приуныл, а тогда веселый такой стал, как я согласилась. «Увезу тебя, — говорит, — от этого шума, заживем с тобой». Так и поехали в совхоз. А в совхозе была степь голая — ни деревца. А уж потом в Курпинку перешли. Как пошли Курпинку смотреть — дождь полил, ш-шур, ш-шур по Саду, на Пасеку мы шли — в грязи тонули, промокли так, что не узнать нас было, а как вышли к тому месту, где теперь Дом, — дождь прекратил, и радуга развернулась, яркая такая, хорошо сделалось.

Там поселился Иван Васильевич со своей женой, там были у него пчелы и скот, и были у него дети, и видел он внуков, и умер в старости, насытившись днями.

БЕЛАЯ ЗЕМЛЯ

Я ждала маму все лето.

В мелкой траве перед Домом по утрам лежала роса. Тонкие травинки не держали ее, и прозрачные шарики скатывались к корням, раз-

двигая стебли. Цыплаки склевывали их. Роса мочила носки через прорези в сандалиях, когда мы, обгоняя друг друга, бежали через двор к Соснику.

Там дядя Василий сделал для нас качели — на высокий сосновый сук накинута вожжи и приладил на них дощечку. Вожжи вытерли сук, осыпали с него кору, и он, как медная гладкая труба, ловил и растягивал солнце.

Потемневшими от росы носками — к верхним листьям Старого Сада (кажется, что можно поймать ногами ветку), спиной — в кусты трескучей желтой акации. А Марина прислонилась к соседней сосне, колупает розовую смолу и считает до ста, пропуская целые десятки, — ждет очереди. Потом выбегает на Дорогу и кричит: «Надь, мамка твоя едет, вон папкин КамАЗ уже у поворота!» И я спрыгиваю с дощечки, волнами ходят вожжи, бегу — и рокота мотора не слышу, только бабушка зовет: «Девки, завтракать!» «Один-ноль в мою пользу!» — говорит Марина и останавливает дощечку, чтобы до завтрака хоть раз-другой качнуться.

Нас кормят жареной картошкой, которую мы берем вилками прямо со сковороды. Сражаемся за одну вилку — по преданию, она мамина — тети-Ритина, дерем ее вилками из-за поджарок, и гнутся у вилок зубчики. А потом Марина не допивает какао и бежит к качелям, а я играю, что иду искать маму.

Я не застала ее в квартире и поехала в мастерскую. Там был холод, белая пыль нежилых помещений и краска на линолеуме. Я перебрала кисти, и они стучали в моих руках, как кости.

Я зашла за Дом и зажмурилась от блеска соломы. Лошадь храпела и плевалась в сарае, с огорода тянуло чесноком. Надо мной стояли прямые многоэтажные цветы, не гнущиеся под ветром, а качающиеся всем стеблем, на котором, как огромные бабочки, сидят глубокие, будто поролоновые, малиновые чашки. Я сорвала чашку и надела на торчащий из нее обломок стебля круглый тугой бутон. Получилась девочка — голова и платье. «Звали ее Элегия». Я повела Элегию по березовому плетню вдоль огорода, и белые куры были как корабли в волнах укропа и хвостов морковки. Мы миновали окно, где нам блеснул маяк — тусклый луч на стекле лампы, — и приблизились к заколоченному окну спальни. Мы побоялись идти по узенькой тропинке в лесу крапивы, только посмотрели, не видно ли еще кровавых ранок среди колючих веток, — тропинка вела к вишням, и пошли опять мимо сарая.

Лошадь, почуяв нас, забормотала и застучала копытом в стену, у самого пола. Мы побежали было на Пасеку, сказать бабушке, что она пить хочет, но, к счастью, встретили бабушку с помойным ведром и роем жирных мух на ведре. Мы передали просьбу лошади и решили постоять у выгребной ямы.

Яичная скорлупа высывалась оттуда, как снежные вершины. Мы вспомнили, как мама заставляла учить стихи, и Элегия, уже обтрепанная платьем и с обмякшей головой, упала в жижу и превратилась в цветок. Сразу же на него села муха.

А Марина уже ко мне бежит, прыгает, и сарафан на ней раздувается. Полынь на солнце серебристая, и когда ее быстро раздвигаешь, кажется, что и справа и слева кто-то выпархивает, мельтеша крыльями. Желтые споры падают на волосы и в карманы. Через полынь я пробралась на лысый пятачок, где кололи и пилили дрова. Марина полынь обошла и горькие руки не облизывала.

Опилки были только старые, грязные, все слиплись. Деревянные козлы оказались далеко от печенка, и на него было не залезть. Мы взобрались на ржавую бочку, в которой когда-то к нам в Курпинку привозили воду, и стали совать в нее головы. Марина кричала: «Аву!», а я: «Мама!» В бочке золотилась ржавая вода и дурно пахло. Бочка была горячая, мы плевали на нее, и след слюны на глазах исчезал.

Потом мы наперегонки побежали к корытам. Я первая подбежала к белому, а Марина — к зеленому. К моему корыту было дольше бежать. Марина сказала: «Я маленькая, и мое корыто маленькое». В зеленом было темно, и комариные личинки исчезали быстро, а белое было светлое, и по воде бегали молнии от солнца. Мы выловили ночную бабочку, но она успела захлебнуться, и мы ее не спасли. Зато спасли трех мошек и длинненького жука. Он сразу побежал по травинке и улетел, только чуть шевельнув надкрыльями, а мошки обсыхали на подорожнике и ползали, оставляя ниточки воды. Одна улетела, а две ушли в траву.

Мы сорвали ромашки и играли ими в русалок, когда пришла бабушка с эмалированной кружкой, а в кружке на доньшке были крупинки рассыпавшейся малины. Бабушка поделила и мне дала из кружки, а Марине с пальца, и сказала: «Что вы сидите, как сидни. И в воде возитесь — цыпки наведете. Сходили бы в Сад по краям — може, малина есть, так и поели бы». Марина стала прыгать, руками хлопать и кричать: «Малинки поедимся!» А я подумала, что из Сада к Москве ближе и машину раньше слышно.

Мы взяли за руки, как бабушка велела ходить, и с этой кружкой, соком малиновым измазанной, пошли. Мы по Дороге дошли до Липовой Аллеи и нашли сухую землянику. В Аллее был сумрак, и ветер высоко поворачивал листья, и они шумели. Там не слышно было машины, и я вскрикнула и побежала назад. Я притворилась, что испугалась, но кружку бросила, когда и Марина закричала и побежала. Мы добежали до Сосника и долго возвращались за кружкой, потому что кабаны в Аллее хрюкали еще

несколько раз. Потом мы слюнили пальцы и размазывали уже засохший сок по кружке, будто она была полна малиной и мы съели. Мы бегом отдали кружку бабушке и пошли на Нашу Яблоню. До обеда мы ползали по веткам, а сидеть казалось все неудобнее и неудобнее, и черная кора отваливалась, и падала вниз, и висла у меня на футболке. И так мы и не поиграли на Яблоне.

На обед были в железных мисочках щи, и я обоглась и хотела поэтому плакать, но передумала, и решила плакать, что мамы нет. Марина положила ложку и ждала, чтобы смеяться.

— Заешь, заешь хлебушком скорей, — сказала бабушка, и у меня слеза глаз защекотала, Марина смеяться нарочно начала, а ее бабушка — полотенцем, она — реветь, и Сторож зашел, по голове себя тер от пота кепкой и сказал: «Что за шум, а драки нет?» Я застеснялась его и убежала. Посмотрела — на дороге нет машины, вытерла лицо лопухом и вернулась.

Я вернулась к ней в квартиру, и в прихожей еще не рассеялся сигаретный дым. Я крикнула: «Мам!», но ее не было.

Марина спросила меня, где я была, и я сказала: «Секрет». А она спросила опять. Я обещала, что скажу, когда пойдем куда-нибудь подальше, чтобы никто не слышал, и мы пошли к Засосниковскому Пруду, за поворот, откуда далеко видна Дорога, и как тени на горизонте — Слонское, а за Слонским — Москва.

Мимо Рябины на краю поля мы пробежали, потому что под ней зарыт солдат. И когда бежали, в ушах был холод. Мы Пруд еще не видели за ракетами и осокой, а как бычки укают — слышали. Мы сели на мостки, а ногами до воды не доставали. Казалось, что Пруд весь в голубой проволоке — это летали над ним стрекозы. Они садились на ряску и на ветки, которые плавали, и обмакивали в воду хвосты, и от этого шли бороздки. И катались на лапках водомерки. А мы будем купаться, когда мама придет. Марина сказала:

— Ты обещала, скажи мне секретик, а то я мамке скажу, что ты врешь.

— Ну и скажи, я твою мамку не боюсь.

— А я тетя Рите скажу.

— Скажи.

— И ее не боишься?

— Не боюсь.

— А я ей скажу, что ты ее не боишься, она тебе даст, и забоишься.

— Просто мне надо было вспомнить одну историю.

— Расскажи.

— Я тебе секретик сказала? Сказала.

— Расскажи, и я тебе расскажу.

И я рассказала все про Элегию, она родилась, искала маму и погибла в болоте.

— Нет такого имя.

— Есть.

— Нет.

— Я знаю, есть.

— Я у мамки спрошу.

— Твоя мамка не знает.

— Моя мамка все знает.

— Марин, тетя Вера мало знает — она же деревенская.

— И тетя Рита деревенская.

— Моя мама уже городская, она в институте учится и все знает.

— Вот и спроси у нее — нет имя Элегия.

— Есть. Я сама видела: на мыле написано, и принцесса нарисована.

— Так то мыло! Мыло — и все. А ты думала — имя?

Мы легли на мостки и, глядя в небо, такое яркое, что глаза щипало, как будто бы нечаянно сползли и намочили ноги. Сандалии стали тяжелые и стали чавкать. Марина сказала: «Надька, нас бабка убьет!» И мы побежали к Дому, и тяжело было бежать, на Дороге пыль ноги облепила по щиколотки, и у меня соскочила сандалия на повороте у Рябины, где солдат, и я крикнула: «Марина, подожди!», чтобы не так бояться, подняла и не обула, и носок съезжал, а Марина крикнула: «Надюшка, тикай!», и я думала: «Солдат», и чтобы мама спасла.

Мы пришли в Сосник и сели на дедушкин стол, разулись, и носки и сандалии положили на ту скамейку, на которой уже нельзя было сидеть: акация колола спину. В столе много дорожек прогрызли короеды, и мы дорожки забивали листиками. Было так жарко, что волосы обжигали, и от яркости у Марины волосы стали синие — мне казалось. Стручки на акациях лопались, и падали скрученные острые половинки, а горошины отскакивали, и было не найти. На сосне, под которой стол, дедушка сделал скворечник. Но мы не видели скворцов, а дятлов видели. Я однажды видела, а Марина нет, как один сел на крышу скворечника, лапами перебирал, и встал хвостом вверх, и в скворечник заглянул.

Мы сидели, а Сторож на пасеке стал звонить железкой в ковшик, и бабушка выбежала в халате и в сетке и крикнула: «Хоронитесь, рой!», и взвизгнула, потому что ее пчела кусала. И мы испугались и побежали в Дом, а сандалии забыли, а Сторож все звонил, чтобы рой сел.

Бабушка взяла гнилушек на печке — растапливать дымарь — и убежала. А мы закрылись в комна-

те и прыгали на дедушкиной кровати. И рисунки на печке прыгали — это мама в прошлом году обводила наши тени, и места уже больше не было. Рой ушел в Сад, и мы одни были и кошку заперли в печку. Она там сразу легла спать, а потом бабушка догадалась, потому что кошка была в золе. Мы ее наказали, потому что она в прошлом году нас напугала — взяла на кухне из ведра кишки телянка, а они оказались длинные, и она развернула их на полу по всей кухне. Мама нам сказала: «Позовите бабушку», мы пошли и думали, что кошка бабушку съела.

После ужина мы надели колготки и ботинки, а сандалии бабушка забрала домой. Сторож вынес стул на улицу и поставил его возле лавочки под окном, в то место, где уже были следы от ножек, попробовал покачать, и стул не качался. Тогда Бабушка и Сторож сели на лавочку и на стуле стали играть в карты. А я стала просить дать нам картинки, потому что не верила, что они нужны, и все смеялись, и Марина, потому что она знала, как все карты называются, а я нет. И бабушка посадила меня на колени и говорила, какую карту класть, и давала мне держать. А Марина смотрела карты и говорила бабушке на ушко, какие у Сторожа, а Сторожу — какие у бабушки. И Сторож ей сказал найти ветку и махать от комаров. Мне уже надоело сидеть на коленях у бабушки, и я сказала, что тоже буду махать. Бабушка меня поставила, и мы пошли за ветками в Алею, там ветер все шумел, и мы сразу с краю нашли сломанные ветки липы. Они были большие, и мы тащили их по траве, и засохшие листья цеплялись за траву и за репы. Бабушка и Сторож смеялись, и Сторож сказал: «Целое дерево притаранили» — и отломил нам веточки махать, а на пальце у него было кольцо, а под кольцо забила земля. У Бабушки тоже было кольцо, но она его сняла и положила в сундук, а у Сторожа не снималось. Мы махали, а мамы не было, и все темнело, и желтые карты становились все белее, и было уже и так холодно, и от веток. Тогда бабушка сказала, что уже в глазах двоится, и пошли в Дом. И бабушка принесла в спальню ведро, чтобы мы уже на улицу ни за чем не ходили. Я раздевалась и думала: «Сейчас лягу, поплачу, а с утра пойду на Дорогу ждать». А утром я забыла ждать.

В комнате на столе лежали деньги и записка: «Я знаю, что ты заедешь. Спасибо! Закрой на два замка, я буду не скоро». Я закрыла на два замка и ушла.

Мама приезжала и привозила подарки — все мне и Марине одинаковое, новое, с чужим запахом Москвы и магазинов.

То, что дарила мама, Марина и бабушка называли «гостинчиками».

Маму привозил брат, дядя Василий, он кидал Марину под потолок, а меня мама не давала, и катал нас в кабине КамаЗа, где было грубо и уютно, и Марина сигналила, а теленок в Соснике трубил в ответ.

Мама привозила косметику, чемодан пропахшей духами одежды, мольберт и краски. По утрам мы просыпались от нежных и едких запахов и видели маму за столом, потому что дверная занавеска была уже отдернута. Мамино лицо светилось от не успевшего впитаться крема, и зеркало в ее руках тоже светилось. Мама писала акварелью пейзажи, и каждый палец вытирала платком. Она развешивала пейзажи по стенам, и на листах ватмана видны были подтеки. Мамин приезд означал: скоро она увезет меня в Москву.

Она водила нас гулять далеко. Мама клала в корзину складной нож, фляжку, завернутые в газету хлеб, вкрутую сваренные яйца и крупную, как бисер, соль в спичечном коробке. Мы звали Тузика и шли в Сурковский Лог. Мы долго шли по темному лесу, хныкали, то и дело снимали паутинки с лица, мама обирала с нас колючие липучки и репы. Мы сидели на все склизкие трухлявые бревна и просили есть и пить.

Но, наконец, лес светлел — берез становилось все больше, мы шли по истлевшим веткам, и они, как мел, крошились под нашими ногами. Оказывалось, что мы на горе, и чтобы не бежать, приходилось хвататься за мягко мерцающие стволы.

Ветер трепал на березах тонкую зашелушившуюся кожицу, которая легко сдирается, и в воздухе стояло плескание крыльев тончайших.

Желанно и неожиданно расступались березы, и мы видели Лог. Это была зеленая ладонь — от пяти холмов уходили в леса и совхозные сады пять дорог, как пять пальцев, три ручья линиями жизни, ума и сердца истекали из одного родника, скрытого в заболоченной ложбине. Пастух гнал стадо по линии судьбы, и мы видели, как медовые коровы покачиваются на тонких ногах.

Мы сбежали в Лог как бы с запястья, и мама сходила следом, трогая березы и качая корзинкой. Тенью было покрыто ее лицо, то, будто тень уносил ветер, светом невозможным сияло, и меркли березы.

Когда мы спускались в Лог, оказывалось, что стадо далеко, а сверху виделось, что рядом, и едва слышались коровьи мыки, как стоны, и хлопанье кнута. Мы шли к роднику по линии жизни. Вода текла прямо по траве, и травинки извивались в ней, как живые, ползли на месте, всхлипывали под ногой и приподнимались, уничтожая след. Тузик бежал по ручью, опустив в него язык, и язык плыл по

Рисунок Антонины Решетниковой

траве. Мама раздвигала острую осоку, и под вымытыми из земли корнями лозины, меж двух камней мы видели глинистое донце, покрытое серой дрожащей водой. Рыжий и крупный, как труха, песок возле родника был изрыт разными следами — мама показывала нам следы лисы и кабана. Древесный сор — веточки, частицы коры и отжившие листья падали на родник и, поворачившись в нем, выплывали в устье одного из ручьев; задерживались там и

бились, зацепившись на порогах, образованных корнями, и тихо отходили, и уходили по масляной траве, по мягкой воде.

Грибы жили на крутых склонах холмов, поросших ельником и осинами. Пологие склоны шевелились цветами, теплыми от солнца. Мы с Мариной лежались на вершине холма и, закрыв лица руками, катились вниз. Перед глазами красная мгла сменяла зеленую. Что-то кололо, хлестало, ласкало, липло — и оставалось выше. Казалось, что катишься быстро, долго, и останавливаешься вдруг не внизу, а на каком-то бугре, всегда лицом вниз. Переворачиваешься на спину, думая, что покатишься дальше, и удивленно понимаешь, что лежишь на ровной земле, у самого подножия холма, а небо поворачивается над тобой и никак не может повернуться. А с холма налетело влажное дыхание, теплый запах псины, и Тузик, наступая мне на руки, встал надо мной и с мольбой и тревогой уставил на меня каре-розовые глаза из-под черных ресниц и, как тряпочку, уронил мне на лицо язык. Я завизжала и толкнула его в скользкий, как масленок, нос, вскочила и увидела, как медленно скатывается с другого холма Марина, и кузнечики сухи-

ми брызгами прыскают вокруг нее.

На одном холме росли «корольки». Мы рвали красные яблочки с желтой начинкой и ели их, вяжущие рот, просто от жадности, потому что они были маленькие — на три укуса. Марина сказала: «Эти яблочки колдовские. Кто съест — станет царицей. А царица — это самая красивая во всем, во всем... на всей земле самая». И мы ели, ели яблочки, и с холма кидали огрызки. Мамин грибной ножичек

сверкал в ельнике, как будто там прыгал большой серебряный кузнечик.

Так хотелось благодарить кого-то, и, не знаящие молитв, мы пели песню «Широка страна моя родная...», а пастух гнал уже стадо по одной из дорог и что-то кричал, беззвучно хлопая кнутом, но не слышали мы и не знали, что он кричит.

Однажды мама увела меня так далеко, что ножки болели, когда я иду, я садилась, и не болели, шла — и болели, и я садилась. И мама со мной сидела, и муравьи ходили, а мы смотрели, а у муравьев дом, они сделали и травинки торчат. А потом я сказала: «Мама, возьми меня на ручки», и мама взяла, и не сла, и я видела, что сзади дорога, и деревья, и поле, а потом я отвернулась, а когда глянула — вместо дороги стала Белая Земля. И в ней камешки белые, а далеко — домики. И домики еще были, но стала тень, а Белой Земли не стало — опять только дорога.

Мама смутно помнила, что было такое — каким-то летом ходила она со мной к «Победе», но что было

у меня там видение Белой Земли — не знала. А Марина поверила моему рассказу, и мы несколько лет подряд просили и просили маму отвести нас к Белой Земле, и Белая Земля снилась Марине.

Мама приезжала, и это значило, что скоро мы уедем.

Мне разрешили сидеть, свесив ноги с телеги, и очень скоро, уже у поворота на Малинник, мне натерло поджилки. Но я все равно сидела, свесив ноги, и грязь с колеса прыгала мне на колготки.

Дом был моим Домом по незаконному праву чужеземки. Каждую осень я уезжала оттуда навсегда.

Дома давно уже не видно, и не видно Сосника, скрывшего Дом, и не видно Курпинского Леса, скрывшего Сосник. Вот не видно и Малинника, скрывшего Лес. Уползают от меня поля, отшатаются деревья, на мгновение мелькнул один из холмов Лога, и что-то нехорошее случилось с моим сердцем — теперь знакомое и всегда чужое, — и это было — тоска.

ЧТО В САДОЧКЕ НА КЛЕНОЧКЕ ЖЕЛТА РОЗА РАСЦВЕТАЛА...

— Мы пойдем в Курпинку?

— Чего туда ходить? Что там? Не ходи туда — далеко...

В доме дяди Василия томилась бабушка. В темной спальне, среди сырых ковров и паласов она качала железную колыбель и пела:

— Что в садочке на кленочке желта роза расцвела...

Розовое, страшно малое, дремало в белом бутоне одеяльца.

Мухи ходили по откинтому тюлевому пологу.

Я сидела на цветастом покрывале чужой кровати.

— Кто тут есть живой? — К бабушке пришла Кума-колчанка, одетая в черное, как все колчанки, в по-особенному повязанном платке.

Грудь ее была завешана разноцветными бусами — одни крупнее и ярче других. До самого впалого живота ниспадала стеклянная елочная гирлянда.

— Заходи, Ксен. Внученьку мою третью видала?

— Неть еще. Красотулячка. Вся в бабю.

— Да иди ты еще! Она ихней породы — хомяковской.

Появление Кумы-колчанки считалось в доме дяди Василия нехорошим знаком. Колчаны говорят не как все — сильнее всех своих соседей якают, буд-то издеваются, и смягчают все окончания, как малые дети. «С колчанами водиться — страмотиться», «Они немуют, немтыри». «Как не люблю я Ксенцу привечать, — говорила бабушка, — припрется — и сидит, и сидит, никак ее не спровадишь».

— Дунь, а как же могила-то Иванова? — говорила Колчанка, и бусы ее валились в колыбельку.

— Как? Да так: все на кладбище поедут, а мы туда. Вот как.

— Такой домь бросила, Дунь! Не сходила б ты от-тедя.

— Жалко дом, а то! Столько лет жили, все там было. А как не сходить — вот, прибавилось. Там, глядишь, и пойдут, и пойдут — какая мне теперь работа.

— А новый пасячник-тя, слыхала, переносить пасякю хочеть — поближе сюда.

— Шмель-то — он дурак. Ленился он — далеко ему ездить, вот и дуракует. Погубит пчелу — да и...

— Пчеля-то анадся, а донь как же запустуеть — осерчаеть Ивань!

— Хватя! Что ему мертвому! Трясешь тут убранством своим — вон девчонка уже закрихтела, разбудили.

— Прости, Дунь. Пойдю я, магазинь, може, открылся.

— С богом, кума, заглядывай.

— Загляню. Старшья-то у тябя невестя.

Кума-колчанка мигнула мне и вышла, тихо приотворив дверь.

— Марусенька благородна, — запела бабушка, трогая колыбель, которая качалась от всякого прикосновения. — Не люби-ка дворянина, будешь добра....

Еще недавно я думала, что беременность — это болезнь. А теперь мы с Мариной возили по улицам совхоза малиновую коляску и облизывали тугую янтарную пустышку, падающую все больше в песок.

За нами ходил мальчик. У него была розовая голова, и белые волосы едва покрывали ее. Мы смеялись над мальчиком, и он начинал кидать в нас комьями земли.

— Гришка! Дурак! — кричала Марина. — Я все мамке расскажу, не видишь, мы с сестренкой!

— Я в вашу сестренку ни раза не попанул! — кричал Гриша и опять шел за нами, но близко не подходил.

Потом Марина стала находить в почтовом ящике сорванные у нас же астры, а однажды, когда клали Шуру в коляску и откинули одеяльце, мы увидели там несколько смятых конфет и два яблока.

— Это Гришка, — сказала Марина, — боится, что я мамке скажу, как он в нас кидал. Все равно скажу, пусть не думает!

Тетя Вера усылала нас гулять и ложилась. Этим летом окна в ее спальне не раззанавешивались, и голубые тени от сатиновых шторок едва шевелились на ее лице и округлившись руках.

Халат на груди намокал, и из приоткрытых потемневших губ выходили легкие хрипы.

Мы толкали коляску по единственной заасфальтированной улице, и солнце путалось у нас в спицах колеса. Гриша катался на велосипеде. Два раза он с криком: «Дорогу!» промчался мимо нас. Он на лету вырвал из-за чужого забора кисть рябины и бросил нам в коляску. Марина выкинула кисть на дорогу, и оранжевые ягоды раскатились, попадая под колеса нам и Грише.

Мальчик кружил и кружил по асфальту, и руль его сверкал, как молния. Марина попросила показаться. Гриша притормозил ногой. Он покраснел, и брови его стали заметней. Он сказал: «Не... Мне папка давать не велит... он новый... а вот когда бу-

дет старый — Марин, катайся хоть днем, хоть ночью».

— Жадина! Мы твои конфетки выбросили!

Гриша уехал. Солнце выпуталось из нашего колеса и загорелось на Гришином багажнике.

— Надо было спросить, чтобы хоть на рамке прокатнул, — сказала Марина.

Астры упирались лбами в крашенные заборы. Оранжевые тучи рябин лежали на крышах сараев. Мы катили сестру по первым желтым листьям, и бычки, пасущиеся на обочинах, провожали нас взглядами, как старухи.

Гриша сделал круг по совхозу и догнал нас сзади.

— Садись, Марин, на багажнике прокатну.

Марина, не глядя мне в глаза, села на багажник. Лепестком полетела ее юбка, и тонкие ноги болтались, темнея и светлея тотчас, перебирая тени.

Все было чужое мне в этом поселке, и младенец, неподвижно спавший в коляске, не проснулся, даже когда желтый лист, покружившись, коснулся его лица. Я развернула коляску и почти побежала с ней к дому дяди Василия. Быстро, быстро менялись заборы, я свернула в проулок, оттолкнулась... Белый забор оскалился, полетел на меня, и я увидела в зазорах между штакетинами астры и землю на их стеблях.

Коляска перевернулась, младенец выкатился из нее в траву, и я лежала в канаве, лицом к чужому забору, и от тоски встать не хотела. Я слышала крик Гриши: «Убила!», визг Марины и топот медных пят матери. Она подняла меня, спросила: «Цела?» и ударила в лицо, и тотчас заплакала Шура, и бросились к ней все.

Я пошла к своему Дому в Курпинском лесу. Я вышла за поселок и увидела листья, лежавшие на жнивьех. Ветер отнес их от деревьев и некоторые наколот на острия колосьев. Я пошла вдоль посадок и услышала за шумом ветра чьи-то шаги и тихое непонятное громыханье. Я замерла, и Кума-колчанка вышла мне навстречу. В руках у нее были палка и корзина.

— Надюшка, кудя ты на ночь глядя? Погулять пошла? Проводи бабку, я грибы брала, уморилась.

Я взяла у нее полупустую корзину.

— Ти ня горься.

— Я не горюсь.

Кума-колчанка оперлась на мое плечо, и от ее черной кофты пахнуло сухими листьями.

— Рано в ентот годь сентябрьть... Ня тебе бусики, авось вам, девкям, такая можня...

И Кума-колчанка накинула мне на шею холодную оранжевую низку. Бусы были тяжелы, и приходилось делать усилие, чтобы не нагибать шею.

Бабушка пела:

Ты сестрица, мать родная,
Покачай мое дитя,
А я больная.
Как сумела ты гулять,
Так сумей-ка, Марусенька, и качать.
Что в садочке
На кленочке

Желта роза расцветала,
А наша Марусенька свою жизнь проклинала...

Этим годом бабушка повесила на кухне над плитой иконы и стала опускаться перед ними на колени, на пузырящийся линолеум, чего раньше никогда не делала.

САНИ

Мы шли с Шурой по накатанной дороге, и синие тени домов хотелось обходить, как открытые погребка. Окостеневшие кисти рябины за заборами еле слышно стучались одна о другую. Крашенные синькой оконные рамы и калитки в металлическом блеске снега казались зелеными.

Ветер стал подниматься, когда мы вышли на окраину поселка. Царапая наст, покатались колючие, как крючки, снежинки.

Рита вышла из дома бабки Косых, где жила на квартире, и пошла в Курпинку. Чтобы не продуло, она прижимала к груди узел с накопившимся для стирки бельем. В эту пятницу Отец не приехал за ней.

Мы пришли на склад и стали топтать на деревянном крыльце. В открытые двери намело, снег набился в щели между половицами и припорошил губы мертвой коровьей головы, брошенной в углу. Ведро было надето на ее рог.

Мы вошли в недра склада. Там было теплее — разделанные туши висели по стенам и на перекладинах, как багрово-белые занавеси. Кладовщица сидела на колоде и что-то писала в книгу на щелястой плахе. Белый, в коричневых пятнах халат она надела на телогрейку, и складки стянутой ткани расходились от пуговиц.

Кладовщица не видела нас, и мы молчали. Туши нависали над нами, как деревья страшного леса, где кедры стонут и обливаются кровью, когда их рубят.

Рита вышла в поле, начиналась пурга. Поднимая узел над головой, Рита представляла, что плывет, снег доходил ей почти до пояса.

Кладовщица рубила нам мясо, и по лезвию топора ходили тени снежинок.

Мы взяли за сумку.

— Рука болит, — сказала Шура.

— Давай отрублю!

Кладовщица засмеялась и сняла рукавицы.

Мы сошли в снег и, чтобы сократить путь, свернули с дороги.

Рита устала, она вспотела, шарф намок, волосы, вылезшие из-под шапки, липли к шее. Влажные шея и щеки чесались от соприкосновения с шерстью... Ничего не было видно, кроме сумрачного дрожания белых и серых хлопьев. Тени, будто бы леса, качались — и все на горизонте. Хотелось пить, и снег только бесследно таял во рту, горло же оставалось сухим и горячим. Хотелось спать — и снег хрустел, как крахмальное белье, — упасть, уснуть и во сне продолжать падать...

Мы давно уже не видели дорожных столбов — нам было весело, и хотя мы давно заблудились и устали, мы ждали чего-то еще, более опасного и интересного — и шли, шли, не думая искать дорогу. Шура низко наклоняла голову, и мне видны были только ее брови, изогнутые, как убегающие в разные стороны куницы, и покрытые изморозью. Я спросила ее:

— Ты помнишь, как дед Яша рассказывал про русалок?

Чтобы слышать друг друга в течении ветра, нам приходилось кричать.

— Нет, расскажи!

— Шел он как-то через поле, зимой, пурга началась, как сейчас. Идет, идет, устал, и вдруг навстречу ему девушки, легко одетые, смеются. Говорят ему: «Пойдем с нами, у нас тут дом недалеко, переждешь пургу, отогреешься». Он пошел. Привели его в избу — в самом деле, недалеко. А там тепло, натоплено. Сняли с него валенки, пальто. Он сел на лавку у печки, задремал, задремал — и уснул. Проснулся от холода — смотрит, а лежит он в поле, раздетый, а валенки, и пальто, и шапка в снегу валяются. Он оделся — и бегом. Прибежал к нашей бабушке в Курпинку. «Русалки, — говорит, — меня морили». Его мама видела — весь оледенелый.

— И что тетя Рита?

— Ничего.

— Дурак, не понял. Какой дом в поле!

Снег неожиданно стал глубже, мы провалились почти по грудь, пришлось повернуть и выбраться на свои старые следы.

Мы пошли в сторону, сумка становилась все тяжелее, и снова мы провалились.

— Ямы какие-то!

— Надь, это скотомогильник!

Мы засмеялись, веселое возбуждение прибавило нам силы. Каждую зиму на скотомогильнике находят следы волков, лис и бродячих собак. Многие шофера, проезжая по дороге ранним утром или в сумерках, видели тут серые и палевые тени, как клубы дыма прокатывающиеся по снегу.

— Глянь, Надь, чернеется что-то!

В самом деле, в нескольких метрах от нас на сугробе лежало что-то черное, маленькое, не совсем еще занесенное снегом.

— Пойдем посмотрим!

— Если пойдем туда, с пути собьемся!

— Ну постой, я сбегую.

Шура выпустила ручку сумки и побежала. В пурге мне казалось, что она удаляется быстрее, чем это было на самом деле, и странно было, что она никак не достигнет черного на сугробе, будто и оно удаляется. Шура забежала за бугорок снега. Она не появлялась несколько дольше, чем я ожидала, я сделала шаг к ней и поняла, что стояла на краю ямы. Выбравшись, я увидела, что и Шура, вся в снегу, отряхивается оледенелыми варежками, а снег, плотно налипший на шубку, только ярче начинает блестеть.

Черное на сугробе почти полностью исчезло. Шура, пытаясь подойти к нему, еще несколько раз тонула и, наконец, вернулась красная, запыхавшаяся.

— Это валенок, он прям на яме, не подойдешь.

— Валенок... Ты врешь!

— Что я, не видела валенка? Небось кто-то в волка бросил!

— И промахнулся...

— Неужели попал?!

Темнело, и вдруг стало светло — будто снег поднялся и устремился в небо. Мы и палки кустов поблизости — все на земле стало маленьким, что-то изменилось в воздухе, тонкий запах морозных яблок поплыл отовсюду, и грудь, казалось, разорвется от свежести и холода, которых слишком много вошло в нее. На секунду небо стало серебряным, а потом, помедлив, гром что-то обрушил в небе, и у нас над головами затрещало, снежный воздух закачался, и качался все медленнее, медленнее.

Рите чудился волчий вой в гуле ветра. Кончики пальцев на руках и ногах щипало нестерпимо. Она подняла лицо к темному волнистому небу и шла так, закрыв глаза. Ей хотелось открыть их — и сразу узнать место, увидеть, что до Дома недалеко, или хотя бы определить по каким-нибудь приметам в сторо-

не Дорогу, ведущую к Дому... Тоска давила на сердце и словно камни навалила на веки... Тяжело Рита открывала глаза — и видела мельтешение снега и теней в сумраке.

Она услышала лошадиный храп и тут же — звяканье сбруи, и словно дыхание человека, Отца. Рита обернулась на звуки и увидела на горизонте черную неподвижную тень, в ней по очертаниям угадывались лошадь, запряженная в сани, и голова человека, покачивающегося на санях. Рита побежала на тень, размахивая узлом, и уже не слышала ничего, кроме ветра.

Стало тихо. Весь снег улегся, и ни снежинки не было в воздухе. От края до края открылось небо, и закат, как по руслу, тек по холмам скотомогильника, выплескивая на поле желто-розовые волны.

— Смотри, сани! — сказала Шура.

Я ничего не увидела, но Шура повела меня куда-то, где, как нам казалось, мы уже были.

— Там на санях кто-то проехал, там дорога!

И действительно, обогнув холм, мы увидели черные столбы, идущие к поселку, и маленький, занесенный снегом склад немного в стороне от них. Кладовщица, как былинка, возилась возле, она запирала двери, и далекий скрежет засова долетел до нас.

— Думали завтра с утра за тобой заехать, если распогодится, — говорил Отец. — А пурга пошла, пошла, и сердце у нас с матерью заболело. Так и поняли, что ты пойдешь. Мама говорит: «Запрягай, Отец, хоть где встретишь». Я вот, видишь, приехал в совхоз, а ты уже ушла. Поехал обратно, медлил, думал — где встречу тебя? Хотел в поле свернуть, а так намело, что лошадь проваливаться стала. Думаю, хоть бы вышла она на угол — встретились бы. А тут и ты бежишь, белая вся, как русалка.

Мы находили рябину, вкрапленную в снег. Ветер порвал ее и раскидал по дороге. Шура сказала:

— Мне прям кажется, что или много-много времени прошло, или вообще секунда — р-раз, и тута. Как и не были на складе, только уморились... Вон и бабка нас встречает.

Бабушка с Васькой и Ванюшкой стояла у синей калитки. Она держала круглого от множества одеялец Ванюшку на руках и качала головой. Васька упал в снег.

— Бабка, куда смотришь — Васька упал, уже заморозился весь! — крикнула Шура и отпустила ручку сумки.

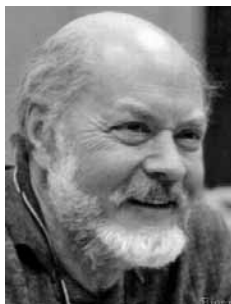
Она побежала к ним, у калитки началась суета.

— Подними, совсем, что ли, плохая! — кричала бабушка. — Что мне, Ваньку бросить, а Ваську поднимать?!

Я тащила сумку по снегу, и два узких следа, как следы маленьких полозьев, оставались на дороге...

Лев АННИНСКИЙ

Куда прешь, морда!

Давно не видел я столь веселого спектакля. И столь неистребимо актуального. Хотя со времени, когда знаменитый (в свою пору) издатель «Осколков» юморист Николай Лейкин выпустил книгу «Наши за границей», прошло 120 лет. Ну и что? Наши загранвояжи остаются на авансцене анекдотизма.

Екатерина Еланская на малой площадке театра «Сфера» с блеском отрабатывает большой джентльменский набор. Не перечисляю всего, но вот два номера из Всемирной выставки соблазнов. Париж предьявляет, кроме Эйфелевой башни, подлинный «танец живота», а кафешантанная дива, мучительно припоминая русские слова, рекомендуется так:

— Про... фурр... сетка!

Главная же реплика впереди...

Русская пара: купчик, скрупулезно подсчитывающий сантимы и наотмашь швыряющий сотни франков; при нем боевая жена, несколько отшлифованная институтом благородных девиц. Самозабвенная игра Рената Кадырова и Валентины Абрамовой. Самозабвенье — это по-нашему! Французы знают: пить с русскими — значит, пить по-русски. А русские как пьют? До дна, понимаешь! Так, чтобы упасть без чувств. И проснуться наутро без денег. И послать к чертовой матери эту гребаную границу! И вернуться под родные осины в полной к этим осинам патриотической преданности! И обомлеть от радости, услышав на границе родную реплику, которую я после некоторых колебаний рискнул поставить в заголовок моей заметки.

Александр АНАШКИН

Поэт Александр Анашкин родился в 1964 году в Москве. Окончил Московский горный институт. Печатался в журналах «Знамя», «Крещатик», «Новый Берег», «Юность», «Волга» и др. Автор книги стихотворений «Другая метрика» (М., 2006). Живет и работает в Москве.

ЧТО ТАКОЕ ПОЭЗИЯ?

Если язык в целом уподобить транспортной системе, то поэзия — особый вид транспорта, с помощью которого попадают туда, куда попасть невозможно.

Александр Анашкин

Исходное

В Париже — кончается Франция.
В Москве — начинается родина.
А лирикам свойственно странствовать
с невинным азартом юродивых.

На главных дорогах отечества,
на малых тропинках истории
они выставляют конечности
и мир недоверчиво трогают.

Вплетаясь в строку журавлиную,
включив огоньки папиросные,
взлетают они пилигримами
над злыми земными вопросами.

Как будто их малое знание,
растущее в детских песочницах,
поможет поднять мироздание
с колен инстинктивного творчества.

А влажные сны придорожные,
ветвистые, словно растения,
расправят нам мягое прошлое
и выдадут тайны материи.

Внезапны, как братья по разуму,
поэты исходного ордена.
Поскольку кончается Франция
и может закончиться родина.

Платон и бабочка

Идея бабочки принадлежит Платону.
Платон, как друг, принадлежит идеям.
Дороже истины, которая владеет
умами юными на грани моветона,
порхает бабочка под музыку недели.
И останавливает звуки из картона.

Дрожит стекло, стучат соседи в стену,
любимый пес скрывается на кухне,
горят все лампочки у стереосистемы.
Но звука нет. Лишь на пределе слуха
какой-то шорох, ведомый растениям,
всплывает в памяти, протягивает руку...

И ты взлетаешь холодком из книжек.
Платон фундаментален, неизбежен,
но эта бабочка, придуманная им же,
умеет делать тысячи движений
немыслимых — то подлетая ближе,
то обогнув до головокруженья.

Но перед ней Платон — гранит науки
(собакой грызен был неоднократно),
в пяти томах, читаемый от скуки
здоровым человеком на матрасе,
такие ставит мысленные трюки,
что с бабочкой мешает разобраться!

Птицы

Усталость мыслей. Призрачность предметов.
И, вероятно, дело не в погоде.
Разбросанный, как истина в газетах,
который час на бывшем теплоходе,
на палубе, на фоне белой краски,
своей покорно слушающей тени,
стою и пересказываю сказки
о птицах, что на юг не улетели.

О той вороне, увлеченной небом,
когда ей бог послал кусочек сыра.
О воробье, растрепанном и нервном
от общей неустроенности мира.
Про голубя из Ноева ковчега,
нашедшего вершины Арарата
столь страшно поседевшими от снега,
что в третий раз не повернул обратно.

Что держит их в холодной части света?
Что заставляет сомневаться в странах
другого полушария планеты?
Соленой влаге теплых океанов
предпочитая опустевший сад
без листьев в ожидании метели.
Где редкий дождь стреляет наугад
и каждый выстрел достигает цели.

Прогулка

В числителе полночь, зима в знаменателе.
Пока развлекаешь себя математикой,
от холода ты защищен.
Но дело в другом: на окраине города
тебя остановит, глаголами в голову,
похожий на птицу неон.

Для слухов империи — уши из бархата.
Все сопоставимо: газетой позавтракав,
страдаешь за этих и тех.
А город молчит, тишиной запорошенный.
Как будто в истории только хорошее
имеет значение сверх.

Как будто тебе продолженье придумано,
свет в окнах чужих и чужое безумие —
слепой механический шанс.
Как будто пришло торжество равноденствия,
в холодных руках скрыта мера бездействия.
И хочется верить подчас,

что, вновь посетив переменную облачность,
луну в эпицентре разорванной полночи,
меняются в сердце своем.
Но, видимо, нас без инструкции делали,
лепили на ощупь, держали на дереве.
Не думали, что доживем...

Дождь

Такой был дождь, что рыбы по знакомству
могли бы заплывать в твоё окно,
будь чуть плотней материя спокойствия,
разъятая на капли волокно.

И ты, надев насквозь промокший воздух,
могла бы обратиться к океану

с той самой главной обнаженной просьбой,
как маленькая девочка к шаману.

Но, зная, где кончаются пределы
его владений, где земные капли
теряют связь с первоначальным телом
и гром гремит над кукольным спектаклем,

ты закрывала окна, как страницы,
ложились спать под толстым одеялом.
И даже сны, промокшие, как птицы,
в сухой душе следа не оставляли.

Странствия

Впереди — серебристые сумерки листьев.
Ветви. Корни. Окольные тропы пространства.
Посмотри, где кончается прежняя странность,
начинаются новые странствия истин.

Нам прощают другие миры и сидят на коленях
осторожные книги. На белых страницах покоя
больше, чем заслужил, завязал узловатой строкою.
А накроет — и сам не заметишь великого плена.

Этим бабочкам введома магия белых платочков,
тайна трех измерений, инерция прежнего сердца.
За иной поворот успеваешь родиться младенцем,
умереть стариком и вернуться в исходную точку.

* * *

Тягучий вересковый мед.
Полкружки чая.
Ты думал, все это течет,
не замечая
воздушных волн на берегу
ночного неба
и шестикрылую звезду
над печенегом.

Ты думал, все это игра,
осколки мифов:
дожди из местного ведра
умыли скифов,
не знавших точного числа
и спектра линий.
Но это их звезда взошла
над нами, Плиний.

Хелью РЕБАНЕ

Хелью Ребане — эстонский прозаик. Когда ей было 12 лет, в школьном альманахе напечатали ее первые стихи (на эстонском языке). С 1982 года ее рассказы стали печатать в разных журналах (Looming, Noorus, «Таллин», «Вокруг света», «Искатель», «Смена», «Юность»), включали в сборники фантастики, в частности в антологию лучших рассказов года «Проба личности» (1991). В 1985 году в Таллине вышел сборник рассказов Vike kohvik (на эстонском), в 1988-м в Москве — «Выигрывают все», в 2007-м — сборник «Аристарх и ручная бабочка». Наибольшей известностью пользуется фантастическая повесть Хелью Ребане «Город на Альтрусе», опубликованная в России в 1989 году. Пишет в основном в жанре фантастики. Сюжеты и идеи ее произведений неожиданны, изложение сжатое и разворачивается в стремительном темпе, приводя к неожиданной развязке.

РАССКАЗЫ

ДЕВУШКА И КОТ

Мне нравятся необычные люди. Они встречаются редко.

Во всяком случае, один такой человек гулял в нашем дворе. Это была девушка, которая выгуливала своего кота.

Я стоял у окна и наблюдал за ней из-за занавески, со второго этажа. Серый кот гулял у нее на поводке, как собака. Он послушно ходил по двору, осторожно нюхая травинки, словно видел их впервые в жизни, как-то презрительно высоко поднимая лапы, по-видимому, испытывая отвращение к дождю, прошедшему ночью.

Девушка была миловидна, спортивно одета. Необычная девчонка. Не каждому придет в голову пойти гулять со своим котом. Почему бы ей еще не поставить во дворе будку и не посадить кота на цепь?

Я принялся выдвигать гипотезы насчет ее внутреннего мира. Она обращается со своим котом так, словно это не кот, а собака. Следует ли из этого, что она и другие вещи путает, ошибается в людях, может быть, даже разочарована в жизни? А может, она помешана на дисциплине? Хочет, чтобы люди тоже ходили вокруг нее по струнке, как этот толстенький серый кот?

Мой интерес к юной особе не ослабевал. Я довольно часто наблюдал за ней, стоя у окна. Я заметил обручальное кольцо у нее на пальце. Но она почему-то всегда выходила из дома одна или же в обществе кота.

Однажды я не выдержал и пошел к ней, во двор.

— Позвольте поинтересоваться, почему вы выводите кота на поводке? — спросил я, подойдя к ней.

Лицо девушки просияло, словно она только этого вопроса и ждала.

— О, этот кот... — сказала она. — Это необычный кот. Представляете, он умеет открывать лапкой любую дверь! Открывает кастрюли и холодильник, потом сам закрывает. Знаете, мне кажется, у него есть идея фикс.

Н-да. Скажет тоже...

— И какая же? — спросил я.

— Удрать. Однажды мне его привезли обратно из Раквере¹. Мне что-то не верится, что он сумел сам сесть на электричку, но кто знает... В Раквере у меня живет тетя. Я как-то раз брала его с собой, когда ездила туда. По-видимому, он запомнил дорогу...

Она задумчиво посмотрела на меня и продолжила:

¹ Раквере — небольшой городок в Эстонии.

Рисунок Антонины Решетниковой

— Мне нравятся необычные животные и вещи. И люди... Они так редко встречаются. Вот вы, например, необычный человек.

— Я?!

— Да. Когда я гуляю с котом, очень часто вижу, что вы стоите у окна и... мне кажется, мечтаете о чем-то. Сейчас все люди куда-то спешат. Они почему-то как будто никогда ни о чем не мечтают. Я почти уверена, что и у вас есть идея фикс.

Ну и девчонка... Угадала... Но у меня, к сожалению, нет тети в Раквере.

— Все люди о чем-то мечтают, — сказал я. — Я не исключение.

— Да-да, конечно, мечтают! Все коты тоже о чем-то мечтают... Но не так... напряженно, как мой кот. Или... вы.

После этих слов мы долго молчали и смотрели на кота, который медленно ходил вокруг пучка травы, как бы нехотя обнюхивая его. Поводок волочился вслед за ним по траве.

— Почему же вы не даете мечте кота сбыться? — спросил я наконец.

Она укоризненно посмотрела на меня, словно я сказал какую-то несусветную глупость.

— Потому, что мой кот мне дорог.

— Если бы он был вам действительно дорог, вы бы делали не то, чего хотите вы, а то, чего хочет он, — заметил я.

— Как же я могу делать то, чего хочет он? Он ведь и сам не знает, чего он на *самом деле* хочет.

Она немножко подумала и продолжила:

— Вам, наверное, кажется, что я веду себя как эгоистка. Но это не так. Я тоже мечтаю, но я ведь не поступаю так, как *мне* хочется, несмотря на то, что...

Она вдруг осеклась и покраснела.

Мы снова помолчали, обратив взоры на кота. Ему надоело обнюхивать стебельки, он поднял голову и вопросительно посмотрел сначала на нее, затем на меня.

— А вы мечтаете... напряженно? — прервал я молчание.

— Очень, — сказала она серьезно, посмотрев мне прямо в глаза.

— И все-таки делаете то, чего хочет кто-то другой?

Ей уже полностью удалось обрести душевное равновесие. Она улыбнулась:

— Обычно такие вопросы никто не задает. Вот видите — вы необычный человек.

— А вдруг тот, у кого вы идете на поводу, и сам не знает, чего он на самом деле хочет? — не отставал я.

Впервые эта милая девушка не знала, что сказать. Она смотрела на меня почти растерянно.

...Мы с ней женаты уже три года. У нас небольшой дом на окраине Таллина. Во дворе будка. Там у нас живет собака.

Кот живет у тетушки в Раквере. Она выводит его гулять на поводке. Дело в том, что он уже пару раз удирал от нее к нам.

Неужели он сумел сам сесть на электричку? Кто знает...

НЕЗАБУДКИ В СИНЕЙ ВАЗЕ, или ИСТИНА

— Тебя не переспоришь, — любил говорить отец.

И все же они без конца спорили. Препирались из-за какой-нибудь ерунды так, будто речь шла о жизни и смерти. Словно от того, кто прав, зависит дальнейшая судьба не только их самих, но и всего человечества.

Был вечер. Сильви сидела в гостиной на диване и срисовывала гуашью картину, висящую на стене над столиком с телевизором, — большой букет незабудок в синей глиняной вазе.

Впрочем, главная ценность картины заключалась в красивой позолоченной раме, но за день Сильви устала от однообразной работы: она рисовала маленькие сувенирные картинки с видами Таллина, моря — ей ничего не стоило сделать штук двадцать за день. Накладываешь трафарет, брызгаешь из баллончика шведской быстросохнущей краской, затем подрисовываешь тени на башнях, чтобы они стали выпуклыми, а к морю пририсовываешь пару сосен. Относишь торговцам на улицу Виру. Туристы покупали эти сувениры очень охотно. Новое время, перестройка, открыло новые возможности для тех, кто хотел заработать. А рисовать отец научил ее еще в детстве.

Устав от сувениров, ей захотелось нарисовать этот букет просто для себя, для души. Вот она и сидела перед включенным телевизором, на диванном столике перед ней были разложены газеты, стояли банка с водой и баночки с гуашью. Низкая пузатая ваза была уже почти готова. Ее выпуклость подчеркивала темно-синяя тень на правом краю.

«Теперь еще незабудки — и готово», — подумала Сильви.

Начались вечерние новости. В комнату вошел отец, сел рядом с ней и стал смотреть телевизор.

— Почему ты, доченька, нарисовала такую темную тень на вазе? — поинтересовался он через некоторое время.

— Потому, что тень темная, — ответила Сильви, макая кисточку в гуашь и продолжая делать точки — лепестки крохотных ярко-синих незабудок.

— Извини, конечно, но правый край вазы не темно-синий, — сказал отец.

— Вот как? — Сильви ткнула кисточкой в сторону картины. — Неужели не видишь? Темный! Я копирую точь-в-точь.

— Допускаю, что какой-нибудь человек — темный, но край этой вазы определенно светлый.

— Ну посмотри же! — взмолилась Сильви.

— Светлый, — упорствовал отец. Он начал уже сердиться.

«С ума сведет, — подумала Сильви. — Почему он все время ко мне придирается?!»

— Нет, темный, — процедила она сквозь зубы.

— Тебя не переспоришь! — воскликнул отец, вскакивая с дивана и, очевидно, собираясь покинуть упрямую дочь. Но тут же сел снова, так как вечерние новости продолжались.

Некоторое время они сидели молча. Сильви рисовала. Отец напряженно смотрел телевизор.

Новости закончились. Отец тяжело вздохнул.

— Почему ты так любишь спорить? — спросил он.

— Наверное, потому, — не отрываясь от незабудок, ответила обиженная Сильви вызывающим тоном, — что в спорах рождается истина.

— Но почему ты споришь, когда не права? — взмолился отец.

— Очевидно, потому, что я — твоя дочь, — сердито буркнула Сильви.

Отец нахохлился и умолк надолго.

— Ничего не поделаешь, уступает тот, кто умнее, — произнес он наконец и вышел из комнаты. Даже по его спине было видно, как он расстроен.

Но минут через пять он вернулся.

— Встань, пожалуйста, — попросил он и сел теперь на ее место.

— Вот видишь, — пробормотал он.

— Что еще? — спросила Сильви, продолжая дуться.

— Если смотреть отсюда, то справа на вазе действительно темная тень. — Отец стал машинально почесывать затылок. — Но ты сядь на мое место!

Надо же... Сильви изумленно смотрела на картину. Никакой темной тени на вазе не было! Ваза была равномерно светло-голубая и вовсе не казалась такой выпуклой, как прежде. Странная истина родилась в этом споре. Так какая же эта проклятая ваза на самом деле?

...Вы, возможно, думаете, что наступил, наконец, тот знаменательный день, когда они перестали спорить? Увы...

ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ

В художественном салоне громко пело радио, в песне повторялось слово «Юра».

— У латышей тоже есть имя «Юра»? — спросила я у Расы, склонившейся над квитанциями.

— «Юра» — это море по-латышски, — сказала Раса, не отрываясь от бумаг.

Я вдруг заметила, как она сдала за этот год. Поправились, обрюзгла. Перестала красить седеющие короткие волосы, а массивный перстень впился в мясистый палец.

Время тихо текло сквозь этих лишь поверхностно знакомых мне, но ставших близкими за последние годы людей. Так, тихо, незаметно, крошится штукатурка с домов. Растут деревья. Струится песок в дюнах. Неподвижно висят, держась усиками за поверхность воды, хитрые черные рыбки в аквариуме привокзального кафе.

Сердце мое сжалось от щемящего чувства. «Но что делать?» — подумала я. Если железо используют в работе, оно стирается. Если не используют, его съедает ржавчина. Остановиться невозможно. Нирвана — недостижимый идеал. И время пройдет, и времени не будет...

Позже, покончив с делами, я ждала маршрутку и от нечего делать читала на указателях: «Юрмала», «Майори», «Булдури»... Внезапно я поняла, что означает «Юрмала». Взморье! Я была в этом полностью уверена. Так, каким-то неведомым озарением, к нам приходят многие знания. А «Юрас перле», должно быть, жемчужина моря. Наверное, так приходит понимание слов к детям. И... к иностранцам.

...В Майори я приехала к двум часам дня. Небо заволкло сплошной голубовато-серой дымкой. Чистый светло-бежевый песок был в редких темных пятнах от только что опрысканного немногочисленных отдыхающих дождика. На длинном, уходящем к виднеющемуся вдаль мысу песчаном пляже было не более десяти человек.

Я сбросила с себя летнее платье и, оставшись только в купальнике, села на скамейку у карликовой сосны, поодаль от кромки покрытого легкой рябью моря, достала книжку и стала читать.

Неподалеку от меня на песок с жалобным покрыванием села молодая чайка. Совсем еще детеныш, худенький, элегантный, с белоснежной грудкой, весь словно из прачечной, где его отутюжили и накрахмалили ему воротничок.

Чаенок битых полчаса покачивался на длинных худеньких темно-красных ножках и в вращении крутил темно-коричневой гладкой головкой по сторонам, временами кося на меня влажным черным глазом, обрамленным украшением, напоминающим павлинье перо.

«Как правильно: чаеныш или чаенок?» — размышляла я, поглядывая на это первозданное чистое существо. Я призывно поцокала ему языком. А птенец продолжал слегка покачиваться и издавать жалобные скрипучие звуки.

Поблизости на песке стоял водный велосипед, похожий на сани с педалями. На его сиденье развалился седой очень загорелый мужчина в шортах. Широко расставив ноги, он потягивал пиво из темной стеклянной бутылки. Поодаль загорал стоя еще один шоколадно-коричневый седовласый мачо. Очевидно, загар был для них чем-то вроде спортивного достижения. Такая шоколадность тянула на Книгу рекордов Гиннеса.

Чаенок улетел, взамен прилетели три вороны и стали разгуливать между полозьями водного велосипеда, откуда ушел, допив пиво, любитель оригинальных решений.

Поодаль, вдоль кромки воды, медленно шла стройная женщина в белых брючках, белой маечке, легкой белой распахнутой курточке и белых кроссовках. Волосы ее развевались на ветру.

Я долго провожала ее взглядом. Отсюда лица ее не было видно. Но в этом было что-то... Пустынный пляж, освещенный неярким солнцем... Чистый бежево-серый песок и женщина в белом, идущая по кромке серого моря.

Я мысленно вздохнула — вот какой должна быть женщина. Чтобы понравиться ему... Все мы всю свою жизнь стараемся понравиться своим родителям, потом любимым.

Местный «негр» — рекордсмен загара, с короткими ногами и длинным туловищем, — прошел прямо мимо меня, и я подумала: хочет быть сексапильным. Седые волосы покрасил бы...

На скамейку рядом со мной тяжело плюхнулись две грузные женщины. Одна помоложе. Другая, очень пожилая, часто и тяжело дыша. Они переговаривались между собой по-русски.

— В былые времена придешь на пляж... В любое время, в любой день — полно народу. Ну и что они поймали с этого — эти латыши? С независимости

этой? Заводы позакрывались. А квартплата...

— Мама, не начинай опять, — пыталась остановить ее дочь.

— Яблоку негде было упасть. А теперь... Вишь, какую гостиницу досками заколотили. А телефон? Теперь за местные разговоры — плати. Где это видано?

— Мама!

Я посмотрела на говорившую — обрюзгшая, расплывшаяся женщина. Недовольное морщинистое лицо...

А ведь дело не в квартплате, подумалось мне. Есть такое китайское проклятие — «чтоб вам жить во время перемен». Конечно, пожилым людям уже почти невозможно «перестроиться». Но главное то, что новое время уже — не ее время... Сидит же она здесь в теплый пригожий денек и ноет, ничего не делая. Значит, может себе позволить. А то время — ушло... Я не оплакивала его. Но и я чувствовала, что

меня было как бы два человека — та, что до, и та, что после перестройки. Та, что была «до», тоже исчезла, как канула в небытие и огромная страна.

Я поднялась со скамейки, оделась в кабинке и медленно пошла сквозь тихий дачный поселок под вековыми соснами в сторону остановки пригородной электрички.

Выйдя на главную улочку, попутно заглянула почти в каждую лавчонку, которые плотным строем облегли чистую мощеную пешеходную улицу. Несколько раз переодевалась в примерочных и нашла все, что искала. Я купила белые брючки, белую маечку и белую легкую курточку.

В следующий раз, когда я приеду сюда... или к какому-нибудь другому морю, кто-то будет сидеть на скамейке и смотреть, как вдоль кромки воды одиноко, отрешенно идет женщина в белом. Волосы ее развеваются на ветру...

ПОЦЕЛУЙ ФРАНСИСА ГОЙИ

Неужели мой любимый Франсис Гойя? Он! В Москве!

Могла ли я... могли ли мы...

Я купила билеты, и мы с подружкой поехали.

Клуб, соседствующий с Донскими банями, впечатлял. Своей обшарпанной огромностью. В полумраке — амфитеатром ряды для зрителей, перед сиденьями — широкие парапеты-столы. По заказу приносили напитки и салаты.

Но... зал полупустой. Невероятно. Мировая величина. Миллионы пластинок... Впрочем, носители волшебных звуков претерпели поразительные превращения. Уже давным-давно не виниловые пластинки... Нет, мы и не мечтали попасть на его концерт. Тогда, давно. В сгнувшейся теперь стране.

Вскоре на сцене в круге света появился он в сопровождении музыкантов его оркестрика. Маленькие фигурки далеко внизу. Выступление транслировалось на экраны по бокам от сцены. Там можно было подробно разглядеть его.

Приятный немолодой мужчина в темном костюме, белой сорочке. Без галстука. Седой, но подвижный, подтянутый. А вот его оркестр — совсем уже старички... Как пояснил конферансье, коллектив тридцать лет вместе... Пик славы позади. За эти годы из небытия вылупилось новое поколение. Поклонилось новым кумирам. Колесо Сансары вращается медленно, но неумолимо. Теперь ради заработка можно выступить и перед почти пустым залом. Впрочем, какие здесь могут быть сборы? Значит, и не ради славы, и не ради денег...

Зазвучали мои любимые мелодии. Старые знакомые, встреча с вами радостна и грустна. Вы не постарели. Нематериальное не стареет. А ваши создатели и исполнители, ваши слушатели продолжали свой путь.

...Когда концерт закончился и раздались аплодисменты, меня вдруг осенило, что можно попросить автограф. Я не собираю автографы. Но тут мне безумно захотелось непременно получить автограф самого Франсиса Гойи.

Подруга моя, пришедшая со мной за компанию, не была его фанаткой, не крутила в молодости без конца его пластинку, мечтая обо всем том, что теперь уже сбылось. Или не сбылось.

— Подожди меня в гардеробе, — торопливо сказала я и побежала по ступенькам вниз.

Я успела. Когда я выскочила на улицу, то увидела перед клубом в светлых сумерках маленький автобус, где сидели седые музыканты. Толпы не было. Никого не было. Только я. И он. Он тоже собирался садиться в автобус.

— Плиз, — сказала я. — Ван момент!

Он остановился. Я протянула программку. Он молча достал из кармана авторучку и расписался.

Я улыбнулась ему. Он улыбнулся мне.

Внезапно он наклонился и поцеловал меня в щеку.

Могла ли я... Тогда...

Дома, лежа в постели, я вспоминала этот поцелуй. Было в этом что-то очень трогательное. Но и грустное, горькое...

АНТИКВАРИАТ

Вы, конечно, заметили, сколько антикварных магазинов открылось в последнее время в Таллине? В старом городе их можно теперь увидеть на каждом шагу. Но я хочу рассказать о том молочном магазинчике. Он часто вспоминается мне.

Находился он на тихой улочке. Порой идешь туда, возвращаешься обратно — и не встретишь ни души.

Полуподвальное помещение, окно чуть пониже уровня тротуара. Крохотное — только прилавок, на котором стояли весы. В углу напротив — штабель пустых ящиков из толстой проволоки, освободившихся из-под бутылок с молоком.

У молока вроде бы нет запаха, но стоило открыть дверь, веяло чем-то приятным.

Продавалось молоко в стеклянных бутылках. Широкое горлышко было запечатано серебристой крышечкой.

Конечно же, там продавались и сметана, и сливки, и творог...

Почему этот маленький магазин иногда всплывает в памяти?словно какая-то сказочная картинка... Да, молоко больше не продают в таких бутылках. Ну и что?

Может быть, потому, что он был словно некое своеобразное воплощение... верности. Там ведь продавали только молочные продукты.

Открою такой магазин. На вывеске напишу: «Антиквариат».

ТАК ПРОСТО

Летом мы отдыхали в Пярну. Родственники съехались из Таллина, Тарту, Москвы, Петербурга, Техаса.

На каждом углу в городе рекламировалось шоу — над морем будут сбрасывать парашютистов, а внизу, в море, их будут вылавливать и сажать в лодки.

Мы тоже пошли смотреть. На курорте, во время отпуска, больше, чем когда-либо, хочется хлеба и зрелищ.

Только мы успели пробраться сквозь дюны, мимо сосен, растущих неподалеку от бывшего курзала, где теперь, в новые времена, находится самый большой в Прибалтике пивной зал, только вышли на просторный песчаный пляж и увидели, как над морем кружат два самолетика, из которых посыпались и красиво повисли в воздухе парашютисты, словно зонтики облетевших одуванчиков... как вдруг, в мгновение ока, небо зловеще потемнело, поднялся ветер. Творилось нечто неладное. Парашютисты, сносимые ветром в сторону, падали в море вдали от лодок, и те, борясь с внезапно поднявшимися волнами, ринулись им на помощь.

Шестое чувство заставило нас при первом же пугающе сильном порыве ветра, швырнувшем в глаза мелким песком, повернуть назад и быстрым шагом направиться мимо дюн к гостинице. Но ветер настигал нас. В считанные секунды стало ясно, что стихия не шутит. Мы уже не шли, а бежали — до гостиницы было метров пятьсот, но шквал двигался с большей скоростью, чем мы; огромные старые деревья не просто гнулись от порывов ветра — от них стали от-

ламываться большие ветки и падать на асфальтовую дорожку то позади нас, то впереди, так что бежать приходилось огибая внезапно появляющиеся на пути препятствия.

Пару раз оглянувшись на тех, кто бежал сзади, мы поняли, что оглядываться бессмысленно и опасно. Ветер швырялся песком, а помочь отстающим не было возможности. Спасение было только в быстрых ногах. В какой-то момент уже настоящий смертельный ужас охватил бегущих — так трещали и ломались высокие деревья.

Наконец, добежав до гостиницы, где остановились приехавшие издалека родственники, мы увидели, что огромное дерево, росшее у дверей, раскололось пополам. К счастью, оно рухнуло не на дом, а в сторону улочки, на повалившуюся на землю деревянную ограду.

Вскоре подтянулись отставшие и вошли, запыхавшись, в крохотный холл гостиницы. К счастью, никто не пострадал. Мы стали наблюдать за бешеным стихии за окном. Все длилось недолго. Так же быстро, как налетел, шквал мгновенно и стих. Выглянуло солнце. Как будто ничего и не было. Лишь опрокинутые заборы и множество сломанных деревьев напоминали о произошедшем.

Только теперь мы смогли представить себе тот ужас, который пережили жертвы недавнего цунами в Таиланде. Живешь себе, знаешь, что в конце жизни ждет смерть, боишься ее, думаешь, что это будет страшное, но чуть ли не торжественное событие...

А она приходит так просто.

Рисунок Антонины Решетниковой

Рустем ВАХИТОВ

Рустем Вахитов — политический публицист, философ. Родился в 1970 году в Уфе. Окончил Башкирский государственный университет (1993), аспирантуру (1996), защитил кандидатскую диссертацию по философии (1996). Живет в Уфе, преподает в университете.

Публиковался в газетах «Советская Россия», «Завтра», «Литературная газета», «Красная звезда», журналах «Юность», «Арион», «Левое крыло», «Духовно-нравственное воспитание», альманахе «Волшебная гора». В Интернете — на сайтах «Интернет против телевизора», «Кризис в России», «Правая.Ру». Участник сборника «Антимиф. Поваренная книга манипулятора сознанием» (2004), автор книги статей «Евразийская статья России» (2009).

Лауреат премии «Слово к народу» газеты «Советская Россия» (2002).

По политическим взглядам — левый евразиец.

Женат, воспитывает сына.

ДИССИДЕНТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СССР

ПОПЫТКА ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Диссиденты в СССР: их состав, идеология, деятельность

Во второй половине 1960-х гг. в СССР формируется неофициальная оппозиция, которая на Западе получила название «диссиденты» (от латинского *dissidens* — несогласный)¹. Это название приняли и она сама, и советский агитпроп, но только каждая из сторон наделяла его противоположными оценками: в устах оппозиционеров «диссидент» означало «борец за справедливость и за свободу, не желающий “жить по лжи”», в устах работников агитпропа — «отщепенец, враг советского народа, предатель Родины».

Социальный резонанс деятельности диссидентов вообще-то был несоразмерен с размерами движения. В него входило, по разным данным, от одной до двух тысяч человек², что для страны с 250-мил-

лионным населением³ — ничтожное количество. Диссиденты не представляли собой единой централизованной политической организации как в силу того, что таковую трудно было создать в условиях гонений со стороны КГБ, так и вследствие того, что их идеологические позиции были неодинаковы. Диссидентское движение было конгломератом множества небольших групп от двух до нескольких десятков человек в каждой⁴ (Неокоммунистическая партия СССР, Комитет защиты прав человека в СССР, Московская хельсинкская группа, Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся, Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа и др.), существовавших достаточно короткий период, после которого они подвергались разгрому со стороны КГБ с тем, чтобы на месте старой возникла новая группа (часто из тех же самых личностей).

Их деятельность была подчеркнута ненасильственной и сводилась к написанию писем протеста в различные советские и зарубежные издания, к вождям СССР и руководителям других государств, выпуску неподцензурных машинописных журналов, где фиксировались нарушения прав человека в СССР (самым известным был журнал «Хроника

¹ Так на Западе первоначально называли верующих христиан, которые не придерживались господствующего в стране вероисповедания и боролись за свободу совести (например, протестанты в дореволюционной Франции).

² Данные о приблизительно тысяче человек приводит Андрей Амальрик в статье «Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года?»; по данным КГБ СССР, которые теперь доступны, в 1971 году в диссидентское движение входило 2304 человека, но исследователи считают, что КГБ был заинтересован в завышении цифр (<http://padchin.narod.ru/history/history2.html>).

³ Точнее, население СССР в 1977 году составляло 257,9 миллиона человек.

⁴ По данным КГБ, в 1971 году было 527 групп.

текущих событий», выходявший с перерывами с 1968 по 1984 г.), а также проведению неофициальных демонстраций. Собственно, с такой демонстрации (знаменитый «митинг гласности»), прошедшей в Москве в 1965 году в день Конституции 5 декабря под лозунгом «Уважайте Советскую Конституцию!», и началось диссидентское движение (митингующие требовали разрешенной законом гласности суда над Синявским и Даниэлем). Диссиденты занимались также оказанием помощи политзаключенным, среди которых большинство сами были представителями диссидентского движения и различными «узникам совести».

Движение преследовалось, и многие диссиденты прошли через тюрьмы, лагеря или спецпсихбольницы (в силу того, что в послесталинском СССР возникла традиция объявлять политических оппонентов психически больными). В то же время на полное физическое уничтожение несогласных, как это было в 1937–1939 гг., власть уже не шла (за все время существования движения, то есть за двадцать лет, было казнено шесть человек). Диссиденты возвращались из лагерей и продолжали заниматься своей пропагандой, часто достаточно долго. Многим из них была дана возможность выехать за рубеж, в страны либеральной демократии, где их встречали как героев, предоставляли политическое убежище и хорошо оплачиваемую работу в различных антисоветских организациях (радиостанциях, советологических институтах и т. д.). Отношения политического руководства СССР, подчиненных ему силовых структур (КГБ) и диссидентов вообще были не так однозначны, как это представляла власть в СССР и представляют сами диссиденты и либералы сейчас. Если послушать их, то между КГБ и диссидентами шла борьба не на жизнь, а на смерть, и то, что диссиденты выжили — результат их стойкости (или хитрости), а также помощи им со стороны Запада. В действительности КГБ временами (во всяком случае до прихода к власти в стране Ю. Андропова) вел себя с ними достаточно либерально. Около половины участников диссидентского движения, известных КГБ, то есть примерно 1000 человек из 2000¹, вообще не подвергались аресту (среди них, например, такая известная правозащитница, как Людмила Алексеева), в отношении них ограничивались общественным порицанием, исключением из партии, в крайнем случае — увольнением с работы и обысками и допросами. Периоды активного преследования диссидентов сменялись периодами затишья, когда их на время отставляли в покое. Это

главным образом зависело от международной конъюнктуры. В определенные моменты ситуация требовала, чтобы на Западе сложилось мнение, что в СССР все же существует, пусть и урезанная, свобода слова. Кроме того, при помощи диссидентов руководство КПСС могло озвучивать некоторые неофициальные мнения, которые имелись у той или иной группировки в руководстве, прощупывать реакцию Запада и т. д. Разумеется, сам диссидент мог и не подозревать, что является пешкой в большой игре, просто ему ненавязчиво позволяли передать информацию за рубеж (хотя, безусловно, было немало случаев, когда КГБ создавал диссидентов для тех или иных целей, движение было просто наштапиговано агентами спецслужб и полностью контролировалось). Впрочем, среди диссидентов были избранные, которые почти что сознательно участвовали в неформальной международной политике, имея знакомства и в высших кругах СССР, и в высших кругах Запада. Это была своего рода «теневая номенклатура», которой негласно разрешалось диссидентствовать и в отношении к которой КГБ никогда не переходил определенную грань. Имеется в виду прежде всего диссидент № 1 А. Сахаров. Известный политический публицист К. Крылов, анализируя деятельность Сахарова, убедительно доказывает, что определенные либерально настроенные круги в ЦК КПСС использовали Сахарова для налаживания неформальных связей с умеренными кругами на Западе, заинтересованными в сближении двух систем (так называемой конвергенции). На языке циничной «реальполитик» это означает желание части тогдашней советской элиты включить СССР (и прежде всего самих себя) в «золотой миллиард», живущий за счет эксплуатации третьего мира, в обмен на сближение идеологий СССР и Запада и демократизацию СССР². Видимо, это верно и по отношению к диссидентскому движению в целом. Во всяком случае, тот факт, что КГБ, имея возможность полностью уничтожить диссидентское движение (которое, напомним, включало в себя около 2000 человек), так и не сделал этого, говорит о многом.

В принципе акции диссидентов почти никак не «пересекались» с повседневной жизнью большинства граждан СССР, которые самиздат и зарубежные газеты не читали, жили в провинции, знакомства с политзаключенными не водили. О диссидентах знали только потому, что их деятельность широко освещалась западными СМИ (в том числе и зарубежными радиостанциями, транслировавшими передачи на русском языке для граждан СССР, — «Голос Аме-

¹ Падчин А. Д. Диссиденты [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://padchin.narod.ru/history/history2.html>.

² Крылов К. Игра Сахарова // Спецназ России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.specnaz.ru/archive/06_2001/10.htm.

рики», «Радио Свобода», «Русская служба Би-Би-Си»), а в ответ и советская пропаганда предлагала свою версию их деятельности через официальные газеты, радио и телевидение. Как верно замечает С. Кара-Мурза, скоординированность действий диссидентов с деятельностью западных радиостанций, вещавших на СССР и имевших многомиллионную аудиторию, несмотря на усилия КГБ по глушению их сигналов (диссиденты очень скоро выработали схему передачи информации на Запад, например, через сотрудников западных посольств и корреспондентов зарубежных СМИ в Москве), во много раз повышала эффективность диссидентской пропаганды.

Социальный состав движения также свидетельствует, что оно было ощутимо оторвано от народа. Согласно данным А. Амальрика, 45% в нем составляли представители академической науки, 22% — деятели искусства, 13% — представители инженерной технической интеллигенции, 9% — учителя, врачи, юристы, издательские работники, 5% — студенты и лишь 6% — рабочие¹. Как видим, подавляющее большинство движения составляла научная, творческая и техническая интеллигенция, из чего, кстати, следует, что движение локализовалось в крупных городах — научных, промышленных и культурных центрах. Тот же Андрей Амальрик, бывший сам активным диссидентом, сомневался в том, что широкие массы советских трудящихся захотят разделить идеалы, которые несли в своих выступлениях диссиденты. «Обе понятные и близкие народу идеи — идея силы и идея справедливости — одинаково враждебны демократическим идеям, основанным на индивидуализме», — писал Амальрик в статье «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?».

По своей идеологии диссидентское движение было, как уже говорилось, неоднородно. Оно включало в себя несколько «крыльев»: 1) западники-либералы (А. Сахаров, Е. Боннэр, Г. Померанц); 2) православные почвенники (А. Солженицын, И. Шафаревич, Огурцов); 3) «истинные марксисты» (А. Тарасов, Р. Медведев); 4) нерусские националисты из нацреспублик СССР (Прибалтика, Украина, Грузия), а также сионистское движение; 5) активисты религиозных сект, преследуемых в СССР (баптисты, адвентисты, иеговисты и т. д.).

Несмотря на различие идеологических программ, все диссиденты были объединены едиными требованиями в адрес политического руководства СССР — сделать реальными в Советском Союзе демократические права и свободы. Этого требовали и

убежденные либералы, для которых концепция демократических прав является составной частью их политической программы, и убежденные государственники и националисты, которые, казалось бы, должны были критиковать и отвергать либерализм как пришедший с Запада «культурный продукт». Однако, на словах объявляя себя антилибералами (и изрядно пугая этим своих соратников-либералов и западных «друзей»), на деле идеологи почвеннического и консервативного направления в диссидентстве, равно как и «истинные» диссидентские коммунисты, настойчиво отстаивали либеральные ценности, ничем в этом смысле не отличаясь от западников. Так, И. Шафаревич на пресс-конференции, данной западным СМИ в Москве в 1974 году по поводу выпуска сборника «Из-под глыб», открыто заявил: «При всем разнообразии оттенков независимой мысли в нашей стране одно положение принимается почти единодушно: основной решающей причиной, препятствующей нормальному развитию, признается недостаток свободы... свободы высказывать свои мысли и получать информацию, воспитывать детей в своей вере и жить там, где считаешь нужным, — это абсолютно необходимая предпосылка здорового существования любого государства»². Эти слова Шафаревича, в искренности которых не приходится сомневаться — она подтверждена его готовностью идти ради данного идеала на самопожертвование, — заставляют усомниться, что Шафаревич вместе с тем был искренен, когда объявлял себя сторонником дореволюционной монархии. Ведь православная царская Россия никак не отвечала тем критериям, которые, по утверждению самого же Шафаревича, позволяют считать государство «здоровым» и «нормальным». В дореволюционной России, так же как и в СССР, власть руководителя государства была абсолютной, существовала лишь одна общеобязательная государственная идеология, не было политических свобод, и инакомыслящие, в том числе религиозные диссиденты (сектанты), преследовались полицией... Святое Писание, о котором так часто к месту и не к месту говорит Шафаревич, советует узнавать людей не по словам, а по делам; в этом случае Шафаревич, как и другие «правые» диссиденты, — демократ.

Того же мнения придерживался и бывший диссидент Синявский, который писал, что граница между либералами, патриотами и левыми в диссидентстве была условной, *по сути, все они были либералами*, и правые противоречили сами себе и делу своей жизни, когда критиковали демократию: «По природе своей диссидентство либерально и демократич-

¹ Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?

² Шафаревич И. Р. Сочинения. Т. 4. — М., 1994. — С. 31.

но... И потому были и остаются синонимы “советские диссиденты” — “демократическое движение”¹.

2. Диссиденты как лояльные граждане СССР

Советская пропаганда называла диссидентов антисоветчиками, сознательными непримиримыми борцами с советским государством и народом. Современная российская пропаганда также считает их антисоветчиками, но только видит в этом теперь особую доблесть. Да и многие из диссидентов, уехав на Запад и нахватавшись там радикальных нелиберальных идей, да и просто за давностью лет забывая, как и что было на самом деле, также с удовольствием характеризуют себя и всех диссидентов как антисоветчиков. С этим согласны почти все, как с самоочевидной истиной, но парадокс в том, что это неверно. Особенность диссидентского движения, его отличие от предыдущих форм оппозиции в СССР, которая, по словам Л. Алексеевой, была всегда, даже в сталинские времена², в том, что *диссиденты не призывали к насильственному свержению советского строя, к нарушению законов и конституции. Наоборот, диссиденты призывали власть сделать реальностью те демократические свободы, которые были провозглашены в советской конституции* (которая, между прочим, гарантировала свободу слова, печати, собраний, создания организаций, волеизъявления, беспрепятственного исповедания веры и т. д.³). То есть диссиденты призывали в точности соблюдать уже имеющиеся советские законы и конституцию (возможно, еще и поэтому их называют правозащитниками, они ведь не только защищали права граждан, они защищали и букву самого советского права)⁴. Сегодня часто говорится о том, что это была лишь хитрая уловка, поскольку диссиден-

ты понимали, что провозглашение прав в конституции — лишь издевка тоталитарного режима, но на это легко возразить. Отказаться от борьбы с советским государством, публично заявлять, что ничего не хочешь, кроме как соблюдать его законы и Конституцию, — *значит, публично заявлять, что считаешь советское государство легитимным*. Настоящие антисоветчики, скажем, «белые» и их последыши в эмиграции и внутрироссийском подполье (вроде народно-трудового союза нового поколения — НТС), считали советское государство, возникшее в результате октябрьского вооруженного переворота 1917 года, свергнувшего временное правительство и передавшего власть съезду советов, нелегитимным, незаконным, то есть и не государством вовсе, а сборищем преступников, которые объявили себя государством, грубой силой подавив противников. Отсюда вытекала не только возможность, но и необходимость, логичность неподчинения «законам» этого «государства». Можно, конечно, представить себе энтэсовца, который, проникнув в стан врага, пытается выдавать себя лишь за лояльного реформатора системы, но для него это будет одним из способов борьбы в ситуации, когда другие неэффективны. *Диссидентство изначально объявило позицию лояльного советского гражданина, лишь требующего соблюдать советские законы, единственной и принципиальной*. Показательно в этом смысле признание диссидента Бурова: «...мы, те, кого я знаю, не были “врагами советской власти”. Это примитивное представление о диссидентах необходимо было КГБ, чтобы оправдать свои действия. <...> КГБ непременно настаивал на том, что тот или иной человек, если он интересуется “запрещенными” темами или если критикует власть, находится под влиянием средств массовой информации Запада. Это был очевидный маневр для запугивания критиков. Мы жили на свой лад, но внутри того же государства...»⁵. Проект Союза Советских Республик Европы и Азии, который был разработан А. Сахаровым, отражает ведь не только его мнение, это мнение значительного сегмента диссидентского сообщества. Диссиденты хотели лишь реформировать Советский Союз, сделать его демократическим, но ненасильственным путем, раскрывая демократический потенциал, уже заложенный в советской конституции. На Западе это называли бы внутрисистемной оппозицией (хотя на самом деле это натяжка: не противореча советским законам, диссиденты были в явном конфликте с советским жизнеустройством, с духом советской цивилизации). Показательно, что, когда началась

¹ Синявский А. Д. Диссидентство как личный опыт // Юность. — 1989. — № 5. — С. 91.

² Алексеева М. Л. История и мировоззрение правозащитного движения в СССР и России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2006/03/09/lma.html>. Высказывание Алексеевой соответствует фактам, даже после чисток 1937-1939 гг. возникли антисталинские группировки, особенно в среде молодежи, например «Истинные коммунисты» (г. Джелал-Абад, 1940 г., Коммунистическая партия молодежи, г. Воронеж, 1947 г.).

³ В Конституции 1936 года статья 125 гарантировала гражданам СССР право на свободу слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий, статья 126 — право на создание общественных организаций, статья 127 — неприкосновенность личности, статья 128 — неприкосновенность жилища и тайну переписки, статья 134 — всеобщее, равное, прямое избирательное право и тайное голосование при выборах; соответствующие статьи были и в Конституции 1977 года.

⁴ Строго говоря, правозащитниками были не все диссиденты; например, националисты так себя не воспринимали, но они составляли ядро диссидентства.

⁵ Буров П. Воспоминания об одесских диссидентах [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.igrunov.ru/cv/odessa/dissident_od/samizdat/1115143367.html.

перестройка, те диссиденты, кто сохранил верность кредо диссидентства 1970-х годов, а не заразился неолиберализмом в эмиграции, действительно стали участвовать в работе советского парламента (вроде того же А. Сахарова). СССР разрушили вовсе не они, а бывшие партократы во главе с Ельциным.

3. Диссиденты и сталинская идеология

Но «советскость» диссидентов проявлялась и на более глубоком уровне. Хорошо написал об этом А. Синявский: «Диссиденты в своем прошлом — это очень идейные советские люди, то есть люди с высокими убеждениями, с принципами, с революционными идеалами. В целом диссиденты — это порождение самого советского общества послесталинской поры, а не какие-то чужеродные в этом обществе элементы и не остатки какой-то старой, разбитой оппозиции»¹. Действительно, почти все диссиденты родились в 1920–1930-е годы и, значит, борьбу фракций в партии и чистки 1930-х гг. в сознательном возрасте не застали. Более того, среди диссидентов практически не было выходцев из семей бывших партоппозиционеров (в отличие от представителей легальной советской фронды, где это встречалось часто, пример — Василий Аксенов). То есть родители и члены ближайшего окружения будущих диссидентов были вполне лояльными советскими людьми, исповедовавшими верность утвердившейся марксистско-ленинской идеологии в ее сталинистской интерпретации. Сами они, кто охотно, кто неохотно, но признавались, что в детстве совершенно искренне верили всему тому, что писалось в газетах, говорилось по радио, в школах, с трибун демонстраций. Синявский писал, что его отец — бывший левый эсер, а затем большевик, — привил ему идеи революционной романтики. А. Солженицын признавался, что в отрочестве добровольно вступил в комсомол, верил партии и Сталину и даже собирался написать апологетический роман о 1917 году. Л. Алексеева рассказывает, что росла в семье убежденных коммунистов, которые прививали ей с детства любовь к советской власти, репрессии обошли ее семью стороной, более того, после ареста председателя Центросоюза в 1937 году ее отец Михаил Славинский, как верный сталинец, занял его место. То есть ненависти к «сталинской деспотии», как у детей троцкистов и бухаринцев, у будущих диссидентов не было, более того, они не слышали с детства оппозиционных разговоров и искренне верили в сталинскую идеологию (та же Алексеева в 1952 году добровольно и по принципиальным мотивам

вступила в ряды КПСС и даже стала штатным лектором-агитатором при обкоме ВЛКСМ). Переход на оппозиционные позиции, к идеям «советского либерализма» произошел позже, как правило, он был связан с последствиями XX съезда, разочарованием в Сталине. Такой переход был бы невозможен, если бы между сталинистской идеологией, которую они разделяли сначала, и диссидентским советским либерализмом, который они стали разделять потом, не было бы некоего общего тезиса, связующего звена. В качестве такого тезиса и выступила декларативная положительная оценка буржуазной демократии в сталинское время.

Сегодня часто забывают, что одним из обвинений в адрес Сталина со стороны левой оппозиции было обвинение в том, что он заигрывает с идеологией буржуазной демократии и рискует снова обрушить СССР назад, в капитализм. К основным положениям этой идеологии — права и свободы человека, парламентаризм, разделение властей, равенство всех перед законом — большевики изначально относились со смесью презрения и иронии. Ленин и до, и после революции неоднократно писал, что все эти буржуазные свободы — фиговый листок, которым буржуазия прикрывает свою реальную власть в капиталистическом обществе. Буржуазная демократия по Ленину — лишь закамуфлированная диктатура буржуазии. Поэтому пролетариату следует отбросить буржуазные сказки о демократии и правах человека и честно и прямо заявить о намерении установить свою диктатуру. Буржуазной Ленин противопоставлял советскую демократию, но не для всех, а лишь для пролетариев и беднейших крестьян и под строгим контролем партии. В советском государстве ленинского периода были в законном порядке ограничены права целой категории граждан — представителей бывших эксплуататорских классов, так называемых лишенцев. По Конституции РСФСР (1918 г.) и СССР (1924 г.) им запрещено было выдвигать кандидатуры на выборах, участвовать в выборах и т. д. Крестьяне также были ущемлены в правах, депутатов от крестьянства в советах по закону должно было быть в пять раз меньше, чем депутатов от рабочих. Большевицкие оппозиционеры — и правые (Бухарин), и левые (Троцкий) — пиететом по отношению к тем ценностям, которые на Западе именуются демократическими, также не отличались. Если они и требовали демократии, то внутрипартийной. Речь шла о возможности фракций в партии обсуждать ситуацию в стране и в мире и совместно, коллегиально принимать решения, но и не более того. Никакого равенства перед законом, никаких политических свобод для всех граждан, никаких открытых равноправных выборов в парламент

¹ Синявский А. Д. Диссидентство как личный опыт. — С. 89.

ими не предусматривалось. И Троцкий, и Бухарин были сторонниками диктатуры партии и жестокого подавления протестов низов. Они неоднократно это показали на практике в годы гражданской войны.

Так что не случайно Троцкий воспринял и поддержку Сталиным в Испании демократического фронта, а не одних лишь коммунистов, и принятие в 1936 году Конституции СССР¹, где были провозглашены все права и свободы западного типа, как признак продолжающегося буржуазного перерождения СССР, «большевистского термидора».

Необходимо заметить, что и Сталин не был поклонником идей либерализма. Его действия объяснялись требованиями реальной политики. Сталин хотел покончить с международной репутацией СССР как источника революционной экспансии, «экстремистского государства», а это, в свою очередь, входило в русло общего вектора международной политики Сталина — добиться нормализации отношений между СССР и Западом, не провоцировать капиталистическое окружение на нападение. Тезис о победе мировой коммунистической революции и создании на базе СССР мировой социалистической федерации содержался в первом разделе Конституции СССР 1924 года² и сильно раздражал другие страны, которые рассматривали его как правовую основу для вмешательства СССР в их внутренние дела. Исключив из Конституции 1936 года тезис о мировой революции и введя в нее демократические нормы, Сталин хотел успокоить Запад, как бы заявляя: СССР из рассадника экстремистских идей превратился в нормальное «цивилизованное» государство с системой ценностей, близкой к ценностям западных демократий. Не случайно о планах введения в законном порядке тайных всеобщих прямых выборов депутатов на альтернативной основе Сталин заявил не кому-нибудь, а руководителю американского газетного объединения «Скриппс-Говард ньюспейперс»: «...Избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации... Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти». И лишь потом, 5 марта 1936 года, это интер-

вью Сталина было перепечатано во всех советских газетах начиная с «Правды». Это свидетельствует о том, что Ю. Жуков и его единомышленники ошибаются, когда утверждают, что конституционная реформа Сталина готовилась, так сказать, для «внутреннего употребления», в целях демократизации политической жизни Советского Союза. На самом деле от превращения Советов в род парламента³ и от провозглашения демократических свобод в СССР ничего не изменилось, власть как была, так и осталась в руках партии. Адресат этой реформы был совершенно иной — капиталистический Запад, Европа, США.

Тем не менее не стоит и преуменьшать революционность этой операции Сталина. В стране, где над идеями равенства и свободы всех граждан, независимо от их классовой принадлежности, еще вчера издевались на самом высоком политическом уровне, данные идеи включили в состав официальной идеологии, отклонение от которой приравнивалось к преступлению. Естественно, этот поворот реальной политики Сталина сразу же получил идеологические обоснования. С трибун и в газетах стали звучать оценки демократии западного типа как явления положительного, родившегося в годы европейских революций, когда буржуазия была еще прогрессивным классом. И миллионы мальчиков и девочек, юношей и девушек, среди которых были и юные Александр Солженицын, Андрей Сахаров, Андрей Синявский, Лариса Богораз, искренне веря в идеологию государства, стали верить и в прогрессивность либерально-демократических ценностей, прав и свобод человека и гражданина. *До XX съезда они верили в прогрессивность либерально-демократических ценностей, но при этом считали, что в СССР уже существует реальная демократия: граждане свободны, говорят что хотят, а если их речи и сливаются в славословия Сталину, то на то он и гений и благодетель народа. После XX съезда они осознали, что демократические ценности в их западном понимании в СССР попираются, и до глубины души возмутились, так как продолжали считать, что это ценности положительные и прогрессивные. Будучи убежденными, что полностью освободились от чар сталинизма, они так и остались верны одному из тезисов этой идеологии.*

¹ По этой Конституции ликвидировалась категория лишенцев, и всякий, даже священник и бывший дворянин, мог участвовать в выборах; Советы фактически превращались в аналоги западных парламентов, выбираемых тайным голосованием.

² Там утверждалось следующее: «Новое союзное государство... послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику».

³ Многоступенчатые выборы в Советы в 1936 году отменили и ввели прямые, как в западные парламенты. Молотов прямо назвал такие советы «западными парламентами». Заметим, что это противоречило пониманию советизма у Ленина, ведь вождь революции как раз считал, что Советы, как они сформировались в 1917 году, имеют явное преимущество перед западной демократией.

4. Диссиденты и совмещане — близнецы-братья

Но диссиденты были органической частью советского общества не только потому, что они сознательно выбирали позицию лояльных законопослушных советских граждан, и даже не только потому, что они, как мы выяснили, остались в сфере влияния советской и даже сталинской идеологии, лишь актуализировав в ней демократические мотивы и нагромоздив над ними заимствования из дореволюционных или западных идеологем. Диссидент — вообще легко узнаваемый персонаж советской жизни. Если отвлечься от его сугубо интеллигентского происхождения, то можно заметить, что этот персонаж присутствовал и в среде советского простонародья. До сих пор никто его там не увидел только потому, что диссидентство окружено неким романтическим ореолом. Диссидентов представляют либо благородными борцами за свободу в темном царстве тоталитаризма, либо злыми и продажными предателями в светлом царстве социализма, но в любом случае их образ не лишен некоей — позитивной или негативной — величественности. Но если подойти к ним без сильных эмоций и просто сухо и скучно определить, кто же такие диссиденты и что они хотели, мы получим очень неожиданный ответ. *Диссиденты в СССР — это политизированные интеллигенты, которые желали получить то, что им полагалось по закону, но что не позволяли получить господствующие в обществе традиции и обычаи.* По закону СССР был демократическим государством, где граждане могли пользоваться свободой слова, печати, собраний, волеизъявления и т. д. В сущности же СССР представлял собой идеократическое государство, напоминающее традиционные монархии, где подданный ощущает себя дитем одного большого отца — государства, персонифицированного в царе или вожде, которое обязано, с одной стороны, заботиться о подданном, а с другой — строго и сурово пресекать его попытки жить по своей воле, так как интересы всей большой семьи и ее ценности выше интересов и ценностей одного ее члена. Таким образом, диссиденты, требуя разрешить им воспользоваться гарантированной Конституцией свободой проведения митингов, в глазах властей да и большинства народа кощунственно выступали против воли отца — патерналистского государства, и какая разница — разрешает это закон или нет.

Но самое любопытное, что в этом диссиденты были не одиноки. В советском простонародье, да и выше, в советском среднем классе, в 1960–1980-е годы сформировалась значительная социальная группа советских мещан (которых, кстати, все диссиденты — от марксистов до либералов и национа-

листов — люто ненавидели, объявляя мещанство опорой неосталинизма). Им было свойственно поведение, которое в советском сленге получило название «качать права». *Состояло оно в том, что эти совмещане также не желали подчиняться обычаям и традициям советского общества и требовали, что государство немедленно дало им то, что им полагается по закону* (например, по закону гражданин мог получить квартиру от государства, отстояв несколько лет в очереди таких лиц, которым полагается жилье, традиция же требовала от него отказаться от квартиры в пользу малоимущего; совмещанин требовал и получал то, что положено по закону, надсмехаясь над теми, кто еще верит в высокие чувства и бескорыстную помощь). Конечно, требования у них были иные, чем у интеллигентов-диссидентов, но ведь они с ними и принадлежали к разным социальным слоям с разными системами ценностей и социальными функциями. Интеллигент занимается созданием и пропагандой идеологии, для чего ему обязательно нужны либеральные свободы (даже если эта идеология ультраантилиберальная). Мещанин занимается обустройством своей жизни, созданием благосостояния и личного комфорта. Для этого ему нужны квартира, машина, дорогая мебель, золотые украшения, заграничные «престижные» спиртные напитки и сигареты и т. д. Мы согласны с тем, что в мире ценностей есть тоже иерархия, и свобода — более высокая ценность, чем автомобиль. Однако речь идет не об этом, а о том, что и интеллигент-диссидент, и мещанин-хапуга выбирали то, что является наиболее ценным лично для них, при этом игнорируя интересы других — коллектива, государства, страны в целом. Интеллигенту-диссиденту было жизненно важно иметь возможность свободно обсуждать решения руководства, давать свои рекомендации. Это было существом его жизни, и он делал это, даже если такие действия могли навредить его стране, так как этим могли воспользоваться и пользовались ее геополитические противники (вспомним, что обзленный на СССР Сахаров в письме к Г. Беллю даже советовал Западу разместить в Европе побольше ракет, нацеленных на СССР). Совмещанину не интересно было говорить о политике, ему жизненно важно было обеспечить себя и свою семью всем необходимым и сверх того еще всевозможным дефицитом, пристроить детей в престижные институты и на «теплые места». Ради этого он был готов игнорировать интересы общества и государства, и делал все так, чтоб больше положить в свой карман, а не в государственные. Скажут: интеллигенты за свои идеалы шли в тюрьмы, в лагеря и даже на смерть, и это явное свидетельство их бескорыстия и благородства, так что кощунственно их сравнивать с какими-то ха-

пугами, которых к тому же герои борьбы за свободу глубоко презирали. Но, во-первых, не стоит так уж идеализировать диссидентов, не все из них шли в лагеря и тем более на смерть, а для очень многих диссидентство оказалось удобным способом уехать на Запад, получить высокооплачиваемую работу и высокий статус в обществе, уровень материального комфорта которого и не снился советским завбазам и завмагам. А во-вторых, как забавно это ни прозвучит, совмещане за свои пусть и ущербные идеалы тоже шли в тюрьму и даже на смерть. Они, как и диссиденты, старались лишней раз не нарушать советские законы, но и их драма состояла в том, что советские законы были к «пионерам капиталистического накопления» не менее беспощадны, чем к «пионерам гражданского общества». Так что в одном лагере и в одной камере рядом могли оказаться и вольнолюбивый диссидент — распространитель самиздата, все-таки обвиненный в антисоветской пропаганде, и деньголюбивый мещанин — заведующий рынком, все-таки обвиненный в финансовых махинациях.

По сути, диссиденты и мещане представляли собой один и тот же персонаж, порожденный посталенинским разложением советского коллективизма. Это — индивидуалист, которому нет дела до интересов коллектива, несмотря на то, что он получил от этого коллектива множество благ. Разница состояла лишь в том, что один проявлял свой индивидуализм в сфере политической, а другой — экономической.

На первый взгляд, странно, что диссиденты, называя и считая себя либералами, так истово ненавидели советских мещан, любивших «качать права», забирать у государства все что положено и даже начинавших уже заниматься спекуляцией, а то и созданием «цехов». Ведь для аутентичного западного либерала свобода торговли и обогащения — такая же фундаментальная демократическая ценность, как и свобода слова. Но дело-то как раз в том и состоит, что диссиденты не были либералами в западном смысле слова, а были *советскими* либералами. Их идеология сформировалась на базе идеологии советского официального марксизма и ментальности советского общества. Даже отвергая и ту и другую, диссиденты сознательно или бессознательно многое от них брали. Это относится и к презрительному отношению к торговле, накопительству, мещанству, которое интеллигентно-диссиденты позаимствовали у русской революционной традиции (не понимая, что это совершенно противоречит провозглашаемому ими же либеральному идеалу, ведь по Джону Локку — создателю английского либерализма — политические пра-

ва и свободы имеют место только в «республике собственников»).

Не рассмотрели диссиденты в совмещаных и своей социальной базы, что говорит только об их политической недееспособности. А ведь СССР был разрушен вовсе не усилиями диссидентов, активность которых после 1982 года почти сошла на нет вследствие ужесточения репрессий КГБ после прихода к власти в стране Ю. Андропова. СССР был разрушен совмещанством, проникшим в руководство партии и государства. Совмещане, давно уже раздраженные коллективистским духом и ценностями, захотели легализовать свою индивидуалистическую жизненную практику и покончить с советским «общинным социализмом». Диссиденты упустили свой шанс стать идеологами этой мещанской антисоветской революции, и эту роль взяла на себя «советская фронда» — беспринципные интеллигенты-перевертыши, которые при советской власти были официальными писателями, учеными, педагогами, журналистами, боялись лезть в диссидентство и внешне вели себя лояльно, за что имели многочисленные материальные блага и привилегии. Сами будучи мещанами, они таили в себе огромный запас ненависти к советскому жизнеустройству и эффективно решили задачу по идеологической поддержке перестройки и либерализации.

Диссидентство же, будучи частью советского общества, погибло вместе с этим обществом.

Анатолий ПРУСАКОВ

Родился в 1955 году в рабочем поселке Центральный Тульской области. В 1975-м окончил Тульский механический техникум им. С. И. Мосина и два года прослужил в рядах Советской армии. После демобилизации завербовался на Кольский полуостров. Впервые мои стихотворения были напечатаны в 1989 году в газете «Горняк Заполярья». Затем до 1995 года периодически публиковался в районной газете «Советская Печенга».

Во время долгосрочной командировки в Монголию (1982–1988 гг.) был солистом вокально-инструментального ансамбля.

Мои стихи публиковались в журналах «Студенческий меридиан», «Литературная учеба», в подмосковной многотиражке «Неделя». В настоящее время учусь на шестом курсе Литературного института им. А. М. Горького (семинар Г. И. Седых).

Поэзия — это прежде всего Слово. А слова...
Слова — что крылья.
Тот, кто владеет ими,
и смерть осилит.

Анатолий Прусаков

В НОЧНОМ

*Отождествляя с юностью рассвет,
В один конец как будто взял билет.*

Я помню, в детстве у реки
Пекли в костре картошку,
И клубни — черные зверьки —
Кусали нам ладошки.

Сверкали искорки в ночи,
Похрапывали кони.
И комары, как палачи,
Желали нашей крови.

Плескалась рыба в камышах,
Срывались звезды с неба,
И свой необъяснимый страх
Мы заедали хлебом.

А утро, словно волшебство,
Входило в наши души,
И с миром полное родство
Никто не мог нарушить.

Элегия

Вот и все. Отбит кусок судьбы.
Покидаю северное лето.
Растворятся незаметно где-то
В буднях, как в песке, мои следы.

Там не будет, словно часовой,
День стоять без сна неумоимо.
Край брусничный от меня незримо
Ускользнет прочитанной строкой.

А когда октябрь польет дождем
Сопки с оголенными кустами,
Будет что-то общее меж нами...
Мной... и несказанно грустным днем.

А потом накроет снег, как встарь,
Разом все, здесь так заведено.
И закрутит для других кино
На полотнах неба календарь.

* * *

Горят рябины, будто бы мосты,
Прощальным завораживая светом.
И, озирая дивные костры,
Клин журавлей торопится за летом.

Прохлада хрупкая теплом опоена
Далеких запахов, тревожащих с рожденья, —
В душе смешались трепет и вина
За принадлежность и за отчужденье.

Спеша и от дождей, и от утрат,
В упругих нитях паутины осень
Подолом зацепилась и наряд
Прощальный вот-вот сбросит.

Возвращение

Есть на Земле еще места,
Где все на свете забываешь
И снова с чистого листа
В который раз жизнь начинаешь.
Там великаны-валуны,
Свидетели миротворенья,
Себе не ведая цены,
Даруют дивные виденья.

Озера с темною водой,
Ход времени не замечая,
Хранят пространство и покой,
Качая диких уток стаи...
А от зари, разлившись, свет
В брусничных бусинках алеет,
Мох приголубился к земле,
Чтоб было ей чуть-чуть теплее...

Есть на Земле еще места,
Где можно из реки напиться,
Там день — безмерная верста,
Там ни пропасть, ни заблудиться.
Я возвращаюсь в милый край —
И чувства захлестнули сердце...
Наверное, виной лета,
Но никуда от них не деться.

Баллада

В безбрежной акватории морей,
Моллюсками питаюсь и планктоном,
Левиафан резвился на заре
Во всем своем величье многотонном.
А на скалистом стылом берегу
Охотники морские проживали.
Туманами завешивая дали,
Там холод в душах правил острогу.

Левиафан царил меж двух стихий,
Гармонией пространство наполняя,
Рождались в голове его стихи,
То отпуская сердце, то сжимая.
А люди добывали право жить,
Лишь отнимая право у другого,
В инстинктах кровожадных тонет слово,
И словом зло нельзя остановить.

Флотилия цедила океан
Вдали от незатейливого крова.
На горизонте вздыбился фонтан
В своем великолепии суровом...
Вода бурлила огненным ключом —
Титан крушил скорлупки китобоев,
Казалось, выйдет целым он из боя,
Казалось, что ему все нипочем.

Железо укротило плоть кита,
Стальных канатов взмыла паутина,
Закат, как раскаленная плита,
Накрыл бесстрастно тело исполина...
Рассвет невыразимостью потряс.
Взирая на зеркальную долину,
Катил слезу тяжелую в пучину
Огромный черный неподвижный глаз.

Продолжение. Начало в № 1, 2 за 2011 г.

МУТАБОР

НЕДЕЛЬНЫЙ РОМАН

Глава 5

Аромат Кэт

1.

Я зверь, я привык ко всему приноживаться. Здесь, в городе, подмоченном серыми небесными кошками, нельзя иначе. Жить чутьем — моя участь. Обонянием я пытаюсь уловить малейшую опасность, исходит ли она от латексных дубинок ментов или от бритых черепов скинхедов. Выйдя из квартиры, я вдыхаю ноздрями воздух темного подъезда. Все чисто.

Странно, но мне нравится как запах озона, так и запах бензина. Я люблю запахи всех времен года. Лето пахнет только что сваренным вишневым вареньем и свежескошенной травой. За зимой тянется шлейф принесенного с мороза свежестыранного белья, горьких мандаринов и маминых гераней. Осенью после дождя разбухают ароматы сырости, мокрых зонтов, выхлопных паров и прелой листвы. А весной я люблю запах талого снега и пробудившихся почек. Когда утром выходишь на улицу и чувствуешь — головокружительно несет весной и свежестью.

Я обожаю запах зажженной спички и запах жженой резины на подошве кроссовок. Может, поэтому мне так нравится резиновый половик у двери квартиры. Он мне напоминает медленно работающую беговую дорожку, когда я выхожу на лестничную площадку и, переминаясь на месте, вхолостую проворачиваю ключ в замочной скважине.

Не так-то легко привыкнуть к новому замку в рай. К приятному запаху бетона, свежепобеленного потолка и только-только нанесенной краски: види-мо, недавно здесь сделали ремонт.

В лифте я опять натякаюсь на тонкий шлейф изысканных духов. Я тащусь от запаха женщин с цветочными и свежими нотками. Я люблю букет только этого лифта. И никакого другого.

Я подхожу к подъездной двери с пакетом, полным мусора. Мне нравится запах железа пустых консервных банок из-под корма, нагретого в руке, запах сырой рыбы, когда ее чистишь, и запах полиэтилена из-под дисков. Мусор — это не только старые газеты и обертки. Как выяснилось из пребывания в квартире Леонардо Грегора Стюарта, я люблю запах использованной чайной заварки с ароматом жасмина и розы.

Наводить идеальную чистоту после себя и выкидывать малейший накопленный мною мусор я решил как можно чаще — а вдруг хозяин вернется? И теперь я знаю, что люблю запах благовоний и афродизиаков, запах стирального порошка, банного мыла и ландышевого освежителя воздуха.

2.

А также — поймете ли вы меня? — я люблю запах свободного дня и новых мест.

Стоит мне выйти на свежий воздух, как на меня обрушивается запах улицы и осени со всеми поздними цветами и соцветиями. Запах вечернего города наполняет мои легкие надеждой и переносит в страну мечтаний и их исполнения.

Меня оглушают грохот жизни и аромат венского кофе с ванилью и яблочным пирогом, что доносится из соседнего кафе. Меня будоражит запах свежеспеченного хлеба и свежеспеченных газет и журналов, когда только что напечатана новая страница и бумага еще не подсохла, как осенние листья под ногами.

Но это не только свежая типографская краска. Если открыть такую книгу, то можно почувствовать

аромат скандальной новости, острого слова, вдохновения и мастерства.

У подъездной двери я чуть не натykaюсь на округлый зад соседки, склонившейся над коляской. Коляска, как и та часть, в которую я чуть было не уперся, большая и разделена на две половины. В коляске двойня. Мальчик и девочка. Витя и Вика. Им около шести месяцев.

Я люблю запах грудничков. Запах сладенького молока и пареных пеленок. Запах свежевыглаженного белья — думаю, женщины меня поймут.

Витя лежит довольный, с двумя погремушками-тамтамами в обоих кулачках. Вика плачет, у нее ни одной игрушки. Мама на этот раз на стороне Вики — она с сигаретой во рту склоняется над коляской, чтобы передать одну игрушку дочке. Теперь очередь Вити переходить на визг.

Как странно держать сигарету во рту, склонившись над коляской, — смотрит с осуждением сквозь лобовое стекло водитель машины у подъезда. На его лбу целую секунду видна вся гамма недоумения, пока он вдруг не высказывает, жестикулируя, что-то себе под нос, потому что слов не слышно. Его машина тоже недовольно начинает фырчать — заводиться.

Теперь уже очередь мамы смотреть со злостью на водителя. Как можно так грохотать и газовать рядом с маленькими детьми? Водитель машины и мама двойни — видимо, мои соседи, муж и жена. Я говорю им «здрaсте», улыбаюсь и иду дальше. Через Шведский переулок на Малую Конюшенную, на которой пацаны в спортивных трусах и футболках что есть силы лупят по мячу. Мяч весело отскакивает от брусчатки. По возгласам ребятни я понимаю, что они иностранцы. Немцы или австрийцы. У себя дома они привыкли, что в каждом дворе есть детская площадка.

3.

Я люблю запах мяча, потому что он ассоциируется у меня с запахом детства и теплых бесконечных вечеров. И еще — думаю, мужчины меня поймут, — я люблю запах пота, своего собственного или конского пота. Я уже успел разгуляться и вспотеть. Октябpьское солнце припекает на фоне стремительно наползающей тучи. Душно, как перед грозой.

Сейчас бабахнет гром, стоит только одному из горе-футболистов залепить что есть мочи в небо и дать мячом звонкую пощечину туче. Воздух наэлектризован.

Меня это не может не радовать. Я тоже наэлектризован. Я люблю запах дождевой воды, запах непонятно откуда появившегося порыва ветра и

уличной страсти. Я бегу навстречу прекрасной женщине. Я люблю твой запах, Кэт!

— Привет!

— Привет!

Разве мог я представить себе раньше, что такая девушка, окинув меня пронизательным взглядом с ног до головы, улыбнется своей — о, два «о»! — офигительно-очаровательной улыбкой! Раньше, видя подобных девушек, совершающих свой променад по Невскому, я затравленно вжимался в стену, когда был не при делах, или громко кричал «Эй, посторонись!», когда старался побыстрее протащить мимо них свою тачку.

— Как настроение?

— Прекрасное. А у тебя?

— Ты еще спрашиваешь. Лучше не бывает!

«Так же, наверное, заключаются браки между богатыми, — с иронией думал я, боясь сморозить какую-нибудь глупость. — Им даже не надо встречаться, достаточно через поверенных проверить состояние наличного счета и имущества друг друга».

Ирония мне помогла. Катя смущалась. Мы шли с ней по городу, почти ни о чем не разговаривая. Только глядя друг на друга и обольстительно улыбаясь. Было ясно без слов, что мы друг друга стоим.

— Может, сходим в кино? — предложил я спрятаться в темноте зала, не выдержав лучезарности ее улыбки. — Или посидим в кафе?

— Давай в кино. — Мы как раз проходили мимо Дома кино.

Но, к сожалению, все билеты на ближайший сеанс были уже распроданы. И тогда я, не подумав, ляпнул: «Слушай, я тут недалеко живу. И думаю, у меня найдется что посмотреть».

— Можно, — неожиданно легко согласилась девушка, взяв меня под руку. — Пойдем. Но сначала давай выпьем по чашечке кофе или чая. Ты знаешь какое-нибудь хорошее кафе в округе?

4.

— Еще бы я не знал хорошие кафе в округе! — поднял я недоуменно бровь. Хорошие кафе в этом районе — мой хлеб. — Здесь есть неплохое кафе «Мама Рома».

— Мама кого? — переспросила Катя.

Спустя пять минут мы уже сидели при свечах. И при десерте с фруктами, часть которых предназначалась Элиоту. Мы пили жасминовый зеленый чай «Сокровища шейха», который очень хорошо бодрит, и ели блины с шоколадом и грецкими орехами...

— Ну что? Пойдем посмотрим кино, — предложила Кэт, когда я расплатился с официантом. — Или ты меня поучишь самой увлекательной игрой? Что так удивился? Я имею в виду шахматы.

Я удивился, потому что раньше и представить себе не мог, что такие девушки согласятся хоть пять минут стоять со мной рядом. Не то чтобы пойти домой. Подобные девушки казались мне совершенно недоступными. Будто из другого мира. И тут на тебе. Сразу домой.

Мы вышли под руку из кафе и проследовали мимо стоящего на обочине моего знакомого велосипедиста Ашраба.

— Господа, домчу с ветерком куда прикажете, — обратился он к нам. — Недорого.

К счастью, рикша меня не признал.

— Я не использую рабский труд, — отрезал я.

По благодарному взгляду девушки было видно, что этим резким мужественным ответом я заработал еще несколько очков в свою копилку.

Всегда приятно после изысканного ужина прогуляться по вечернему городу. С залива дул освежающий ветерок. Романтично и полезно, пусть даже туфли слегка натирают ноги.

5.

Но вот, скинув босоножки, она проскочила внутрь комнаты.

— Уютненько, — слушал я ее щебетание, развязывая шнурки и одновременно вытирая испарину со лба. — У тебя так много всего! И Горький тоже!

— Да, — сказал я больше с иронией, чем с гордостью.

— Слушай, какой ты молодец! Ты любишь Кислевского?

— Обожаю. — Опять ирония. Хотя я действительно сладкому предпочитаю что-нибудь острое и кислое. Мясо с горчицей, например, и клюквенный морс.

— И я очень люблю, давай его посмотрим.

Вот так она добралась до фильмов. А я чуть было не сказал, что Кислевский мой самый любимый, после Горького, соус.

— Давай посмотрим «Красный»! — предложила она. — Это мой любимый.

— Думаю, даме больше подойдет «Синий», — решил я пошутить, увидев бретельку ее лифа. — Сегодня я предпочитаю синее.

— Я не против, — согласилась она, доставая с полки диск. — Всяко лучше, чем «Белый» в таком настроении.

Я опять попал в точку. Оказывается, у этого Кислевского было не только кислое красное и горькое белое, но еще и синее.

— А шахмат, похоже, у тебя нет.

Я взглянул в ее лицо и увидел, как она внимательно осматривает все стеллажи.

— Признайся, ты сказал про шахматы, чтобы заманить меня сюда и воспользоваться?

Я промолчал.

— Ты что, меня обманул? — Ее взгляд изображал всю гамму разочарования.

— Шахматы будут, — испугался я. — Но потом. Давай сначала посмотрим фильм. Потерпи немного.

— Не хочу и не умею терпеть, — заявила она, чуть успокоившись.

6.

Из кино мы в итоге выбрали мультфильм «Мадагаскар» — о том, как животные подняли бунт и сбежали из золотых клеток нью-йоркского зоопарка назад к себе в дикую Африку. Это чтобы не забивать голову и не бояться потерять нити сюжета в поисках друг друга. Фильм начался, я сделал кофе и принес его в комнату на подносе. Мы сидели на диване и пили кофе. Затем наши предплечья соединились, а потом она уперлась своей хрупкой трепетно-костлявой спиной мне в грудь, и я приобнял ее за плечи. Никогда еще мне не было так естественно и хорошо. А когда она прижалась к моему бедру своим теплым бедром, предательски завибрировал мобильник.

«Вот так всегда, — впал я в оцепенение, — в самый ответственный момент случается какая-нибудь лажа. И тебя норовят спустить с небес на землю. Сейчас начнут звонить в дверь, а еще лучше — барабанить».

— Ты не возьмешь? — оторвалась от моих объятий Катя.

— Да, конечно, — полез я за мобильным, деваться было некуда.

Достав телефон, я заметил, что на меня смотрит пристальным зеленым взглядом не только дисплей, но и попугай.

— Алло, — прижал я трубку к уху как можно сильнее.

— Добрый вечер, — загромычал голос на другом конце. — Это Леонардо Грегор Стюарт?

— Возможно, — предположил я. Мне казалось, что Катя все прекрасно слышит через мою голову. Пришлось, словно невзначай, отойти в дальний от нее угол комнаты.

— Вас беспокоят из фирменного магазина П. А. Карабанова. Вы где-то месяц назад купили у нас один шахматный набор.

— Неужели? — оживился я.

— Каждый год, в день основания магазина, у нас проводится осенняя лотерея, и мы включили вас в список участников. Вы выиграли один существенный приз. Но тут возникло одно непредвиденное

обстоятельство. Мы могли бы с вами встретиться и поговорить?

— Спасибо. Не нуждаюсь! — Мне не терпелось закончить разговор.

— Почему? — Голос на том конце выражал явное недоумение.

Я хотел было сказать, что не верю в удачу и бесплатные призы, но, посмотрев на красавицу Катю, осекся. Что она такое, как не приз за все мои мытарства?

— Не вижу смысла, — пробурчал я в трубку. — У меня уже есть все, что я хочу.

— И все-таки я настаиваю. Я не отниму у вас много времени. Думаю, это важно.

— Насколько важно? — огрызнулся я.

— Очень важно! Вам угрожает опасность! За этими шахматами развернулась настоящая охота! По крайней мере, наш магазин уже пострадал! Вам угрожает опасность! Я перезвоню вам, как только буду в Санкт-Петербурге.

7.

— Значит, ты меня не обманул, — пригрозила мне кулачком Катя, — и шахматы все же есть.

— Баловство все это, — не желал я вдаваться в подробности, хотя Кате очень хотелось знать о владельце незнакомого голоса как можно больше.

— Да ты что! — дернула она меня за рукав. — Вдруг ты выиграл хороший приз. Нельзя отказываться от предоставленного шанса.

— Я уже получил все, что хотел, — поддался я на встречу ее порыву.

Мы поцеловались. Фруктовый аромат светлой перламутровой помады ударил в голову. А еще я подумал — вдруг Катя права: если пошла такая полоса, может, я выиграю еще что-нибудь.

— Давай посмотрим с тобой шахматы, — оттолкнула меня Катя. — Ты же обещал научить меня играть.

— Понимаешь, — замаявшись, соврал я, — как раз на днях я дал их поиграть своему другу.

Не мог же я при ней начать искать шахматы и тем самым косвенно признаться, что не я хозяин квартиры.

— Какому другу? Ты что!!! Забери их немедленно! Вдруг они принесут тебе удачу? Ну или мне. Вдруг

ты выиграешь украшение, подходящее к моей кофточке...

— Но для этого я должен рассмотреть тебя поближе, — крепко прижал я Катю, потому что с ней я готов был изменить своей судьбе...

8.

Ибо я всегда мечтал о такой необычной девушке, которая создаст, родит, откроет для меня новый мир. Ну на худой конец расцветит прежний мир новыми красками, наполнит его новыми звуками и запахами. Звуками своего голоса и смеха, запахами своего тела и волос, красками своей помады и теней.

Я сразу, с первого взгляда почувствовал: Кэт сыграт в моей жизни судьбоносную роль. С ней или после нее все изменится.

— Я первый раз остаюсь у кого-то дома сразу после знакомства, — сказала она, когда я стелил постель. — И мне все равно, веришь ты мне или нет!

— Что ты, — улыбнулся я. — Мне еще никогда не было так легко и естественно.

— Так ты мне веришь? — засияла она.

— После сегодняшнего вечера я готов верить во что угодно. В любое чудо.

Обнимаясь, мы переместились на ковер. Я поднял ее блузку, провел рукой по гладкой коже живота и вдруг наткнулся на какие-то царапины.

— Что это? — спросил я шепотом. — Следы после операции?

— Так, не обращай внимания!

— Мне нравится в тебе каждая черточка, каждый штрих, — сказал я, прикасаясь к шрамам губой.

Катя была острой девочкой, и мы не могли болезненно продвигаться в мир наслаждений. Приходилось преодолевать пороги, убажывая ее шрамы и раны руками и поцелуями.

А когда все получилось, не успели мы рассоединить наши потные тела, как я сразу провалился в беспомыслие.

Вечер и правда получился незабываемым. Но, заснув, я почему-то увидел шикарный стол, основным блюдом которого была человеческая голова.

До этого я никогда так плотно не ел перед сном. Может быть, чересчур сытный ужин или царапины на теле Кэт стали причиной ночных кошмаров...

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Среда. 6 октября

Пропать

(служебная записка с флешки)

Лидер Кашевара стоит у штурвала государства так долго, что сегодня один вид постаревшего правителя вызывает у большинства кашеварцев стойкую, непереносимую аллергию. За время правления эмира и мэра законы и Конституция РК превратились в пустой звук. Страна скатилась в авторитаризм. Правительство, парламент и судебная система деградировали и потеряли свои функции, превратившись в отделы по обслуживанию неограниченной власти.

Промышленные гиганты Кашевара распроданы и разворованы, сельское хозяйство разрушено, а средний и малый бизнес задушен, так и не родившись. здравоохранение и образование лежат на боку. Страна превратилась в сырьевой придаток Китая, России и США. В магазинах лишь пять процентов составляет отечественная продукция и девяносто пять процентов — импортная.

Основная часть населения Кашевара живет за чертой бедности, пятнадцать процентов населения — безработные. Тридцать пять процентов молодежи страны не имеют постоянного места работы, заметно вырос процент самоубийств, зато несколько кашеварских олигархов из списка журнала «Форбс» — друзья и родственники эмира и мэра. Совокупный внешний долг страны превышает объем ВВП. На каждого из кашеварцев, в том числе и детей, приходится более пятнадцать тысяч долларов США внешнего долга... Тотальное воровство и коррупция стали такими же необходимыми атрибутами власти эмира и мэра, как и уничтожение политических оппонентов путем уголовного преследования и убийств. Тюрьмы Кашевара переполнены. Счет расстрелянным, замученным в застенках, высланным, спасшимся бегством из страны идет на тысячи.

Протестные настроения в стране копились долгие годы и готовы в любой момент выплеснуться на улицы. Властные структуры держатся за счет дебилизации населения, бешеной пропаганды общества потребления и превращения людей в животных путем заговора. Кашеварские политтехнологи не покладая рук сводят политику к ток-шоу, а идеологию подменяют биологией. С телеэкранов льется заряженная вода слов, нескончаемый гип-

ноз обещаниями и зомбирование ложными хлебами.

Сплетни и слухи из мира шоу-бизнеса заполнили эфиры национальных телеканалов, разогревая зависть к красивой жизни элит и ненависть к ближнему, который хоть чем-то отличается от задаваемых стандартов красоты и успешности.

Медицина зачастую сведена к знахарству и гаданиям. За продажу лекарственных препаратов медики получают мзду от фармацевтических компаний, за операцию идет прибавка к зарплате, поэтому врачам выгодно находить все новые болезни, пичкать лекарствами и потрошить скальпелем своих пациентов.

Криминалитет в стране плотно сросся с бизнесом и властью. Подпольные казино и притоны плодятся, как грибы после дождя, из взяток прокурорам. Центральные газеты пестрят рекламой борделей, а сходки наркобаронов и «крестных отцов» анонсируются по телеканалам, словно встречи на высшем уровне.

Складывается впечатление, что правители Кашевара методично уничтожают собственный, пока бессловесный народ. При этом власти фарисейски обвиняют всех в экстремизме при любой попытке публично высказать свою точку зрения. Карательные аппараты разрослись до невероятных размеров. На кровные деньги народа власти содержат более миллиона полицейско-бандитов для его же устрашения.

Кашевар катится в пропасть во всех отношениях. Как могут двадцать процентов работающих кормить всю страну? Расплодившиеся, как саранча, бюрократы всех мастей лишь паразитируют на шее у государства. Никто не хочет и не может создать другую систему, где все работали бы на благо страны. Стране остается только сырьевая экономика и отдается на откуп туристический бизнес. Кашевар неуклонно превращается в деревню по обслуживанию членов клуба «Золотой миллиард». Природные ландшафты, красивейшая природа Кашевара — и те начинают служить не своим кровным детям.

Файлы этого тайного дипломатического донесения взяты с сайта Wikileaks.

Глава 1

Солнечный удар

1.

Омар проснулся в час между замерзшей птицей и голодной собакой. Он сел на землю и потерял глаза. Затем еще раз. Затем еще. Он тер глаза тыльной стороной ладони так яростно, словно собирался высечь из них искру. После глаз он принялся отчаянно растирать руками другие части тела. За ночь, проведенную в кустарнике, Омар задубел так, что не мог думать ни о чем, кроме как о тепле. Выпавшие на долю Чилима лишения привели к тому, что его кожа огрубела и стала твердой и непробиваемой, как панцирь у рака. Ей явно не хватало коралловой ванны с горячей водой и мыла с экстрактом ламинарии. И это уже не говоря об уютном внутреннем дворике отеля, лавровой зелени и спелых плодах граната, растущих на дереве прямо перед окном.

По приезде в Кашевар Омара очень удивило, что многие местные жители на таком солнцепеке ходят в шерстяных свитерах и даже кожаных куртках. Словно насмехаясь над местным обычаем, Омар выходил из отеля в одной хлопковой рубашке. Но, как известно, хорошо смеется тот, кто смеется последним.

— Что же холодно-то как, что ж так холодно? — бубнил себе под нос Омар, пока не вспомнил, что этой ночью он опять разговаривал с рыбой.

А ведь точно — замер он, уловив мелькнувшую под толщей воды в глубине сознания тень, — прошедшей ночью ему опять снилось, что с ним говорят рыбы, шевеля своими пухлыми губами. «Так, может, я так сильно замерз, потому что весь сон находился с ней под водой?»

— Но что от меня хотят эти бедные создания? И когда все это прекратится?!

Закрыв глаза, чтобы лучше видеть тени, Омар сосредоточился на разговоре с рыбами. Вот, раздувая жабры, сазан жалуется ему на то, что пресной воды в мире все меньше и экология водоемов все хуже. А вот корюшка сетует, что ее уже вылавливают на корм попугаям. И только она обмолвилась о попугае, как под конец сна заявился Элиот с петицией, что не может есть полутухлую рыбину.

— Надо же! — открыл глаза Омар и тут же захлебнулся в потоке яркого света. — Во сне я видел своего расфуфыренного какаду, жалующегося на то, что мы совсем не уделяем ему внимания!

Но где тогда ответственная и сердобольная Гюляр? Что с ней случилось? Впервые Омар почувствовал, что дома творится неладное. Дохлая рыба —

скверный знак. Кажется, ощутив тревогу за невесту, Омар и проснулся.

Вскочив на ноги, Чилим принялся прыгать, разогревая кровь, — так ему не хотелось перевоплотиться в безголосую корюшку. Он даже скакал на одной ноге — то ли для того, чтобы увеличить нагрузку, то ли подражая цапле.

В гуляющих волнах, как в кривом зеркале, Омар видел, что его лососевая рубашка помялась и поблекла, лицо покрылось изрядным слоем щетины.

Без сомов в кармане ты рано или поздно оказываешься в желудке у сомов. Еще с детства Омар знал, что большой сом, затаившийся в коряжнике озера, может проглотить собаку и маленького человечка.

«Надо поскорее уносить ноги от этого гиблого места, — решил Омар. — В жаркий полдень здесь, слов нет, хорошо, а ранним утром затхлая вода дает ощущение ненужной сырости и гнили в поджилках».

2.

Кашевар — место парадоксов. Это Омар понял, стояло ему опять оказаться в старом городе: глинобитные дома с балконами, высокие дувалы, мечети, украшенные резьбой по ганчу, простой люд кругом. На этот раз Омар не разбрасывал свою энергию налево-направо, распахнув рубаху, а шел мимо притаившихся в многочисленных арках магазинчиков и кафе, весь ошетилившийся и ссутулившийся. Он группировался, боясь любым лишним движением растерять остатки тепла.

Скрестив руки на груди, он по-прежнему тер свои плечи, наблюдая, как торговец пряностями ловким движением ладоней зачерпывал из больших мешков корицу и кориандр, чтобы растереть пахучие экзотические травы и поднести к носу жестом заправского дегустатора. Он не торговал, он колдовал. Торговец специями с седой бородой, походивший на старика-волшебника, в столь ранний час чародействовал над своим чудодейственным экзотическим товаром, а Омар по-прежнему думал только о тепле. «Вот бы мне немного жгучего перца», — даже не думал, а инстинктивно чувствовал, откуда исходит тепло.

Как по команде, он останавливался у газующих машин и возле распахиваемых на миг дверей магазинов и лавочек. Он ловил струю теплого воздуха, готовый, как птица, расправить крылья под этим потоком.

На радость Омару, кукурузу здесь не варили, а жарили на углях. Жаровни и хлебные печи для Омара, загребавшего жар жабрами, были сущим спасением. Но чем больше Омар согревался, тем нестерпимее он хотел есть, потому что тепло приходило вместе с ароматами еды...

— Холодно, теплее, еще теплее, горячо, горячий завтрак, — твердил Омар себе под нос детскую ситалку. Ноги сами несли его туда, откуда пахло едой. На узкие улочки старого города, где полно забегаловок и мусорных баков с отходами. На рынок, где в мини-печках торговцы и ремесленники готовят себе кушанье кушари — из нута, риса, коричневой чечевицы и кукурузы.

И вот уже Омар шел на запах пищи вслед за отвисающей слюной, словно на поводке. Когда ты голоден, ты идешь только за своей слюной. Потеряв всякий стыд, он готов был нагибаться и поднимать выпавшие из рук кашеварцев крошки хлеба и рыбы, рываться в мусорных баках и пакетах.

«А чем я отличаюсь от прочих? — успокаивал себя Омар, вынимая ошметки, засохший фруктово-травяной чай и полусгнившие фрукты из мусорных баков. — Целые районы кашеварцев, словно черви или личинки, живут на переработке мусора, зарабатывая всего по сто сомов в месяц».

На площади, где одна сердобольная старушка кормила уличную свору собак, он хотел было прикинуться одним из четвероногих друзей этой бабки и ползти к еде на четвереньках. Он даже подумал, что подслеповатая старушка не определит в нем человека, тем более он не брился второй день и жесткая щетина с каждой секундой все более походила на волнистую шерсть.

3.

«Я превращаюсь в собаку, — ужасался Омар, — и истекаю слюной-рефлексом Павлова». Он чувствовал, что поселившийся в нем зверь уже начал грызть и глодать его изнутри. Теперь Омар готов был биться насмерть за кусок хлеба, готов был сам дойти до каннибализма и вцепиться в глотку какого-нибудь жирного шашлычника, пропитанного запахами жареного мяса, лука и помидоров.

О каком достоинстве может идти речь, когда человек полностью зависит от своего желудка и просто не в силах больше ни о чем думать, кроме как о еде? У палатки с пончиками и беляшами он смотрел на сальные руки раздатчиков. Он готов был целовать эти руки, слизывая с них масло и жир. Голод не только беда-злость. Он еще и драма-унижение.

Поистине, голод способен сделать из самого обычного человека опасного зверя. И тут уже не до иронических ухмылок и усмешек. Сознание голодного человека мутно, истощенный голодом практически невменяем нравственно. Воля бездомного бродяги атрофирована. Он подчиняется лишь элементарным, животным инстинктам, переходящим в болезненную страсть.

Омар с ненавистью смотрел на дразнящего его лавочника со снисходительной ироничной улыбкой на морде.

— На, на, возьми, — протягивал тот недоодеженный кусок хлеба с мойрой и тут же убирал руку.

— Сука! — сказал Омар.

— Сам такой, — разозлился лавочник, — хочешь есть, а работать не хочешь?! Все в этом городе хотят есть, пить, веселиться! А работать никто не хочет! Все развращены, потому что власть сама не работает, а только ворует, а потом на эти деньги жрет и веселится. А все заботы о государстве ложатся на плечи простых лавочников и дехкан. Думаешь, нам легко вставить ни свет ни заря и ишачить до самой ночи? А налоги, а поборы, а препоны, а коррупция? — завелся лавочник. — Цены на электричество подняли в три раза! А все потому, что летом эмир и мэр продал воду водохранилища нашему соседу! Понадеялся, что осенью пойдут дожди. Сам видишь, осень в этом году какая сухая! Вода в итоге подорожала, хлеб из-за засухи вырос в цене вдвое. А водохранилище без воды не дает электричества. Люди жгут керосинки, передвигаются по темному городу. Хочешь есть — иди работать!

Омар не больно слушал лавочника. Он уставился на голову рыбы, торчащую между двух пухлых губ разрезанной булки.

— Съешь меня, — призывала булка.

— Сожри меня, — соблазняла рыба.

И тут Омар вспомнил, что ночью рыба умоляла его убрать правительство, которое так поступило с водохранилищем и теперь качает воду для водопровода из городских озер, почему и грозит исчезновение многим видам пресноводных.

— Ладно, на, возьми, — протянул сэндвич лавочник и опять убрал руку, — но если обещаешь мне помочь разгрузить австрийскую плитку.

— Я согласен, — не думая, согласился в рабство за гамбургер Омар. — Где машина?

— Она не смогла сюда проехать по этой узкой улочке. Стоит на большой дороге в нескольких кварталах отсюда. Но ты не отчаивайся. Как разгрузишь, дам тебе чечевичную похлебку, бутылку воды, хлеба и немного сомов, — разглагольствовал торговец, пока Омар жадно глотал хлеб с рыбой.

4.

Кашевар — город контрастов. Ночью Омар не знал, куда ему укрыться от холода, а днем передвигался короткими перебежками, стараясь из пекла открытого неба скорее попасть в спасительную тень. Вот она, проекция мира — полоса белая, полоса черная. Точнее, не полоса, а квадрат. Весь Кашевар был

разбит на квадраты кварталов, бесконечных лавок, мастерских и забегаловок. И Омар таскал на своем горбу по этим кварталам квадраты темной и светлой плитки.

«Еда — не только источник насыщения желудка, но и источник тепла», — думал Омар, чувствуя, как холодеет спина от обильного пота. Коробки с керамической плиткой можно было перетаскивать на руках, прижав к груди, а вот тяжелый напольный керамогранит приходилось взваливать на плечи и спину и нести, сгибаясь в пояснице, используя лишь гужевую тягу ног.

«Кто я, — вопрошал Омар, снова и снова возвращаясь за плиткой, — человек или ишак Сизифик, довольный своей рабской участью?»

Тяжелая механическая работа, и правда, делала из него осла, упрямо вращающего жернов судьбы вокруг собственной оси. Спину и ноги ломало от боли.

«Нация бывает только там, где одна группа народа прекращает нещадно и несправедливо, не предоставляя прав на нормальное существование, эксплуатировать другую», — твердил Омар заученную со школы истину.

Сначала он еще слышал выкрики: «Эй, посторонись, хайван!» и «Куда ты прешь, маймун?!» — но вместе с болью в мышцах как-то разом пришла глухота к посторонним звукам. Омар уже не обращал никакого внимания на обидные слова и тычки.

На востоке есть пословица: «Осел понапрасну не кричит». И Омар терпел и молчал, как бы ему ни было тяжело. А еще в Кашеваре говорят: «Ишак луже мочу должен, а волку мясо». Мол, что должно случиться, то неминуемо произойдет.

Так что лучше понапрасну не дергаться, а делать, что должно. Омар уже успел приглядеться и понять, что местные работяги так и живут. Особенно не усердствуя и никуда не спеша, они терпеливо выносят на своем горбу то, что им уготовила судьба.

Задумчивый ишачок с глазами мечтателя и челкой хиппи всегда останавливается, учуяв либо запах волка, либо мочу ослицы. Замирание на полушаге помогает порой избежать гибели. И только по большим праздникам, напившись мочи ослицы — местной ракии — и учуяв запах свободы, работяги начинают истошно распевать во все горло свои ослиные песни.

Но это мало что меняет в их судьбе.

5.

Судьба! Одно дело — местные, а другое — не подготовленный к здешнему климату иностранец. Чужаку, даже с баулом теплого воздуха на голове, порой при-

ходится труднее, чем аборигену с тяжелой ношей, ибо жара в Кашеваре проявляет себя по-особенному. Поначалу Омар старался ее не замечать. Печет себе, ну и ладно. Змеиная жара лучше, чем собачий холод. Но в какой-то момент подкрававшаяся на расстояние удара жара дала о себе знать сполна, и на Чилима обрушилось южное кашеварское солнце.

Поначалу у Омара, при большой влажности, резко пересохло во рту. Занятый новым ощущением, он даже не услышал грохота свалившейся с плеча коробки с ценной австрийской плиткой. Только увидел большую грудку осколков да толпу тут же собравшихся зевак. Черные пробоины и разверстые рты. Не до конца осознавая, чтостряслось и почему задрожала земля под ногами, он вместе со столпившимися людьми, среди которых мелькнуло и лицо торговца книгами Абдулхамида, смотрел на все происходящее как бы со стороны. Сбросив с плеч ношу, Омар стал ощущать себя легко. Расколотые по диагонали плиты походили на прорезавшиеся за спиной крылья. В какую-то секунду Чилиму показалось, что им овладела невесомость и он поднялся высоко в небо и оттуда наблюдал, как подлетевшие мальчишки вынимали из упавшего короба на свет божий треснувшие пластины. Но Омар не собирался ловить выпускаемых из груды глянцевых осколков солнечных зайчиков. Там, в небе, он вдруг отчетливо понял, что все несчастья, что свалились на его голову, и должны были произойти именно с ним. Ибо вся наша жизнь предначертана на небесах и требует лишь подтверждения-сложения на земле. Так из осколков небесного макета выкладывают разрушенную мозаику бытия на полу.

От осознания столь неприятного факта у Омара опустились руки. Он понял, что дальше не в силах не только летать, но и передвигаться и даже отводить глаза. Впав в ступор, он вперил взгляд в землю, а когда поднял глаза, то увидел перед собой разъяренную красную физиономию хозяина.

Искривленный рот, толстые губы и жирный блестящий палец тыкали ему в лицо разбитой плиткой. Собравшиеся вокруг, пытаясь что-то внушить Омару, пинали его словами. Но Омар совершенно не боялся угроз хозяина. Скорее, они ему казались мнимыми и смешными. После тех побоев, что ему учинило солнце, не пугала Чилима и перспектива быть избитым.

В какой-то момент Омар подумал, что было бы забавно укусить третирующее его светило за жирный с прилипшими ворсинками пыли солнечный палец. В следующую секунду он попытался это сделать, пошире открыв рот, и цапнул лоснящийся перст. Тут же на Омара посыпался такой шквал ударов и пинков, что он не устоял на ногах. А палец хо-

зяина, угодивший глубоко в глотку, вызвал рвотный рефлекс.

Глава 2

Животная страсть

1.

Утром мы немного смущались и стеснялись друг друга. Еще бы, произошедшее накануне иначе как животной страстью и не назвать.

— Ничего страшного, мы же и есть животные! — быстро нашла нам оправдание Кэт, готовя кофе.

Меня ее заявление немного обескуражило.

— Многие женщины подсознательно, не отдавая себе отчета, отдаются именно тому, кто лучше кормит, — продолжала она рассуждать вслух, намазывая на кусок булки масло, — по крайней мере, многие мои подруги именно так и поступают, хотя никогда себе в этом не признаются. Но я осознаю, что даже приятный всем женщинам поцелуй — от инстинкта кормления у приматов. А еще женщины просто тают, приходя на территорию самца, которая им подходит для продолжения потомства и где они чувствуют себя уютно и в безопасности.

Я растерянно оглядел жилище, уютненькое гнездышко, которое мне не принадлежало. И вроде мне хотелось возразить, но не найдя весомых аргументов, я лишь промямлил что-то о любви.

— Ты, наверное, имел в виду влюбленность и страсть? — поправила меня Кэт. — Так кто же отменяет влюбленность? Женщинам вообще свойственно быстро переключаться, так как они ищут себе покровителя помощнее. Тут включается программа быстрой влюбляемости. У более сильного самца, изгнавшего более слабого, всегда есть шанс, что в него, как в охотника и хранителя территории, скоро влюбятся. Не знай я всего этого, решила бы, что уже влюблена в тебя. А это всего лишь инстинкты. Ничего глупее придумать нельзя. Женщина влюбляется, чтобы быть уверенней и согласиться рожать детей от избранного ею мужчины. Любовь — это оболванивающий механизм природы, направленный на сохранение рода.

— Но козы и кошки совокупаются без всякой любви, — с возмущением, в сердцах заявил я. — Я чувствую, что ты мне не безразлична вовсе не потому, что ты меня накормила.

— Да ты никак влюбился, глупенький. Но я тебя уверяю — это тоже инстинкт самосохранения через потомство. Смотри, — встала и прошла по комнате походкой модели Катя, — у меня длинные волосы,

немаленькая грудь, ноги от ушей, — она провела ладонь от щеки до бедер. — Длинные ноги говорят о том, что я убегу от врагов или смогу добыть еду, большая грудь и широкие бедра — о том, что смогу родить здоровое потомство и прокормить его. Длинные светлые волосы — о тепле в непогоду или во время сна. А тепло, сон, еда и продолжение рода — основные инстинкты. А еще большую роль играют запахи. Твой запах. Как я успела заметить сегодня с утра, у тебя на полке в ванной стоит флакон с феромонами. Но как бы ты ни старался, милый, любовь не будет длиться более трех лет. Ничто не вечно под луной.

— Откуда ты это взяла? — Ее слова просто вывели меня из себя. Видимо, она очень хотела меня задеть и разозлить.

— Из книг, милый. Кстати, я видела книгу по этологии и на твоей полке.

2.

— Я так не считаю, — продолжал по инерции спорить я, вцепившись в чашку двумя руками. — Есть космические законы гармонии между мужчиной и женщиной. И они вечны. И любовь тоже вечна, хотя и антисоциальна. В ауле, откуда родом мои предки, любовь вообще запрещена. Мои родители даже не виделись до свадьбы, их защищали от всякой любви, чтобы они не перешли границы дозволенного.

Я изъяснялся путано, потому что занимался сразу тремя черными космическими дырами. Две — ироничные глаза Кати, а одна — черная дыра внутри моего сердца.

Не знаю, что со мной случилось, но ее уверенность и ее суждения будто образовали пробойну в моем нутре. У меня было такое чувство, что они сразу надломили наши отношения. Оставалось с этим ощущением неминуемого краха ждать отпущенных нам три года. А нет ничего хуже ожидания смерти.

— Надо быть взрослым и ответственным, — продолжала Катя, — надо полагаться только на разум и постоянно расти над собой.

После очередного глотка горечи стало как-то совсем не по себе. Думаю, что этот разговор, а вовсе не кофе с амброй, вызвал у меня неприятный осадок. Хотя вроде бы умные, рассудительные, практичные женщины тоже подходят для продолжения рода.

А еще я вспомнил, что она писала на сайте знакомств: мол, стоит меня погладить по шерстке, и я закатываю глаза и прогибаю спинку. Неужели она из тех современных эмансипированных девушек, что относятся к сексу как к физиологической функции и занимаются им для «здоровья» с такой же легкостью и регулярностью, с какой ходят потанцевать

в ночной клуб или сбросить пару килограмм в фитнес-центре?

Любви уж нет, остался фитнес-центр.

— Скажи, — спросил я, — у тебя по всему телу шрамы — откуда они?

— Да так, — отмахнулась она, — это кошка меня поцарапала.

«Что-то непохоже», — подумал я и замкнулся. Мы почти молча допили кофе, оделись и вышли на улицу. Я опять для понта прихватил с собой кожаный портмоне с правами и прикрепленными к нему брелком ключами. Я крутил ключами и насвистывал себе под нос одну мелодию, так как говорить нам больше было не о чем.

Прощаясь, она прижалась ко мне всем телом и стремительно поцеловала в губы. Холодные губы, холодный, как у собаки, нос. Преданный взгляд. О чем я думал в этот момент? Почему сравнил ее с собакой? Может, так на меня повлияли ее суждения о животной подоплеке всех человеческих отношений?

Однажды я вез двух нуворишей и слушал их разговор.

— Ты женат? — спросил один.

— К чему? Один гемор. Если надо бабу — еду в ресторан, они уже там сидят. Покупаю ей бутылку пива и чизбургер. А утром, прощаясь, хлопаю по попке. Поджаристой и круглой, как пицца.

— Да, ты прав, сейчас все поменялось. Не надо долго ухаживать. Сами готовы в постель прыгнуть. Быстроразовая еда и любовь!

«У богатых свои причуды», — подумал я тогда. Сейчас я был с ними солидарен. Я тоже чувствовал себя крутым парнем. Я шел и крутил увесистые стальные ключи. Они были как тот жестяной кубок за победу.

3.

К рикшам всех мастей, к мото, вело и авто, вообще относятся не как к людям, а как к бездушным тварям. Часто я наблюдал, что, попрощавшись нежно с женой на вокзале, какой-нибудь уважаемый высокопоставленный чиновник и добропорядочный отец семейства тут же начинал расспрашивать меня подробно о публичных домах в округе. Причем он постеснялся бы говорить об этом и с коллегами, и с друзьями, а с нами можно запросто — мы в его глазах даже не люди.

От этих воспоминаний мне стало совсем грустно. А вдруг все вокруг, моя победа и эта красивая девушка рядом — лишь блажь и иллюзия? Желая ощутить плоть действительности, я изо всех сил стиснул кубок-брелок в руках. И тут, словно откликаясь на

команду хозяина, одна из припаркованных к обочине машин, задрал хвост антенны, подала голос и вскинула передние лапы дверных замков.

— О, милый! — радостно воскликнула Кэт. — У тебя отличная машина!

— Неужели?

В Кашеваре мой дед-пастух выращивал во дворе волкодавов для охраны отары овец. От него я и узнал, что только породистые собаки могут принимать бойцовую стойку и только охотничьи — охотничью стойку. Эти навыки передаются по наследству.

«А что если, — мелькнуло в голове, — а что если вот сейчас сесть вместе в машину, разогнаться и рвануть с какого-нибудь моста — и концы в воду. Или со всего разгона въехать в бетонную стену? Неплохой способ самоубийства».

И я со злости нажал на пипку сигнализации еще раз.

Затем я подошел и оглядел пятнистого окраса «ягуара». Белые кожаные сиденья, современная коробка-автомат. Ретроруль и оформленные под старину большеглазые датчики. Широкие окна с тонированными стеклами. Дверь поддалась легко и открылась вперед и чуть вверх. Так поднимается крыло у птицы.

— Какая красивая! Не подбросишь меня до университета?

— Вообще-то я спешу, — попытался отбрыкнуть я. С крылатым «ягуаром» я мог позволить себе проявить строптивость.

— Ну пожалуйста! Мне очень хочется подъехать к воротам на такой тачке! Обожаю красивые машины! Представляешь, как однокурсники обзавидуются?

Шведский переулочек, на котором мы сейчас стояли, разделял шлагбаум. Возле шлагбаума топтался охранник, который от нечего делать присматривал и за машинами. Я подошел к постовому и как можно более небрежным тоном спросил, по какому поводу здесь выставлен пост, мол, мне всегда это было интересно.

— Рядом шведское консульство, школа и крупный бизнес-центр, — пояснил он.

— А, понятно, — мое лицо озарила дружелюбная улыбка. Я бы тоже на месте Грегора Стюарта не побоялся оставить здесь такой дорогой автомобиль.

Охранник с интересом разглядывал меня и мою подругу. Я знал, что в этом костюме, несмотря на всю свою смуглость, я больше смахивал на итальянца, чем на азиата. А итальянцу, ищущему приключений в России, ничего не оставалось, как под пристальным взглядом двух пар глаз сесть за руль. В конце концов, это я выиграл свой деревенский жестяной кубок.

4.

Осторожно я выехал на Большую Конюшенную. Благо этот бульвар с односторонним круговым движением напоминал безопасную трассу «Формулы-1». Сделав пару тест-кругов и приноровившись, я аккуратно выехал на Невский. Хорошо, что дороги в Питере прямые и светофоров достаточно. В Кашеваре наш родовой кишлак находится прямо на южной границе, и нам частенько перебрасывали ворованные машины для перекраски и дальнейшей транспортировки. Этим бизнесом жили очень многие на границе. Машины воровали в основном стоящие, и худо-бедно я разбирался в управлении иномарками. Кэт я довез до ее «фака» без приключений, проскочив Царский мост за минуту.

— Никак не привыкну к этой модели, — пояснил я Кате свои некоторые замешательства в пути, — еще две недели назад у меня была другая машина.

— Какая?

— Скромная, — отмахнулся я, — «Ниссан-Премьера».

Ох уж эти новые ощущения, когда тебе придется врать напрапалую, когда каждое твое слово — ложь, и ты мчишься, наращивая скорость на угнанной машине, не уступая никому дорогу! И чем больше ты наращиваешь скорость и ломаешь дров, тем больше понимаешь, что пути назад нет. Новые машины и новые женщины. Царский мост и Дворцовая набережная. Мотор с мордой зверя. Натуральная кожа обивки.

— Меняешь машины, как перчатки? — пыталась поерничать она. — Ты во всем такой непостоянный?

— На самом деле не вижу ничего странного в своем поведении. Ведь все, по-твоему, определяет запах? Так и в технике! Новый запах — ты к нему привыкаешь. Через три дня он тебя уже не волнует, и любовь заканчивается, и тебе требуется запах новенькой машины. — Теперь я тоже стал продвинутым и знал правило цифры три. Три-два-раз — отсчет пошел с космической скоростью.

— Значит, ты так объясняешь для себя новые чувства? Три дня — и вся любовь прошла? — надула губки Кэт. — Но я, если ты помнишь, говорила о трех годах.

— Три-два-раз, пока, — стремительно поцеловал я ее в надутые сладкие губы; я вложил в этот сухой и колкий поцелуй всю горечь, что переполняла меня.

— Захочешь пообщаться — звони, — чмокнула она меня в ответ в щеку.

— Хорошо, — провел я пальцем по стеклу, словно подводя черту нашим отношениям. Для себя в тот момент я решил больше с ней не встречаться. Ибо курица не птица, а женщина не человек.

5.

Но одно дело принять решение, а другое его исполнить. Не успела Кэт скрыться за дверьми, как я понял, что уже безумно скучаю. И эта боль была лучшим подтверждением того, что существует нечто большее, чем животный инстинкт. И что я влюбился в девочку-кошку, которая гуляет сама по себе.

Любовь нарушает табу. Влюбленный способен на безумство, он выглядит глупо и жалко, даже неприятно навязчиво. Через пятнадцать минут, вернувшись домой, я начал названивать Кэт не переставая. Я чувствовал, что не могу без нее прожить и дня, что я привязался к ее бархатной коже и шелковой энергетике с первого взгляда-прикосновения. Отчаявшись дозвониться, я стал дотрагиваться до предметов в комнате. До полированного стола и спинки стульев, до фарфоровых бокалов и фаянсовых чашек, до запонок и замши, до кожаных и сафьяновых корешков. Добравшись до переплетов, я нашел на полке книгу по этологии. В этой книге я вычитал, что самцы стремятся познать как можно больше разных и красивых самок, потому что в половом отборе отвечают за количество, а женщина — за качество генов.

Зачиная ребенка, мужчина ничем не рискует. Попыток пристроить свои гены у него может быть миллион. А женщина, зачавшая от некачественного мужчины, если и исправит свою оплошность, то очень нескоро.

Я вспомнил, как старики и бабки в нашем кишлаке плевались, когда узнавали что-то неприглядное об односельчанках. Если у мужчины много девушек, то он джигит. А если девушку увидели вечером с парнем наедине, то она шлюха. Она не заботится о самом главном — семье и будущих детях!

Беременным и кормящим не до смены партнеров. Да и кому они нужны в таком состоянии. Природа не предполагала противозачаточных средств и аборт, поэтому женщина вынуждена выбирать одного единственного очень долго и качественно, а других водить за нос. Ибо чем больше мужчин по ней вздыхают, тем шире выбор.

«Значит, женщине не свойственна полигамия!» — обрадовался я. Это плюс. Минус же заключался в том, что именно женщины выбирают. Убедился я в этом, еще раз набрав недоступный номер не отвечающего абонента.

Но почему Кэт не берет трубку, что она скрывает? Может, она сейчас на свидании с другим? Я вычитал, что скрытность женщины восходит к временам стадного промискуитета, когда один кормилец не должен был знать, сколько их еще. Так, книга по этологии способствовала возникновению ново-

го, еще неведомого для меня чувства. Ревность просто распирала меня изнутри. Она выжигала в моем сердце слово «шлюха». Не в силах владеть собой, я, как загнанный зверь, метался по клетке квартиры.

Я вновь и вновь хватал телефон и набирал ее номер. Тщетно. Длинные гудки, как азбука Морзе из трех букв.

Глава 3

Превращения

1.

Выходил Омар из полного бесчувствия и сумерек помертвевшего сознания в порядке, обратном тому, в котором он лишился связи с миром.

Сначала он услышал крики; хозяева лавочек зывали мусорщиков. Затем почувствовал боль ссадин и синяков по всему телу. Дальше — боль в суставах и мышцах. И уже позже в нем появились злоба и страх. Открыв глаза, Омар понял, что лежит в собственной блевотине. А где-то поверх скатов крыш, на фоне чистого неба, торчали шпили белоснежных вершин.

«Вот бы сейчас спрятаться в ложине, чтобы солнечные осколки не посекали. Выбраться туда, где отвесные скалы отбрасывают большую тень, где хвойные леса не дают плавиться снегу, — мечтал Омар о прохладе и свежем воздухе. — Говорят, в предгорьях и дышится легче, и климат мягче. А главное, там есть дающие силу родники чистой воды».

Силы Омара были просто необходимы. Он, и правда, чуть было не сдох от жары, но самое ужасное, что после того, как эта жара набросилась на него исподтишка и сбита с ног, пощады от нее не было нигде. Духота даже в тени пыталась достать и добить подранка Чилима. Он уже осознал, что с ним случилось, и сожалел, что вовремя не сделал хотя бы один спасительный глоток. После теплового удара четвертой степени сорок процентов людей погибают, двадцать впадают в кому, двадцать лишаются памяти или рассудка, и только каждый пятый остается нормальным человеком.

Остался ли он в своем уме, не лишился ли он памяти — вот что волновало Омара в первую очередь. Закрыв глаза, Чилим пытался разобраться, что с ним случилось за десять минут до солнечного удара, но ничего припомнить не мог. Зато перед глазами опять всплыл крикливый яркий какаду, и к горлу подступила тошнота. Все казалось мелким, кричащим и бессмысленным.

— Твоя невеста Гюляр, — горланил какаду, делая усилие на р-р-р, — совсем обо мне не заботится. Если так продолжится и дальше, я сдохну!!!

Кто такая Гюляр? Он вспомнил, что, когда находился в коме, над его телом собрался консилиум обезьян в белых халатах и с врачебными зеркальцами на ободках. Они поднимали руки Омара, щупали пульс и заглядывали в зрачки, попутно пуская солнечных зайчиков.

— Коллеги, — говорила самая старая обезьяна, — мы собрались, чтобы прочитать историю болезни этого больного со дня его рождения, и скажу вам: если он не сдохнет, то ему крупно повезет. Иначе ему прямая дорога в ад!

— Посмотрите на это полуживотное-полурастение. — Другая обезьяна в очках подняла безвольную руку Омара и тут же отпустила. — И кто теперь скажет, что эта падаль — тот иностранец, который послан Буль-Буль Вали, чтобы спасти страну от упадка?

«Какаду — отображение моих мыслей, ведь рыбы тухнут под солнцем, а действия обезьян — пародия на мое тело. На мои бессмысленные и трусливые поступки».

2.

Кто он? Человек? Животное? Растение? Часть стены? Камень или орнамент? Что он делает в этом незнакомом месте? Какова его миссия? Что он вообще забыл на земле?

Дикость, хаос, мусор, крики — таким предстал Кашевар перед глазами Омара. Калеки и прокаженные хватают всех подряд за руки, полицейские и чиновники норовят обворовать и облапошить. Потоки грязи наступают на тебя со всех сторон. И в этих потоках хаоса, словно в грязевой сели, крутятся, пытаясь выжить, мелкие сошки-людишки. Они готовят еду в подворотнях, спят и едят на мостовых. Здесь же занимаются торговлей и своим ремеслом. Это месиво движется, дышит и живет, как, впрочем, и умирает, по своим законам — как одно гигантское аморфное тело, пестрая и остро пахнущая биомасса. И только машины, рикши и моторикши призваны вывести и спасти, хотя создают еще больший хаос. Гудят, бибикают, орут!

По шагам восстанавливая память, Омар вспомнил, что перед тем, как он отправился в Кашевар, один человек в бирюзовом халате положил перед ним лист белой бумаги. Кажется, это был замдиректора фонда, а на бумаге был написан небольшой текст.

— Это твоя новая биография, — сказал человек в халате, — выучи ее так, чтобы, разбуженный посред-

ди ночи, ты мог повторить все без запинки. А свою старую биографию вычеркни из головы.

И он начал читать текст, где у его родителей, как и у родины, появились новые имена. Отныне его самого звали Омар Чилим, а его невесту величали Гюляр.

— Да, — подтвердил доктор, когда Омар поднял удивленный взгляд, — отныне ты — сын кашеварцев, переехавших когда-то в Москву на олимпийскую стройку, ты этнический кашеварец российского происхождения, потому что у России хорошие отношения с Кашеваром и нет визового режима. Выучи все хорошенько, и бла-бла-бла.

Неужели хаос Кашевара есть его судьба?

3.

Кроме того листа бумаги он пока ничего не помнил! Он даже настоящее имя своей возлюбленной забыл. Единственное, что он знал наверняка, — с новым именем он должен стать шпионом и выполнить некое задание. А еще ему теперь придется постоянно убегать и прятаться.

Но что значит быть шпионом в Кашеваре? Не зоопарк же, в самом деле, его послали фотографировать? И какое задание он должен выполнить? Может, он должен собрать сведения о военных, которых накануне выборов нагнали в Кашевар, и выяснить место их дислокации?

«Если ты лицемер, живущий двойной жизнью, — пытался разобраться Омар, — значит, есть еще кто-то, кроме тебя нынешнего». Но как Омар ни пытался вглядываться вглубь себя, он ничего там не видел. Не видел даже своей подлинной личности. Все мысли и все слова, которые он знал, были чужими мыслями и словами. Он лишь повторял их, как попугай, а все действия, которые он выполнял в последние дни, были, как у обезьян, запрограммированы простейшими животными инстинктами.

«Неужели там никого нет? — испугался Омар. — Или моя личность сейчас находится в другом месте? По-прежнему живет в квартире в Петербурге и встречается с моей настоящей невестой?»

Он пытался представить его настоящую квартиру, но в голову ничего не лезло.

— Неверие — корень лицемерия, — повторял он кашеварскую аксиому. — Лицемерие порождает трусость, трусость — слабость, слабость — лень, лень — похоть, похоть — зависть, зависть — злость, злость — неверие, неверие — лицемерие. Все, круг замкнулся. И полностью опущенный человек идет ко дну.

«Но откуда в нас тогда берутся духовные потребности? — уцепился Омар за спасительную мысль. —

Редко, но возникают. Чтобы возникали чаще, нужно заниматься нравственным самосовершенствованием и избавляться от животной запрограммированности. Нужно учиться контролировать свои эмоции и поступки».

4.

Немного придя в себя, Омар пополз, словно змея, чтобы поскорее скрыться с места побоев и ускользнуть от содержимого собственного желудка — блевотины, что переливалась и блестела в лучах закатного солнца, словно только что сброшенная шкура. Ему не было стыдно лишь потому (это Омар выяснил на собственной коже), что змея не замечает, насколько она кривая. Через пару десятков метров Чилим встал на четвереньки и попытался двинуться вперед. После солнечного удара Омар никак не мог вспомнить, где его дом и куда ему надо ползти. Он карабкался на карачках из принципа, что движение есть жизнь. А жить хотелось очень.

А еще Омар вспомнил детскую игру «сифа», в которой, если в тебя плюнут и сделают заразным или замают, достаточно потерять оскверненное место со словами «Мутабор», и проклятье пропадет.

Спустя пару кварталов Омар посчитал уже безопасным встать на две свои ноги. Так начались его странствования по Кашевару под другой личиной. Возможно, под личиной избранника Кош-муллы?

Омар шел мимо отдыхающих после тяжелого трудового дня кашеварцев. Он видел, как они сидели, попивая чай и играя в нарды, прямо на стульях возле своих лавок. Омар дико завидовал всем этим сохранившим в непростых условиях человеческое обличье людям.

Между рядами домов появились циркачи с животными, предлагающие мастеровым и торговцам порцию зрелищ. Омар смотрел на заклинателей змей с дудочками, на дрессировщиков обезьян, на фотографов, предлагающих сфотографироваться с игунами, удавами, маймунами, и чувствовал, как в нем нарастает щемящее чувство жалости к меньшим братьям.

Он видел, как, играя на своей дуде, факир поднимает по стойке смирно змею, как, поджигая хвост под железной клеткой, заставляют встать на задние, в калошах, лапы медведя. В одной из подворотен в районе трущоб Омар наблюдал, как корейцы, которых предостаточно в Кашеваре, ошкуривают щенка. В другой увидел, как повар забивает тупым, как камень, ножом кому-то на обед козла. Кровь струйкой стекала по желобу разделочного стола. Цена на мясо, зерно и молоко резко подскочила в Кашеваре, но жалость к животным была сильнее, чем жалость к людям.

Рисунок Елизаветы Горячковой

5.

На ночь торговые кварталы города превращались в жилые, лавочки закрывали свои витрины и выбрасывали весь мусор прямо на улицу, где свою добычу тут же подбирали мусорщики. Омар сидел под аркой, прижавшись к стене, и наблюдал, как кашеварцы запирают свои лавки на съезжающие сверху рол-двери. Люди жили в тех же помещениях, что и работали, и многие уже устраивали себе ночлег и дастархан в торговых залах, постелив на пол тряпье.

Наблюдая узкосемейные хлопоты, Омар чувствовал, что ему уже нет здесь места. Теперь он больше не мог пожить едой, ибо мусорные контейнеры в свои кварталы спешно увозили мусорщики.

Но тут, о чудо, один за другим жители бедных районов стали выходить из своих домиков и предлагать Омару еду. Кто-то выносил лепешку хлеба, кто-то бутылку воды, кто-то фрукты. Казалось, вдоль узкой улочки выстроилась живая очередь желающих поделиться с Омаром заработанным за день. Подобные очереди в этих районах выстраивались только за дешевым социальным хлебом.

Люди из уст в уста передавали, что на улицах Кашевара объявился дервиш-иностранец, посланный Буль-Буль Вали спасти Кашевара. Наиболее мнительные утверждали, Омар — не Омар, а тайный наставник Мусы, Хизр.

— На, прими часть скромно заработанного, странник! — предлагал один старик яйца.

— Поешь нашего, брат-суфий, и помолись за нас!

Омар видел, что у каждой двери появлялся сам хозяин или хозяйка с чем-нибудь съестным в руках. Даже самые бедные пытались чем-то угодить ему. Одна дряхлая старушка протянула Омару несколько сушеных фиников. А другая пожилая женщина сушила помимо кулька с барбарисками еще и полиэтиленовый пакет, куда Омар смог положить собранную еду.

«Неужели я так стал походить на местного дервиша или Хизра?» — на глазах расчувствовавшегося Омара выступили слезы. После жалости к зверям и жалости к себе пришла и любовь к людям.

За дни, проведенные на улицах Кашевара, Чилим успел приглядеться к жизни трущоб и трудовых кварталов. Он уже понял, что в Кашеваре полным-полно нищих, готовых наниматься на любую поденную работу. Хамство чиновников, поборы, коррупция и несправедливость вынуждали людей постепенно отказываться от человеческого достоинства. Хватало здесь и бездомных. Не раз Омару попадались люди, лежащие прямо на тротуаре на расстеленных газетках.

6.

Но грязь трущоб и бедных районов оказалась не так уж страшна, как ему виделось вначале. Да, эти люди живут в далеких от стандартов и даже совсем антисанитарных условиях, зато они чисты изнутри. А у тех, которые нанимают для уборки домов горничных и посудомоек, у тех, кто ходит на сеансы очистки тела от старой кожи, у тех в душе настоящая помойка.

Они переводят зерно на биотопливо, в то время как чады Чада и дети Кашевара подышают от истощения. Сбежав на своих двух из центра, Омар Чилим сидел в тени кипарисов зооботсада им. Буль-Буля Вали и наблюдая за копошением муравьев. «Все суета сует, — думал он, — а особенно муравьи и люди».

В гостиницу он не мог пойти, ибо все гостиницы и ночлежки в Кашеваре под контролем у ищеек. Да и кто его возьмет, без документов, денег и регистрации в ОВИРе.

Попроситься к кому-нибудь на ночлег, даже к одинокой старухе, — тоже не вариант. Его фото уже распечатали в газетах для домохозяек, на первых полосах которых — эмир в окружении детей. Тиран властвует только там, где его безмерно боятся и боготворят. У страха в полудиктаторской стране глаза велики. Вряд ли кто-то распахнет свои объятия политически опасному типу. К тому же Омар не мог себе позволить объедать бедняков, которые обязательно выложат последние припасы на стол. Оставалось одно — смешаться с толпой и колобродить кругами по бурно гуляющему, засасывающему в себя окраины центру.

Но ноги не казенные, вот они, сделав круг-другой, и привели Чилима на насиженное и належанное место. Опустошенный Омар сидел на берегу озера, бессильно опустив ладони на коренья и гальку.

Без документов и без собственного имени он больше походил на растение. Он зарывался в чужую почву, словно пересаженный кактус. На собственном опыте Чилим выяснил, как, оказывается, легко потерять свое «я». Как просто перестать быть мыслящим существом и превратиться в мягкотелую субстанцию. В пригретую местным солнцем флору.

7.

Посмотрите на Омара. Вот он сидит, словно надломленное растение, прижавшись к решетке сада, и плачет оттого, что потерял свою личность. И еще ему ужасно стыдно быть лицемером среди добрых и открытых людей, которые пытались помочь ему сегодня чем только могли. Омару было противно презирать кашеварскую культуру, тайно желать Кашевару распада и скатывания в полный хаос и временно принимать из рук его граждан еду.

Лицемерие овладело им еще в Санкт-Петербурге. Стоило ему проявить слабость, согласившись на легкую работу в России, как он тут же начал терять свое «я». Он ведь знал, что при большой зарплате, обещанной в фонде, ему ничего сложного делать не придется. Разве что изображать «хорошую мину» при двойной игре. В Питере его ожидали остропрямая жизнь и мягкая плоть женщин, вплоть до какого-нибудь «особого» задания.

Прав был Балык-Малик: стоит нам расслабиться, как нами тут же начинают овладевать страсти в виде животных.

Свиная леность и козлиная похоть овладели Омаром. На севере он, как попугай, повторял чужие мысли. Здесь, на юге, словно дрессированная обезьяна, вынужден плясать под дудку судьбы. Только в экстремальных ситуациях мы познаем, кто мы на самом деле. Как выяснил Омар, он больше являлся животным или даже растением, чем человеком. И как назло, в памяти всплыли слова его возлюбленной о том, что он забудет ее, не пройдет и трех дней.

Омар даже настоящее имя своей любимой позабыл. И словно в издевку над ним теперь его невесту зовут Гюляр, что значит «цветок, роза». Вначале он часто повторял ее имя, даже в мыслях, чтобы вжиться в роль шпиона и вдолбить себе в голову новую биографию. А теперь, в наказание за свое усердие помянуть не только лицо, но и образ мыслей, он не помнил ничего, кроме этой новой биографии. Поистине, как говорят в Кашеваре, Аллах больше всего не любит лицемеров-мунафиков.

С другой стороны, пусть он неразумное животное или растение, проводить вторую ночь кряду под звездным небом ему не хотелось. Природа уже дала знать, что небесный джейран опустил розовые рога в вишнево-малиновую воду.

Глава 4

Шахматная задачка

1.

«Почему она не берет трубку? Почему?» Я так расстроился, что даже решил не идти на работу. Весь день читал книгу по этологии. А заодно пытался разобраться в том звере, что вселился в меня и терзал изнутри. Мое сердце разрывалось на мелкие куски. Ревность — самое асимметричное чувство. После того, как Кэт в очередной раз не взяла трубку, я в бешенстве кинул телефон о стену и тут же принялся метаться по квартире сам. Я чувствовал, что зверею, но ничего не мог с собой поделать.

В книге я вычитал, что врожденные инстинкты до сих пор управляют людьми через эмоции. Не утруждаясь мотивировкой, они просто включаются, когда сочтут нужным.

Вот и Кэт говорила, что хочет стать на более высокую ступень развития и избавиться от запрограммированности инстинктами. Хочет сама контролировать свою жизнь и судьбу. Стать взрослой и не подпадать под власть эмоций. Может, она тем самым борется со своей страстью? Какая она все-таки сильная!

«Хочешь изменить свою судьбу и измениться сам? — написала она в приветствии. — Я тебе помогу. Я знаю способ и метод».

Хорош метод — не брать трубку, когда другому человеку плохо. Приручила, а потом бросила щенка в воду, пусть он выкарабкивается сам.

Ну а мне-то что делать? Если уж инстинктом обусловлено, что, признавая превосходство соперника, мы опускаем глаза, то ничего нельзя поделать, когда глаза опускаются сами собой. И потому бесполезно себя оправдывать, а других убеждать в собственной силе. Махать кулаками перед зеркалом, срываясь на слабачку в виде собственного отражения. А ревность? Бесполезно внушать себе, что это глупо и неконструктивно. Ты либо ревнуешь, либо не ревнуешь.

А я ой как сильно ревновал.

2.

Кто он? — задавал я себе вопросы. Чем он лучше меня, что она не хочет со мной разговаривать? Это он поставил ей царапины? А может, ей нравится грубое и жесткое обращение?

Не секрет, что женщины любят мужчин, доминирующих над ними. Бьет, пренебрегает, плохо обходится, значит, у него таких, как я, много, и он сильный альфа-самец. А те, кто хорошо воспитан и владеет собой, вежлив, терпелив, ненавязчив (читай: нерешителен, услужлив, подобострастен), вызывают некоторое недоумение и подсознательное неприятие. Ибо лишь омеги-шестерки в первобытном стаде были самыми безропотными, терпеливо-услужливыми и пахали, как лошади, заглядывая в рот повелителя... А пировали и жировали сильные грабители и воины.

Женщины любят царей, поэтому они гораздо чаще влюбляются в своих начальников, преподавателей, старших по званию и по возрасту. Высокий ранг для мужчины — ключ к женским сердцам. Принц же на белом коне женщинам нравится лишь потому, что принц — это реальный кандидат в короли. И им хочется, чтобы это превращение происходило на их глазах и при их участии. Это своего рода проекция.

Был бы я, например, белым скакуном, настоящим боевым конем батыра, а не ломовой лошадиотрудягой, то я тоже ассоциировал бы себя с успехами хозяина. Настоящий принц — работенка отнюдь не плебейская, и белые кони на дороге не валяются.

Как часто я наблюдал картину, когда женщины из ночных клубов уходили с более наглыми, пьяными в стельку самцами, успевшими подраться и набедокурить, а не с пай-мальчиками. Тем самым подсознательно они приветствовали доблесть такого поведения и выказывали своей половине уважительное подчинение.

Главное, чтобы ее избранник был — красивый, высокий, решительный, волевой, даже хамоватый, вызывал зависть у подруг и, главное, был хорошим танцором, так как танец является непременным атрибутом брачного ритуала и показывает, на что способен самец в сексе.

А однажды я залюбовался серебристым «мустангом», на котором к ночному клубу подъехали два бритых парня и две девушки-красавицы. Не машина, а зверь. Парни о чем-то спорили, пока не стреноженный мустанг фыркнул мотором и рыл землю под ногами. Из выхлопной трубы клубами валил пар. Стройные красотки вышли и на тонких шпильках направились к клубу. Они вели себя так, будто не принадлежали парням и были сами по себе. Золотая молодежь.

— Эй, шалавы кривоногие, вы куда? — громко крикнул парень, свесившись с седла и выглянув в открытое окно. — Совсем страх потеряли?

В ответ красотки могли только захихикать.

«Мне бы к моим лошадиным силам пятьсот лошадей этого жеребца “мустанга”», — мечтал я тогда. Но сегодня мне «мустанг» был уже ни к чему. Еще утром у меня под рукой была велюровая обивка коробки передач черного «ягуара». А ягуар под рукой — разве это не признак царской власти? Вспомнив о рыке «ягуара», я подошел к большому зеркалу на ролах и посмотрел на себя. Ну чем не принц? Высокий, статный, в дорогом костюме от Армани — привет Грегору Стюарту — и дорогой сорочке от Дольче Габбана.

3.

Только вот с поведением я лоханулся и оплошал. Надеть чужую одежду — одно, а вести себя хамовато-пренебрежительно и иронично-решительно, будто все в округе по праву принадлежит только тебе, — совсем другое. Здесь без длительной закалки не обойтись. Здесь не единожды нужно побыть альфа-самцом и познать десяток-другой таких, как Кэт.

А мямлям и ботаникам девушки пудрят мозги и держат их на коротком поводке ради достижения меркантильных целей. Внимание, уважение и подарки со стороны низкорангового мужчины женщинами воспринимаются естественно, как психологическая пицца-компенсация за нервы, потраченные на высокоранговых.

— Так, значит, меня всегда будут воспринимать как рака на безрыбье, — возмутился я, — только потому, что я не отличный добытчик-хищник-грабитель? И поэтому Кэт тянет резину, отдалается вместо душевного сближения, а инициатива наших дальнейших встреч или телефонных контактов исходит исключительно от нее.

Но какую цель преследовала Кэт? Что ей нужно от меня, простого рака-отшельника? Как бы мне не стать тем раком для прикрытия тылов! Может, она уже беременна? — сокрушался я, все больше мрачнел и мрачнел от своих раздумий. — Но я ей не какой-нибудь лох! Со мной номер, когда отец ребенка — мачо, а воспитанием его занимается мямля, не пройдет. Пусть даже взамен приемный папа получает регулярный доступ к телу красавицы самки.

Вот до какого маразма дошел я в своих подозрениях и ревности! Чтобы выкинуть Катю из головы, я решил отвлечься каким-нибудь занятием.

Разложив пару раз пасьянс, я вспомнил про загадочные шахматы. Что там вчера в телефонную трубку представитель магазина лепетал про ограбление и подлог? Про нешуточную опасность, которая мне угрожает и про необходимость принять меры предосторожности?

Любопытство — страшный грех. Потеряв Катю, я стал маниакально искать шахматы по всему дому. Я открывал все ящички и заглядывал во все дверцы. Я облазил кухонные шкафы и даже залез в потаенную зеркальную кладовку. В конце концов, отчаявшись, я сел на пол и увидел под столом портфель хозяина. Именно там, как выяснилось через секунду, они и лежали. Возможно, Грегор Стюарт даже забыл их выложить. Или, наоборот, взять с собой.

4.

Вытащив шахматы на свет и сложив ноги по-турецки, я стал рассматривать необычный экспонат. Сразу бросилось в глаза: помимо того, что доска из оникса была разделена на шестьдесят четыре клетки, на отполированной поверхности еще были изображены горы, озера, долины и реки. Примитивная карта. Весь рисунок — в зеленовато-желто-коричневой дымке, как на старых фотографиях. Единственное, что ей придавало серьезный вид физической карты,

как в учебниках географии, — это вертикальные и горизонтальные линии клеток. Ну, как будто параллели и меридианы.

Налюбовавшись видом гор, по которым я так соскучился, я открыл доску и увидел, что изнутри она расписана под игру в нарды. Множество треугольников по всему периметру с изображениями солнца и месяца поочередно. Подобная роспись часто встречалась у доморожденных мастеров у нас в Кашеваре. Единственная странность — то, что поле для игры в нарды тоже было нашинковано на вертикали и горизонтали, словно на меридианы и параллели, и украшено звездами. Весь орнамент походил на карту звездного неба.

Внутри доски лежали четыре бархатных мешочка с фигурками. Достав из одного мешочка фигурку слона из мутного камня, я поднял ее на свет и увидел в чреве фигурки останки какого-то жучка. Закаменевшее насекомое застыло в самом основании фигуры.

— Удивительно! — высыпав остальные фигурки, я увидел, что в каждой из них было по какому-нибудь жучку-паучку. Будто пята громоздкого слона-времени вдавила их в камень навеки.

Фигурки были сделаны из полудрагоценной породы. Кажется, из янтаря разных оттенков. Белые — более прозрачные, а черные — более мутные с зеленоватым отливом. Или наоборот. Я в геологии, как и в геополитике, ничего не понимал. В любом случае — пешки одного цвета были выполнены в виде солдатиков восточной армии. Ферзь в виде визиря, король — падишаха. Противоположные фигурки изображали какую-то европейскую армию. Это подтверждало и то, что слоны в одной армии были сделаны в виде животных, а в другой — в виде офицеров. Равно как и ладьи — в виде крепостей и галер.

5.

На любительском уровне я мог играть как в шахматы, так и в нарды. Я уважал и ту и другую игру, и первое, что мне бросилось в глаза, когда я освободил два других бархатных мешочка, — это недокомплект нард. Всего было двадцать четыре фишки: тринадцать белых с изображениями короны и одиннадцать темно-коричневых с изображениями коней.

«Странно, — подумал я, пробуя на ощупь кости с циферками, — может, это какая-то новая, неизвестная мне, разновидность игры?» Решив так, я начал копаться в фигурках в поисках инструкции. Но не нашел ни одного слова, если не считать, что на площади между вытянутыми треугольниками были вырезаны какие-то стихи. Я присмотрелся и прочитал:

Чудесны камни, задача трудна.
Тринадцать ферзей, а точка одна.
Четыре ферзя на страже стоят,
Но знать друг о друге совсем не хотят.
Десяток коней
Бойтся ферзей,
Один лишь смельчак
Выступает на шаг.
Он точку покроем копытом вот-вот,
Коль дашь ты команду коню — ход вперед!
И брызнет на мир дорогой камнепад.
Не бойся его, ни шагу назад!

У каждого в голове свои тараканы и муравьи, подытожил я. А особенно у коллекционеров. Стоило из-за довольно топорно выполненных фигурок ломать столько копий. Мой дядя сделал бы эту работу гораздо изящнее. Камни, как я понимал, тоже особой ценности не представляли. Конечно, стоимость янтаря немного увеличивали застывшие в нем муравьи, но не более того. Решив так, я захлопнул доску и засунул шахматы назад в кожаный портфель.

Гораздо больше меня сейчас волновало, почему Катя не брала трубку. Она, конечно, говорила, что гуляет сама по себе, как кошка, но...

6.

Мысли о Кате странным образом сменялись в сознании загадкой шахмат, не давая уснуть. И если с Катей я пока ничего поделывать не мог, то доска была у меня в руках. «Схожу-ка я с этим наборчиком на Невский», — решил я.

В силу работы ишаком я хорошо был знаком со многими на Невском. Напротив Екатерининской кирхи выставлялись художники. Я часто наблюдал, как они коротают время за игрой в шахматистику. А иногда и сам участвовал в баталиях.

Баталия — это громко сказано. Игра сводилась к тому, что все художники, один за другим, перекивая друг друга и подсказывая наперебой, пытались выиграть у одного колченогого художника Вани. Иногда и мне доводилось перекинуться с ним партийками.

Однажды я даже довел дело до пешечного эндшпиля. Но тут поднялся такой гвалт советчиков, почуявших кровь старого маэстро, как будто мы играли не в шахматы, а в наперстки. В итоге у меня закружилась голова, и от излишней информации и давления извне я быстро слил финал. Так же, видел я, действуют и аферисты — кручу-верчу-обмануть-хочу, — отвлекая внимание, сбивая с панталыку и сжимая шарик меж пальцами. Пару раз по неопытности я проиграл им несколько купюр.

Единственное, что оправдывало Ваню, — он играл не на деньги. Да и суету желающих посоревноваться или поучаствовать в коллективной победе можно понять.

Узрев невозможность выиграть у Вани, я дальше лишь наблюдал за маэстро. За ходом его мысли и развитием игры. Я сидел, как ученик, возле него и наблюдал за интеллектуальной глубиной разворачивающейся картины.

— Иван, — спросил я однажды, — а почему ты не играешь на деньги?

— Я уже свое отыграл, — заметил он, — только это не принесло мне счастья. И потом, был у меня дружок, и он придумал одну фишку. Точнее, не фишку, а с виду равную позицию. И вот он предлагал сопернику сыграть на рубль, что он выиграет белыми. Соперник соглашался и проигрывал свой рубль. Тогда мой друг предлагал ту же самую позицию уже за два рубля свести в ничью черными. Соперник, зная расклад, соглашался и опять проигрывал. Но и это еще не все. Мой друг теперь уже за четыре рубля предлагал сопернику опять защищаться черными и опять выигрывал.

— И что дальше? — спросил я.

— И так много-много раз. Мой друг в советское время выиграл полмиллиона рублей. Только это тоже не принесло ему счастья.

— Почему? — не понял я.

— Поживешь — узнаешь, — ухмыльнулся Иван, — молод ты еще слишком.

7.

И хотя я действительно был молод, а Иван годился мне в дедушки, мы, ремесленники Невского, называли друг друга по имени без отчества. Вот к нему-то, к Ване, я и решил отправиться с вопросом об игре в тринадцать и одиннадцать фишек-шашек. Я взял с собой лишь фишки-звездочки и доску, оставив красивые шахматные фигурки — а вдруг поскользнусь и разобью, — дома. К счастью, Иван еще не играл, а дописывал какой-то рисунок.

— Единственное, что мне приходит в голову, — посмотрев внимательно на шахматы и прочитав стихок, изрек Иван, — это детская головоломка.

— Какая головоломка?

— Я думаю, фишки с конями — это кони, а фишки с коронами — это ферзи. И надо расставить на небе эти звезды так, чтобы ни один ферзь не находился в зоне поражения другого. Принцип такой — ферзь не может бить ферзя, а конь не только коня, но и ферзя. Потому что меньшая по номиналу фигура не должна поражать старшую. Видишь, и в задачке, — стихи Иван назвал задачкой, — то же самое написано:

Тринадцать ферзей, а точка одна.

Четыре ферзя на страже стоят,

Но знать друг о друге совсем не хотят.

Десяток коней

Бойтся ферзей...

— процитировал он на память.

— Как это? — Мне все еще не удалось ухватить смысл игры.

— Ферзи не могут пересекаться ни по диагонали, ни по вертикали, ни по горизонтали, — терпеливо пояснял Иван. — А кони не могут вообще нападать ни на одну фигуру, кроме этой точки.

Один лишь смельчак

Выступает на шаг.

Он точку покроет копытом вот-вот,

Коль дашь ты команду коню — ход вперед!

— Так тебе и надо расставить эти фигурки. Чтобы ни один ферзь не бил другого.

— А какой в этом смысл? — разочарованно спросил я, снова поражаясь цепкой шахматной памяти Ивана.

— Не знаю, — ухмыльнулся Иван. — Всего скорее, смысл философский. Каждая фигура стремится попасть в ферзи и готова драться за это. Или, например, ферзей тринадцать, а коней одиннадцать. Получается, что коней на всех не хватает, и два царевича вроде как и не царевичами получают. Как делить-то будут? Попробуй раздели одиннадцать на тринадцать!

8.

Иван явно издевался надо мной. Но я был не из тех, кто обижался и отступал.

— А при чем здесь точка? — допытывался я. — А шахматная доска с картой?

— Может, точка, которую нужно найти и которую охраняют четыре ферзя и бьет один конь, указывает на клад, — махнул Иван кисточкой. — Хотя этот вопрос не ко мне. Я только в шахматах, и то плохо, разбираюсь.

— Точно, — схватился я за голову, — это же карта, настоящая карта с реками, озерами, ущельями! И если найти точку, то можно отыскать и клад.

— Ой ли, — опять усмехнулся Иван. — Есть похожая детская головоломка с восемью ферзями и без коней. Я когда-то пытался ее решить и нашел девятью способами выставить так ферзей, чтобы они не угрожали друг другу. Так что точку найти тебе будет не так просто. Хотя, с другой стороны, фигур здесь больше, и по теории вероятностей вариантов должно быть меньше. Но и сама задача посложнее

будет. Так что давай, дерзай, я в твои юные годы и не такие головоломки разгадывал.

— Вань, а ты не хочешь со мной помучиться? — пытался я завлечь старого гения к себе в союзники. — Найдем клад, пополам поделим!

— Нет, спасибо, — опять засмеялся Ваня, глядя на мой детский задор, — так искать клад — все равно, что искать иголку в стоге сена. Единственное, что можно найти по этим координатам, — это стог сена, то есть саму гору или гряду гор.

— Да, — разочаровался я, — жаль!

— И потом, — смеясь, подытожил Ваня, — я свой клад уже нашел в самой игре и жизни. А ты давай, дерзай, ставь новые задачи и цели. На то она и молодость.

Что называется, если бы молодость знала, а старость могла. На том и расстались.

— А что является моим кладом? — думал я, возвращаясь домой с полудрагоценными фишками. — Хватит ли мне смелости найти его и мудрости — не потерять?

И тут, словно разом отвечая на все мои вопросы, позвонила Катя.

— Извини, — сказала она, — не могла взять трубку, потому что была на лекциях. Давай, если хочешь, встретимся завтра, после лекций.

— Давай, — подпрыгнул я посреди улицы, как отвязанный конь, тут же простив Кате все.

Глава 5

Большой базар

1.

Сбежав из холодного парка, Омар пошел в старый город с его глинобитными домами и узкими улочками, бесчисленными караван-сараями и полуразрушенными банями, мечетями и медресе, мавзолеями и грандиозным базаром, что представлял собой обширный квартал сросшихся за века под одной крышей торговых рядов.

Масляные коптилки и круглые дырки бойниц в сводах вместо окон придавали этому городу в городе таинственно-мрачный антураж. Базарная площадь перед рынком, напротив, в это вечернее время вся сверкала огнями, словно созвездьями самоцветов. Свет неона умножался, отражаясь в золоте и камнях.

Омара потянуло к сверкающим золотым украшениям инстинктивно, как тянет заблудившегося путника к огню. Возможно, подсознательно он всего лишь хотел согреться и выпить чаю.

В такое время шпики эмира уже видели десятки радужные сны. А вот торговцы всех мастей продолжали держать свои лавки открытыми, завлекая берилловыми бирюльками и ферапонтовыми фианитами загулявших, а значит, щедрых иностранцев. Аристократы торговли — ювелиры и торговцы коврами — по-прежнему держались неподалеку друг от друга и занимали лучшие галереи. А в наружные стены базара были встроены магазины, ларьки и лотки, привлекающие покупателей своими свежими съестными припасами. Рыба, зелень, овощи, традиционные восточные сладости, специи и кофе, а также фрукты и необыкновенные десерты: хурма, сушеный инжир, изюм, локма, пахлава и тулумба, от одного вида которых даже у самого сытого разыгрывается небывалый аппетит. От пестрого, ароматного и экзотического калейдоскопа разбегались глаза и расплзался нюх. Здесь же на любой изысканный вкус предлагались различные сорта сыра и кисломолочных продуктов от корта до катыка и айрана. Расположенные в центре базара Цветочный и Птичий рынки тоже имели своих постоянных посетителей.

«Самое время и мне зайти в ювелирную лавку и выбрать подарок для ненаглядной Гюляр, — решил Омар, — чтобы потом, отсняв животных в зоопарке эмира и вынув флешку, обменять фотоаппарат на одно из приглянувшихся украшений».

2.

Идея обратиться к ювелирам была не такой уж плохой — толковый продавец всегда предложит чай потенциальному клиенту, развлечет путника беседой, а заодно развлечется и сам!

Первая попавшаяся лавочка на старом базаре, где, словно сено на заборе, были развешаны сверкающие золотые цепочки и куда, как овцы, почуяв выглядывающие во все щели прозрачных ворот желто-соломенные копи, тянулись возвращающиеся в отели туристы, как раз оказалась, как гласила табличка, лавочкой ювелира Кундуша.

Чего здесь только не было! Золотые цепочки в финикийском, скифском, троянском и шлимановском стиле. Украшения золотоордынского периода с сапфирами с небесных гор Синей Орды и жемчугом со дна самого Богатого озера Белой Орды. Кстати, не очень дорогие.

— Господин что-то выбирает? — поинтересовался подошедший хозяин.

— Да, хочу выбрать подарок для своей невесты.

— Могу я чем-нибудь помочь? — засуетился ювелир. — Или отнюдь нет? — По этой фразе Омар понял, что Кундуш приехал из самой западной про-

винции страны. — Мне нужно знать, кто она по гороскопу и какой у нее нрав.

— По гороскопу она Овен, а по характеру сушая львица.

— Отлично, могу посоветовать перстень всемирно известной фирмы «Булгари» с прекрасным алмазом. Надо сказать, что алмаз как раз для овечек: он является символом невинности и чистоты. Недаром про алмаз говорят: «чисто камень». Посмотрите, как он прекрасен! «Радуга заточена в нем навечно» — так поэтично описал его красоту великий Хафиз! — Ювелир Кундуш явно хотел продать иностранцу как можно более дорогой товар. — А Хафиз понимал в красоте, иначе его имя не стало бы синонимом слова «поэт»! Существует поверье, что алмаз, как самое твердое вещество на земле, придает его владельцу смелость и храбрость, а государству — процветание. Рубин же, на который вы сейчас смотрите, придаст своему владельцу силу льва, бесстрашие орла и мудрость змеи. Красный цвет рубина — возбуждающий и горячий, олицетворяет страсть и способен приносить счастье в любви, доблесть и мужество в сражениях.

— Рубин из Булгарии? — успел спросить Омар во время поэтически многозначительной, хотя и небольшой паузы, глядя на сомнительного цвета золото.

— Нет, из Италии. Обратите внимание: камень соответствует непорочности и чистоте. А также он лечит от разных болезней и душевных ран.

3.

«Вы попали в точку. Это мне сейчас совсем не помешает», — тихо вздохнул Омар. А вслух спросил:

— Вы действительно верите, что камни могут лечить?

— Не только лечить, но и приносить удачу в делах! Вот, например... цирконы голубоватой окраски — прекрасные талисманы для путешественников, отпугивают диких зверей от курятников и охраняют от укусов клещей в темечко. А цвета сладчайшей дыни топазы способствуют исцелению от астмы, подагры, гастрита, бессонницы и эпилепсии. Целого букета болезней туриста. Да не дрожите вы уж так! Хотите поддержать этот камешек в руках? Надеюсь, вы не страдаете приступами бешенства? Если да, то вот возьмите хризоберилл — его прописывали при заболеваниях горла, психическим больным он должен был приносить успокоение, а цепочка с кулоном из этого камня хранила ребенка от дифтерии, — не дождавшись ответа вдруг задумавшегося Омара, продолжил ювелир. — Янтарь излечивает от заболеваний кожи, от ревматизма, защищает от чар и чужого гнева.

«Хризоберилл, — усмехнулся Омар, — звучит как название созданного в Индии нового антибиотика». А сам подумал: «Не запугивает ли меня больницами этот ювелир?»

Слушая рассказ Кундуша о лечебных свойствах камней, Омар вспоминал, как он собирался в Кашеваре спасаться от ювелира. Чтобы не заболеть разными местными болезнями, в первый день Омар покупал нужное только в запакованных бутылках. А после каждого рукопожатия старался незаметно протереть руку влажной салфеткой, другую сторону которой неизменно пуская на лоб и шею.

Купленные на базарах за копейки фрукты и овощи он тщательно мыл с мылом и резал купленным острым клинком. А еще для антисептических целей Омар приобрел в duty free литровую бутылку водки. Сосед по самолету, покупавший у проводницы маленькие бутылочки с вермутом и набравшийся в итоге основательно, посоветовал носить ее всюду с собой и пить по глотку перед каждым приемом пищи. В обдуваемом кондиционером салоне идея казалась разумной, но заставить себя выпить глоток теплой водки посреди полуденного зноя Кашевара оказалось невозможно.

И все же сейчас Омар жалел, что ту бутылку унесли сторонники Зураба-ходжи, как и влажные салфетки. Вообще, его сильно напугали рассказами о всевозможных микробах и болячках. Омар уже пил воду из пруда и умывался той же водой, но пока желудок его не подвел.

Что действительно вызывало опасение — это расположенные во всех общественных уборных на уровне колена кранчики с водой, которая предполагалась для обмывания интимных мест. Или используемые для тех же целей кумганы. В этой ситуации кашеварцы используют левую руку, а правой они едят. Подавать для рукопожатия левую руку считается верхом неприличия. Омар же боялся, что кранчики и кумганы — рассадники всяческих инфекций.

4.

Вспомнив о правилах приличия, Омар поймал себя на мысли, что ювелир обнаглел и пытается, не стыдясь, всучить ему левый товар «абы что» левой рукой.

— Какого лешего вы мне все дохлую собаку подбрасываете?! — взорвался негодованием Омар. — Могу я спокойно выбрать подарок для своей возлюбленной? Где тут у вас жалобная книга?

— Хотите почитать, пожалуйста, пожалуйста, — вспомнил о законах гостеприимства ювелир, подумавший под жалобными книгами все книги, которые у него вышибали слезу, — а я пока вам чай со слезами жасмина приготовлю.

Скрывшись за шторкой, он через секунду вынес Омару ту самую книгу в коже эрзерумских быков, которую Омар с упоением читал накануне и которую у него украли, пока он гонялся за дующей на воду девочкой или бегал от пускающего пузыри карпа.

В ожидании законного чая Омару Чилиму ничего не оставалось, как раскрыть книгу и погрузиться глазами в халву строк.

Алмазная труба

(глава из второй книги)

Северная ночь загадочно ядовита. Речка Бирюза, скованная голубым ранним льдом, извивалась, змеилась. Вдали виднелись жилые корпуса города Изумрудного, над которым сталактитовым наростом переливалось северное сияние. Облизывалось сладострастным языком с сосульками апатита и игольчатыми гребенками боэмита, манило эффектом «кошачьего глаза» с паутиными сеточками.

Били о ледяные бериллы-перила алыми плавниками красноперки, в собственной слизи барахталась плотва, выпучив ярко-желтые глаза. Плавники ее окрашены в зеленовато-серый цвет с красным отливом. Рядом валялся лещ, заглотивший наживку — мормышки с латунной или медной фольгой.

Завод из труб, словно густера из жабр, выпускал густой дым, который окутывал в шубу перламутровую плоть неба с рубинами фиолетово-красных звезд Севера. Всю ночь боевые товарищи дежурили у лунок с мормышками, якобы ожидая клева. По очереди грелись в узике, пили водку и чай из термоса. На самом деле они ждали рыбу покрупнее и готовились к ней со всей тщательностью. Задача была в случае клева добычу не вываживать, а, огрев обухом, в проруби утопить.

Ледобуры работали всю ночь, высекая алмазные искры. Под покровом лунной ночи им удалось насверлить сотню лунок-кратеров, проперфорировав большой прямоугольник льда на колее, проходящей поперек замерзшей речки. Так сверлят пласт гранита, чтобы потом одним ударом молота отломить нужный кусок. Этим ударом, по задумке рыбаков, должен был стать взрыв тротила мощностью в один килограмм.

Тротил имелся у Яхонта Яковлевича, он частенько им глушил рыбу. Но теперь весь запас подложили в центр высверленного, но не выдолбленного куска льда. Хозяин Диамант Демидов прилетал рано утром, чтобы сделать громкие заявления о будущем завода и лично решить судьбу фондов и кадров. Са-

молет приземлился в аэропорту областного центра, и директор на джипе в сопровождении охраны сразу же отправился на предприятие.

Пытающийся в этой жизни успеть все, он наверняка срежет путь и поедет напрямик по льду, по проложенной рыбаками колее. Ждать приезда Диаманта было одновременно и невыносимо, и сладостно. Кровь то стыла в жилах, то ходила, подгоняемая водкой, быстрее и веселее. На бородах образовывались крупные кристаллы. Вселенная своей бездонностью и зеленоватым хищным отливом напоминала разверстую пасть тайменя с глоточными зубами северного сияния. Или алмазную трубу с нескончаемым потоком драгоценных звезд.

Наконец, вызывая азарт охотника и прогоняя последние страхи и сомнения, красным кончиком «кивка» задрожал рассвет, и небо озарилось разноцветными отблесками яшмы и лазурита. В свете дня Алмаз посмотрел на красное румяное лицо Рубина, на желтое, с лунками на щеках сосредоточенное лицо Яхонта. «Если лицо красное, значит, не боится, так Цезарь проверял своих легионеров перед боем, — успокаивал себя Алмаз, — а если бледное, то наверняка вся кровь в пятки ушла».

По плану, как только на горизонте появится заслоняющий красное солнце черный джип, Алмаз Алексеевич с Рубином Ивановичем отправятся якобы за дровами в молодой лесок на берегу. А там у них уже припрятаны охотничьи карабины и замаскированы огневые точки. Когда джип неминуемо въедет на огороженный лунками, словно флажками, загон, Яхонт приведет в исполнение взрывной механизм. А они двое откроют пальбу по лобовому стеклу, чтобы смутить водителя и пассажиров, если они попытаются успеть вылезти из машины, пока она медленно тонет.

Яхонт сидел начеку у дальней лунки, а Топаз на всякий случай прогревал узик. Стали ждать, искать черную точку на лазурном небе и красном солнце. И она, эта точка, появилась, сначала маленьким агатовым камушком в диадеме горизонта, который с каждой минутой все увеличивался. Даже камни служат людям, а этот диамант все загребает под себя. «Хаммер», ревя мотором, загребал снег.

Бронированный американский автомобиль, преодолев холм, стал стремительно спускаться по крутому правому берегу. Когда он выехал на лед и прошел поперек реки третью ее часть, раздался громкий хлопок. И тут же началась пальба по колесам. Обрушения льда не произошло, опытный водитель резко вывернул руль, прибавил газу и переместил центр тяжести. Рванув широкими колесами, как ластами, «хаммер» резко свернул в сторону. Балансируя на льдине, как первоклассный

серфингист, он выбрался-таки на пологий левый берег реки.

Яхонт успел разглядеть несколько маленьких вмятин на корпусе джипа и трещину на лобовом стекле. Пули отскакивали от перламутровой брони, словно алмазные льдинки. Сила оружия оказалась неправильно рассчитанной. Да, собственно, не должны были карабины пробивать броню. Основной задачей стрелков было подстрелить каждого, кто попытается выбраться из тонущей машины наружу. Последнего не произошло. Никто из машины вылезать не стал.

Собирали пожитки молча. Ружья, протерев, утопили в лунке. Туда же скинули и патронташ с патронами. Взяв даже самую мелкую рыбку как алиби, отправились в город по объездной дороге через мост.

Назад ехали молча, ожидая кордонов и ареста. Удивительно, что никаких блок-постов на въездах в Изумрудный выставлено не было. То ли не успели, то ли ехавшие в машине на большой скорости так были напуганы трещавшим по швам льдом и дерзким покушением, что до сих пор не пришли в себя. Оставалось только гадать.

После яркого настроения и красок природы на всех накатила какая-то черная тоска и безысходность. Город был окутан тьмой. Он почти не освещался, если не считать бутиков и продуктового магазина для богатых, в которых продавалась экологически чистая еда. Например, макароны по тысяче рублей за килограмм.

Когда на «встречке» вдруг показалась ментовская машинка с мигалкой, Алмаз Алексеевич и сильно испугался, и обрадовался появившимся проблемам. Сейчас остановят и потребуют лицензию на платную рыбалку. Дальше бросят в камеру и будут взимать налог на воздух, на пение птиц. Налог на кормление кровопийц-комаров принес бы отличный доход казне. Нервы ни к черту — натянуты, как алмазные нити накаливания электрических ламп. Но пронесло — машина проехала мимо.

Рубин Иванович развез всех по домам, поставил машину на стоянку и отправился к жене Кристалине. Напряжение не спало и дома, несмотря на ужин и кошку. Слушал радио, смотрел сапфировый экран телика «Рубин». Все тихо. Отсутствие новостей еще больше удручало. Как будто их акция оказалась пшиком. А может, наоборот, сыщики настолько серьезно взялись за дело, что решили не давать никакой огласки. Мнительность. Паранойя на грани шизофрении.

На следующий день после смены они вновь собрались в пивнушке, чтобы снять напряжение. Яхонт Яковлевич принес сушеного леща из прежних

запасов. Красные куски мяса обсасывали, запивали красноватым пивом, делились предположениями. Млели, духарились, матерились. Пивнушка — как топка, в которой сгорают человеческий материал. В античном мире рубин называли антраксом, что означает «горящий уголь». Пивные кружки вновь горели и сверкали в руках.

5.

Выпив три чашки чая, Чилим посчитал, что он больше не вправе испытывать терпение и использовать гостеприимство ювелира Кундуша. Перепутав двери и выйдя через черный ход, Омар очутился на внутренних улицах Большого базара. А там, стоит тебе повернуть налево, — сразу попадаешь в большой, покрытый несколькими куполами Сандаловый бедестен (Sandal Bedesten). Пойдешь направо — угодишь на улицу Оружейная, за которой, как гласил указатель, открывались улицы Самоварная (Semaver Sokak), Колпачников (Kalpakçılar Caddesi) и Кальянчиков (Nargileçi Caddesi). В средние века ремесленники и торговцы состояли в гильдиях, которые имели свое строго определенное место на рынке.

Ошарашенный бериллами, Омар брел, куда вели его ослепленные бриллиантами глаза. Гуляя по улицам Большого базара, он, кажется, заблудился во внутреннем лабиринте своего сердца, вновь и вновь упираясь в тупики. В этом полубредовом состоянии он вышел к воротам, которые вели не на улицу, а в подвалы Большого базара — в зону, которую не показывают иностранцам, где, не разгибая спины, пахнут мастера по меди, дереву, камню и золоту.

Фантастическое зрелище открылось Омару, когда он во внутренней подземной части города увидел тысячи и тысячи сторбившихся, ссутулившихся над своим делом ремесленников. Ткачихи плели ковры, юнцы и старики, орудуя деревянными молотками и железными резаками, вычеканивали и вырезали, их огрубевшие пальцы лепили из праха и шили из кожи символы и знаки. Кто-то кашлял, а кто-то пел песни о любви. Молодые голосили с надеждой и радостью, а пожилые хрипели с тоской и горечью.

Здесь, на подземном уровне, они делали те сокровища, которые продавали на среднем уровне тем, кто живет на уровне верхнем. Здесь за копейки можно было купить любую расшитую шелковыми нитками галабею или халат. Омар посмотрел на рукава своей рубахи, которая будто почернела под недоброжелательными взглядами работаю.

— Что делает этот иностранец здесь? Как и зачем он сюда попал? — прожигали рентгеном рубаху и худое тело Омара ремесленники.

«Какой ужас, — думал он в ответ, — что ждет этих работяг, какая судьба? Большую часть жизни просидеть без солнца в этих затхлых пыльных подвалах, заработать чахотку и аллергию ради куска хлеба, производя то, что так ценится на Западе, — “хенд-мейд”. Вот он, хенд-мейд в действии. Люди, лишившиеся работы на заводах, вынуждены вновь заняться забытым ремеслом».

6.

Пройдя узкими рядами, Омар вышел к подземному кафетерию, возле которого ремесленники дрожащими от усталости руками подносили гостям стаканы кофе и чая. Кто-то заказывал кальян — но не с фруктовым табаком, а с балканской шишей, запах которой одурманил Омара, как только он спустился в эти катакомбы. Потолок в кофейне был такой же крепкий и черный, как и кофе.

Как вскоре догадался Омар, столпотворение под низкими сводами было в честь праздника обрезания. Одному мальчишке исполнилось семь лет, и со следующего дня ему предстояло взять в руки молоток и приступить к чеканке.

«Какая судьба ждет этого паренька? — содрогнулся Омар. — Всю жизнь провести в этом подземелье в надежде обрести свое счастье на небесах?»

По ритуалу перед моментом обрезания отец мальчика собирал многочисленных родственников, друзей и соседей, которым предлагал скудное угощение. Главным яством небогатого стола был циркач-коахин, развлекающий своими историями гостей.

Он, в подбитой шелковыми заплатами истертой галабее, в очень старой чалме, сидел на перевернутом барабане и нараспев причитал: «Не позволяйте писать книгу вашей судьбы никому, кроме Аллаха. И тем более не позволяйте читать ее другим. Ибо когда вы читаете, вы в то же время пишете ее невидимыми закрепляющими чернилами».

Коахин говорил, в то время как его спутница, обезьяна, вытворяла различные фокусы.

Заинтересовавшийся представлением, Омар уселся на низенький табурет и стал наблюдать то за обезьяной, то за коахином, который говорил: «Страсть к выразительности и подражание свойственно всему живому. Посмотрите, как кружится моя Чи-Чи, то подойдет к зеркалу, играя в самопознание, то подбежит к вам, играя в любопытство. Она подпрыгивает и куражится не ради куска хлеба, а чтобы развлечь вас, пока не умрет в полном истощении, и тогда ее место займет другой актер. Я, дервиш ордена Мутаборитов Аббат, ходил с ослом, попугаем и обезьяной, пока не понял, что они мои ум, душа, тело. Я, как и вы все, человек-оркестр, бре-

менский музыкант, двуличная натура. Я странник с востока и запада, я всегда изображаю другого. Моя душа ничем не лучше, чем душа обезьяны, подражающей другому».

Омар слушал, опустив голову. Он скорее был склонен согласиться с коахином, чем вступить с ним в мысленный спор. За один день он перестал изображать туриста, довольного жизнью, и стал изображать страдающего бродягу. Его нет, а есть только состояния, которые ниспосланы ему свыше. И эти состояния он должен сыграть до конца. Нет никакого Омара Чилима, настоящего и конечного, а есть влюбленный то в Приму, то в Гюляр Чилим Омар.

И словно в подтверждение мыслей последнего коахин Аббат продолжал наставлять: «Пейте, веселитесь, дорогие гости, примите на себя роль богачей и тунеядцев. Помните, нет ничего выше празднества и искусства. Искусство появилось, когда на земле появились птицы и цветы, звери и камни, и все вместе начали радоваться новому дню жизни.

Наш шейх Буль-Буль Вали утверждал: “Любой человек, животное, растение суть актеры, ибо воплощают в себе кого-то другого. Когда мы играем, мы всегда играем другого — того, кто выше нас. Мы всегда несем в себе другого. Нас как таковых нет. Мы вмещаем в себя, несем в себе весь микро- и макрокосм. Мы одновременно и камни, и растения, и звери.

Помните, мы всегда несем в себе другого. И потому — нет никакой души, есть только Он. Либо душа есть у всего, либо искусство, которое появилось сначала у животных, камней и растений, передается нам свыше. Мимикрия проявляется везде и во всем. Она, как и подражательство, дарована всему миру в равной степени. Они наш путь в небо».

7.

Коахин вел свою историю, зажимая одной рукой ухо, второй рукой выстукивая ритм-такт игры оркестра. Он то нараспев рассказывал «Тысячу и одну ночь», то обращался к публике с вопросами, вызывая какие-то мнения, то к Всевышнему «Я рабья». Он сам играет на рабабе и сам проживает свои истории. Оркестр одного человека в течение трех часов.

Выполнив свою миссию по распространению учения мутаборитов, коахин перешел к другой истории.

— В каждой истории есть две истории, — вещал он. — В каждой книге, как и в этой, есть две книги. Одна — художественный свист, другая должна войти тебе в сердце, как флешка, как кинжал.

Омар видел, как время от времени входящие в кафе заслушавшиеся посетители собирали деньги.

Каждые тридцать минут делегат от собравшихся подходил к коахину, и протягивал сказителю полувившуюся сумму, и шептал в уши имена тех, кто сидит вокруг.

— Что они делают? — не выдержал Омар.

— Ты что-то спросил, странник? — прервал свою речь коахин, посмотрев в глаза Омару.

— Я спросил, почему они собирают для тебя свои имена вместе с деньгами и передают, словно подношения?

— Посмотри внимательно на лица людей, что здесь собрались. Они не хотят сгинуть в этих катакомбах, словно черви, не оставив своего следа в истории. Каждый из собравшихся называет мне свое имя, чтобы я, подобно ткачу большого полотна, вплел его линию судьбы в мою историю, вплел, как нить или червя. За ночь я должен назвать абсолютно всех, всех членов общины этой истории, иначе моя история не дойдет до их ушей и не вольется в их сердца, словно фруктовый мед в торбу.

— А мое имя вы уже назвали? — иронично улыбнулся Омар.

— Много раз, потому что это история про вас.

— Обо мне? — удивился Омар.

— Да, сегодня я выбрал вас в качестве главного героя. Каждый из собравшихся приходит в это кафе в надежде услышать историю о себе, но я выбрал вас.

— Почему меня?

— Потому что вы — избранник судьбы. Я говорю, раз вы спустились сюда к нам в катакомбы, вы знаете дорогу назад, и вы выведете этих почерневших от пыли людей на главную площадь Кашевара — площадь Свободы. Вы дадите им надежду. На вас дорогая шелковая рубашка, вы явно не блудный сын Адама и не простой человек. Оглянитесь: люди, что вас окружают, не имеют голоса. Их книгу судьбы пишут и читают другие, потому что они не умеют читать и писать. Но вы грамотны и проницательны, вы обязательно найдете какой-нибудь выход.

— И чтобы сбить с пути, все, кто попадаете мне в Кашеваре, говорят со мною загадками? — зло сверкнул белоснежной улыбкой в мрачных беззубых катакомбах Омар.

— Это не в моих силах — запутывать и мешать. Спасутся те, чьи имена уже записаны в Книге спасения.

— Загадка гоняется за загадкой, как кошка гоняется за своим хвостом!

— Вы забыли, что это Восток. И здесь все, абсолютно все, начиная от первых правителей и заканчивая последним попрошайкой, мечтают, по сути, об одном и том же и живут двойной жизнью и тройной моралью. Ибо есть Большой и Малый джихад, и они не всегда совпадают друг с другом.

— Двойной жизнью живут и на Западе, — признался Омар.

— Знаю, ты очень похож на моего брата, брат. Когда я смотрю сквозь тебя, я будто вижу его там, на западной стороне. Я вижу, как он бродит по улицам западного города, чтобы заработать кусок хлеба для нашей семьи. Сядь поближе, путник с Запада, я поделюсь с тобой тем, что мне удалось заработать сегодня.

С этими словами коахин налил Омару кофе из чайника и разломил на две части лепешку.

— Как ты уже знаешь, у меня есть младший брат. С юных лет я рассказывал ему различные истории. Я так привык к этому занятию, что продолжаю рассказывать их для людей. Больше я ничего не умею. Но это немало, потому что я единственный в этом городе, кто рассказывает правдивые истории о людях.

8.

— В наше время слишком много книг. Каждый может написать одну книгу — книгу своей жизни. Даже обезьяна, если ее запереть в комнате у пишущей машинки, напишет книгу своих странствий и мытарств.

Но ты должен выбрать не эту книгу. А ту книгу, которая войдет в твое сердце как послание, как кинжал или флешка, адресованные именно тебе.

Я не приукрашаю действительность. И всем здесь собравшимся я говорю, как и почему они сгинут. Я утверждаю, что они лишь черви, нитки, и только вместе они смогут вгрызться в эту землю.

Потому что почти все на этом празднике обречения лишены крайней плоти — языка. Они импотенты, они бессловесные твари. За них некому заступиться, кроме меня, а я слишком много говорю и слишком мало делаю. Мой язык — как пустое помело. Куда повело, туда и вывело.

— А можете вы помочь и мне?

— Спрашивай.

— На днях, — приблизился Омар, — мне в руки попали две книги. В обеих книгах речь идет о драгоценных камнях. Мне нужно выбрать одну историю, но я не знаю, какую.

— Какая из них, выбирать тебе. Но помни, одна из этих книг написана Всевышним, другая — обезьяной. Есть те, кто рассказывает истории для бедняков. Есть те, кто рассказывает истории для богачей, чтобы самому приблизиться к ним, а есть те, кто рассказывает истории для себя, — словно прочитав его мысли, продолжил сказитель. — Когда мы рассказываем историю для других, мы живем не своей жизнью. А значит, где-то есть наш двойник, проживающий нашу жизнь иначе.

— А ты встретил своего двойника?

— Я выбрал путь сострадания и сопереживания обездоленным Кашевара. Я рассказываю им пошлые развлекательные истории. Но я знаю, где-то, под не менее мрачными и низкими сводами, сейчас мой двойник рассказывает не менее пошлые развлекательные истории богачам и правителям теневого мира.

— В такой же темнице без окон и дверей?

— Возможно. Но ты должен пойти другим путем и найти выход.

— Как?

— Эти бедняки не умеют мечтать. У них нет воображения, поэтому у них нет будущего. Они не способны видеть дальше своего носа и оторваться от земли. Ты должен сделать за них это и попытаться вписать их имена в небесную Книгу спасенных.

9.

Выходил из лабиринта катакомб Большого базара Омар вместе с коахином. На плече у коахина прилеплась маргышка Чи-Чи. Он поддерживал ее за лапу так нежно, словно это была его любовница.

По пути коахин рассказывал Омару про своего шейха Буль-Буля Вали. Как следовало из его рассказа, мутабориты — это такой почти утерянный суфийский тарикат, который возродился благодаря миссии Буль-Буля Вали. Недаром в народе его прозвали Балык-малик (царь рыб) или Кош-мулла (птичий пастырь).

Суть же учения мутаборитов в том, что в теле каждого из нас, как говорил Буль-Буль Вали, живет несколько зверей, точнее, целый зверинец страстей, которые стоят на пути человека в рай. Наш гнев — это кашалот, наша похоть — это змея, наша зависть — крыса, и так далее, и так далее.

Свинья, павлин, обезьяна, лев, вол, орел — все они охраняют вход в рай. В мир счастья и гармонии с самим собой, в сад Всевышнего и бесплотных светлых ангелов. Это наш нафс принимает звериное обличье. И потому с нафсом надо бороться. Цель борьбы — безграничная любовь ко всему миру.

Сам Буль-Буль Вали был сначала мюридом братства, а затем сам стал и муршидом мутаборитов, ордена всех тварей господних, восходящих своими корнями к благословенным Ною и Сулейману. Этот орден распространился вплоть до Магриба, Сицилии и Пиренейского Омейядства и явился Западу предвестником францисканского ордена.

Существует легенда, что Ной общался с птицами и кормил их с рук зернами. За это одна ворона принесла ему топаз величиной с воронье яйцо. Сулейману постоянно помогали муравьи...

— И птицы, — вставил свои пять копеек Омар, вспомнив о Библии.

— Что касается птиц, то когда они поют, они восхваляют Всевышнего, — смочил глотком чая горло Хабиб-бей, приготавливаясь к длинному рассказу, — а орден мутаборитов берет свое начало от пророков Нуха, Сулеймана и Хизра, которым служили птицы и прочие божьи твари. В дальнейшем тайное знание-учение передавалось от муршида к мюриду, пока по цепочке не дожило до наших дней. Одна из ветвей этого братства укрепилась в Андалусии и, возможно, через Пиренеи проникла в Европу, трансформировавшись в учение Франциска Ассизского и частично в движение трубадуров, которые воспевали культ Прекрасной Дамы. Впрочем, и суфийские поэты воспевали любовь к женщине, подразумевая под ней любовь к Всевышнему.

Другая же его ветвь затерялась в горах Средней Азии на Тянь-Шане и Памире, — продолжал служба, отхлебнув еще горячего ароматного чая. — В советское время эта ветвь еле теплилась в устах учителя Буль-Буля Вали шейха Хасана. Но благодаря миссии Буль-Буля Вали учение вновь набрало силу и стало необычайно популярно, особенно на юге Кашевара.

10.

— Странники теории эволюции утверждают, что человек произошел от обезьяны. А Кош-мулла, которому открылся язык птиц и зверей, наоборот, считал, что обезьяна произошла от человека. От деградировавшего человека. Так, «маргышка» происходит от арабского «мар'та:иш» — «безрассудный человек». Арабское «насна:с» — «обезьяна» — происходит от уничижительного повтора слова «на:с» — «люди».

«Орангутанг» — по-индонезийски означает «лесной человек», что можно понимать как «одичавший». В арабском языке существует даже специальный глагол «масаха» — «превратить кого-либо в образину», откуда выражение, отмеченное в словарях, «масахаху аллах кирд:ан» — «превратил его Аллах в обезьяну». Достаточно взять Коран и в суре «Баккара» в аяте 65 прочитать: «Ведь вам известны те, Которые нарушили субботу, Мы им сказали “обратитесь в обезьян”».

Оглядишься, посмотри внимательно, кругом деградация, — продолжал коахин, — людей выкинули из школ и институтов, отняли заводы и клубы, их день и ночь пичкают пошлыми развлекательными программами, ибо дьявол поклялся, что увещанием добьется того, что человек отвернется от Создателя своего и повернется лицом к зверю — то есть к нему. Он говорил: появятся такие люди, которые будут утверждать, что человека

не создал Бог, а он произошел от обезьяны путем эволюционного развития. И что в основе эволюции — борьба за существование и мутация. Мол, жизнь — борьба, и побеждает в ней сила и естественный отбор. Что ход истории не остановить и прогресс спишет все. Такая позиция привела к мутации сознания и возникновению таких страшных явлений, как фашизм. По этим учениям цель оправдывает средство, и целые нации и расовые группы были объявлены недоллюдьми. Еще со времен колониализма восточные страны воспринимались европейцами дикими, а местное поведение ассоциировалось со звериным.

Так сатана добился своего и обнажил звериный оскал человека, то есть сделал из человека обезьяну — как пародию на прекрасный образ Господа и высокое предназначение человека.

11.

— По Дарвину, основной движущей силой является эволюция. Сильнейший оттесняет или сжирает слабого. На этом основаны все иерархии в обществе. На эту теорию опираются и фашизм, и капитализм. По Буль-Булю Вали, театральность — главная движущая сила эволюции. А основной механизм имитации — инстинкт.

Есть иерархия культур. Мы всегда подражаем тому, что навязывается нам выше. А выше всех стоит Создатель. Он даровал нам божественную искру искусства и общения. Смысл театральности — великая жизненная сила.

Эволюция определяется не борьбой за выживание, а попыткой имитации.

Искусство зарождается в театральном поведении у животных и растений. Театр как таковой состоит для человека в том, чтобы «быть собою».

Страсть к выразительности и «подражание» свойственно всему живому. Сущность театра знакома большинству животных, которые используют ролевые и мимикрические маски.

Животные и растения часто надевают на себя театральные маски, причем излюбленной формой игры за выживание является маска смерти.

Расстались они с шейхом мутаборитов у ворот парка, ведущего к святыне Кашевара — усыпальнице Буль-Буля Вали.

— Дай я обниму тебя, брат, — сказал Абат. Теперь коахин называл Омара не иначе как «брат». — И помни главное: следи за своим коахином, следи за своей судьбой, внимательно следи. Не оставляй пятен кофе на блестящей поверхности блюда. Вслед за пророком помни: наши сердца — драгоценные хрупкие камни. «Если раб божий совершил грех, то в его сердце возникает пятнышко. А коли он удалит [его] — испросит прощения и покается, то оно [сердце] обретет блеск. Если же опять [согрешит], то добавится [пятнышек], пока не покроется сердце». И здесь речь идет об образе камня, который покрывается скверной. Так Кааба тоже когда-то была прозрачно белой, а потом от прикосновения грязных сердец осквернилась.

Продолжение следует.

Вечный поиск

Каждая эпоха может открывать и пропагандировать свои тайны психологии любви. В античности существовал культ любви наслаждения, эротики, красоты обнаженного тела. И вместе с тем утонченности гетер, знавших тайны Востока, жриц храма Астарты.

Средневековье открыло нам усладу платонического чувства поклонения, одной встречи, мельком брошенного взгляда. Любить — и не владеть, восторгаться без поцелуя, обожать без прикосновения, томиться без надежды на встречу.

Новое время, увидевшее в женщине не рабыню для наслаждений, не Прекрасную Даму для поклонения, а гражданку, заговорило о ее уме и интеллектуальном могуществе. Впрочем, еще во времена античности Аспазия была ученойшей и одареннейшей подругой своего великого мужа Перикла.

И наконец, открытием наших дней является секс как обнаженный и технический прием: не овладение выбранной красотой, как это умели древние, не пламень в сущности духовной любви Данте и Петрарки и ныне напрасно смущающей женщин, которые жаждут поклонения себе поэтов, чтобы быть воспетой в стихах.

У Данте и Петрарки — конечно, не любовь, а беспредельная, необъятное ее желание. Обычно мужчина, не удовлетворенный встречаемыми им женщинами, переходит от одной к другой — в вечных и неутоляемых поисках. Данте и Петрарка заранее вочеловечили в образах своих возлюбленных все недостижимое на земле совершенство и тем самым лишили себя необходимости этих вечных мужских поисков: я знал Ее, и она умерла. Искать нечего. Будет ли в жизни у тебя пять женщин или двадцать пять? Какое это имеет значение. Никто не узнает о них — ведь все помнят только воспетых. Не возлю-

бленных, но выбранных для возлюбленности и воспевания. А ведь Данте воспевал Беатриче, но был женат на Джемме Донати, которая родила ему детей, делила с ним горький хлеб изгнания и заботилась о его каждодневной похлебке. О ней не знает никто, кроме самых въедливых биографов.

Томиться и вечно сожалеть о навсегда исчезнувшем, «миг один блеснувшем в синеве небес», — не одна ли из могучих способностей нашего Духа? Или это просто литературная форма?

Итак, секс

В XIX веке все еще существовал многовековой образ целомудренной девы, но рожденной для любви женщины, поджидающей своего возлюбленного: когда же он отыщет ее в сонме других? Ее образ — это тишина, скромность, покорность, и каждая ждала своего Предназначенного, готовила себя для встречи с ним — чтобы узнал ее и не прошел мимо. Предназначенная встреча Женственной Покорности и Страстного Искателя предрешена — только б не разминуться! Браки совершаются на небесах или по воле родителей.

Иное сейчас. Уже никто не верит в блуждающие половинки души, которые бродят, мечтая воссоединиться, как писал Платон.

Путь к сердцу мужчины XXI века лежит не через красоту или добродетель, не через желудок, как гласит испанская поговорка, он пролегает через постель. Постелью начинаются все романы. Постелью разрушаются браки. Постелью сокрушают ныне самую, казалось бы, крепкую и нежную любовь.

«И взошла она в него» — как можно написать теперь в современной Библии. Ибо тут встает вопрос вопросов нашей жизни.

Женская активность

Женская активность — образ и символ нашего времени. «Надоели мужественные женщины!» — слышится со всех сторон хор мужчин, этим женщинам подчиняющихся.

Сексуальная женская активность зиждется на принципе все той же пресловутой идеи всеобщей «передележки» добра, которая уже наделала столько зла: пожила — дай пожить другому. Или — не грех ограбить ту, что уже попользовалась богатством, побыла замужем — и хватит. Уступи место другой. Идеологические корни женской активности лежат, несомненно, в идее эмансипации: равенство с мужским полом предопределило и заимствованную от него силу и расторопность.

Сначала как бы занять на время, потом присвоить, потом сделать наследственным — таков обычный путь перераспределения.

Поэтому современная женщина, числящая понятие греха пережитком бабушек, как предрассудок страха перед черной кошкой или просыпанной солью, никогда не знает угрызений совести, уводя слабого мужчину от жены и детей.

«Я хочу тебя любить!» — этот призыв быстро потерявших вековые привычки женщин устремлен к каждому мужчине, готовому его услышать. И полигамную мужскую природу сдерживают только соображения необходимости работать, продвигаться по службе, завоевывая себе место в карьерной иерархии. Не есть ли это возмездие эмансипации?

Об откровенности с мужьями

Никогда не следует рассказывать им, как вас оскорбляли в этот день. Возможно, он придет от любовницы, и ваш рассказ может успокоить его тревожную совесть: а может быть, жена и вправду плохая?

Известен рассказ о дезертире, который прятался в погребе своего дома шестнадцать лет, пока зять не выдал. Семейная тайна соблюдалась женой и маленькими дочками, пока они не вышли замуж. Пятилетние и семнадцатилетние хранили молчание. Вышли замуж — все до одной рассказали мужьям.

О женской слепоте

Мать, научный работник, всю жизнь проработала в министерствах чиновницей. Она не увидела, как ее сорокалетняя незамужняя дочь давно забеременела. На восьмом месяце, за обедом, дочь сказала: «Мама, я собираюсь родить». Мать удивленно подняла брови: «Да? Но ведь для этого прежде выходят замуж»...

Женский уровень

Проблема женского уровня остается загадочной, так как никто не знает, что это такое. Можно быть доктором наук, академиком, но стоять на самой низшей ступени *женского образования*: не уметь общаться с мужчинами, не понимать своего мужа, не знать «обхождения», как говорили в старину, ни с мужем, ни с детьми, ни с родственниками, не уметь вести хозяйство, заботиться о детях, не уметь одеваться, словом, «Служебный роман». Трудно определить, что это такое: женская мудрость, осмысленная опытность, культура чувств, то, что называют теперь эмоциональным интеллектом, в отличие от умственного. Наконец, духи, халат и настольная лампа.

Женский уровень связан с общей культурой, но далеко не покрывается ею. Часто простая женщина заткнет за пояс любого «академика в чепце» как человек самой утонченной женской состоятельности, мудрости и гармоничности.

Женское обаяние...

...Очарование, привлекательность. Высоту женского уровня часто решает не столько успех у мужчин, сколько возможность сохранять себя как самостоятельно чувствующую личность, быть привлекательной. Знание женских тайн, среди которых есть высокие и самые примитивные, входит непременно условием в образование тех женщин, которые хотят стать знатоками женских наук. Иная красавица не пользуется никаким успехом, к ней никто не приближается, она не может не только внушить чувство, но и быть просто товарищем. Обаяние, очарование — нечто невыразимое, часто не определяемое ни словами, ни портретами. «Хороша, но нет изюминки» — как запаха в цветке. Обаять — баять, навевать. Чары — реальная сила, посылаемая физически, часто магия, почти колдовство, от которых так зависимы мужчины. У Даля: «Красота приглядится, а ум вперед пригодится». И еще: «Такая красавица, что в окно глянет, конь прынет; на двор выйдет, три дня собаки лают» — это уже о чарах. У него же: «Красоткой звали на бумажной фабрике тряпку, в которую попадала красная бумажная ветошь». Или о чарах: «Волшебство, волхвованье, колдовство, знахарство, чернокнижие, кудесничество, заговоры. Чародейка — творить чары, кудесить, колдовать, наводить обаяние, отводить глаза, творить кудеса, чудеса при помощи нечистой силы».

Можно верить или не верить в нечистую силу, демонов, бесов, в чары и прочие волшебства. Но физики уже признали существование в мире *темной материи*, которая обладает невероятной мо-

щью. Она дает огромную гравитацию, из-за которой расширяется Вселенная. Уже доказано, что *темная материя* так сильно сдавила цепь из четырнадцати галактик, что вещество их стало взрываться. На месте этих взрывов появляются *звезды*. Не действует ли закон *темной материи* на Земле, среди женщин? Да и мужчин тоже.

Видимо, скоро изобретут прибор, которым, как артериальное давление, станут измерять, из какой материи состоит человек — *темной* или *светлой*? А пока доверимся интуиции — самому мощному женскому оружию.

О женской дружбе

В советское время в магазинах был неширокий выбор шляп, но зато существовало огромное количество шляпных ателье, где можно было заказать себе шляпку на любой вкус, да и стоило это недорого. Как-то собралась моя сестра заказать себе к новому весеннему пальто новую шляпу. Поспеть за дочкой в детский сад она уже не могла и попросила озабочиться этим мужа. Тот неожиданно и серьезно ее спросил: «А с кем ты пойдешь заказывать шляпу?» Сестра фыркнула смешливо и ответила, что еще не знает. И тут ее занятый руководством огромного ракетного предприятия муж строго сказал: «Я тебя прошу — возьми только Светлану, никаких подруг». Сестра рассмеялась, на что тот ответил: «Светлана тебе посоветует действительно то, что тебе идет, а то будешь потом страдать, что не то заказала». Нам это показалось забавным, и по дороге в ателье сестра только головой качала: «Оказывается, я плохо знаю своего мужа. Думала, что у него только работа в голове, свои ракеты, что он и внимания не обратит, куда и зачем я иду, а уж с кем — и подавно. Подумаешь, шляпка!»

Продолжая посмеиваться, мы вошли в ателье. Там уже крутилось около десяти женских пар: конечно же, все пришли с подругами, нам пришлось подождать, и мы с интересом смотрели на заказчиц, меряющих шляпки, и советчиц-подруг, которые осматривали эти шляпки и выносили свой вердикт — «Нет, эта не идет, а вот эта — великолепна!..»

Зрелище оказалось захватывающим — почти все советчицы-подруги, за редким исключением, неверно указывали, идет ли шляпка или не идет. Если шла — они говорили, что шляпка никуда не годится, приветствуя заведомо дурной выбор. И наоборот.

Сестра повернулась ко мне со словами: «Ну и ну! Какой же муж мой умный! Как он догадался, что это проблема!»

Впрочем, это было, видимо, немудрено. В огромном коллективе, которым он руководил, было нема-

ло женщин, и он на многое насмотрелся, хотя шляпки у них не делали. С тех пор мы с сестрой прозвали этот феномен «шляпным»: почему-то подругам не хочется, чтобы у тебя была шляпка, которая была бы к лицу, лучше — пусть она тебя не украсит.

Золушка

О «синдроме Золушки» написаны горы книг и статей. Он считается типичным женским синдромом. Каждая видит себя Золушкой, мечтая о лучшей жизни, принце и золоченой карете.

Никому не хочется перебирать в грязном платье горох, мыть кухонные котлы, возиться с похлебками, с золой печки и дровами. Каждой хочется попасть на королевский бал, нарядившись в красивое платье и хрустальные башмачки. Но что же делать, если Фея не торопится ни с нарядом, ни с каретой, да и о королевском бале не слышно? Остается тщательно перебирать горох, топить печь, выгребать золу, до блеска начищать кухонную посуду и умело убирать двор. И ждать, и мечтать, и главное — стараться быть хорошей, чтобы оказаться достойной принца.

Выросло целое поколение послевоенных девочек, которые в 1947-50-е годы бегали по десять раз смотреть кинофильм «Золушка» с Яниной Жеймо в главной роли, Раневской — в роли злой мачехи, Гариным — в роли Короля. А уж в принца — А. Консовского — были влюблены все поголовно.

Поразительный фильм по сказке Е. Шварца. Удивительным было и его появление в послевоенной разоренной стране, среди нищеты и полуголодной жизни. И вдруг — мечта — Золушка, Принц, Король, бал, хрустальные башмачки, карета, корона! Это было сродни возвращению рождественской елки. Как догадался Сталин, что детям после войны нужна такая ослепительная сказка? И не просто нужна, а необходима. Она учила добру, безоглядному и бескорыстному, наставляла трудиться не покладая рук, обещая неожиданную, но заслуженную награду.

В фильме Зло располагалось не во дворце, не среди приближенных короля, а среди подданных. Добрый, но слабодушный лесник, отец Золушки, был в полном рабском подчинении у своей злой жены и ее дочерей, которые унижали, морили холодом и голодом добрую и безответную Золушку. А она боялась перечить мачехе и ее дочкам, чтобы они не выгнали отца из его собственного дома. Вспомним русскую сказку «Теремок», сказку про Зайца и Лису... Сколько же раз русских выгоняли из своих домов, пользуясь их гостеприимством, чтобы они сочиняли такие сказки!

Но Зло побеждено! У лесника наконец хватило сил привезти во дворец свою родную дочь Золушку с

одной хрустальной туфелькой, оставшейся у нее после того, как она бежала к карете. Ведь и принц, и король, и все придворные влюбились в эту чудесную, простую, скромную девушку. Спесивые, гордые, наглые дочери Мачехи побеждены — их всех с позором выгоняют из дворца, а Золушка венчается с принцем.

Кто догадался, что измученным войной детям нужна вера в *справедливость*? Пусть они грязные, чумазы, пасут скот, убирают зерно, перебирают крупу, чистят свои и чужие дворы. Но у них такие чистые руки, такие добрые души, такие любящие сердца — как у Золушки. Каждая достойна встретить принца во дворце и надеть на голову корону.

Удивительно! У большинства детей не было Евангелия, не было книг Лидии Чарской, учивших доброте и беспощадно уничтоженных, но были стихи Пушкина, Некрасова, басни Крылова, русские народные сказки, притчи Льва Толстого, рассказы о детях Чехова, Короленко, Мамина-Сибиряка. И все знали твердо, что следует поступать хорошо. Ведь даже Маяковский объяснял в стихах:

Крошка сын к отцу пришел,
и спросила кроха:
— Что такое хорошо и что такое плохо?

Сейчас об этом не спрашивает никто и никто на это не отвечает. Все лишь призывают заработать миллион и ответить на вопрос, как заработал свои первые деньги. Хорошо — это значит быть добрыми, любить родителей, своих братишек и сестреноч, хорошо учиться и всем помогать. И тогда явится прекрасная добрая Фея и пришлет карету, которая из тыквы и мышей может превратиться в золоченый экипаж с великолепными конями.

Но что должна делать Золушка? Трудиться изо всех сил, так, чтобы руки ее были золотыми. Ведь когда королевские скороходы оказались во дворе дома лесника, чтобы примерить хрустальную туфельку, злые сестры велели Золушке надеть маленькую туфельку на огромную ногу одной из них. И Золушке это удалось — ведь у нее были золотые руки. Злодейки оказались во дворце. Но король воскликнул: «Это не она!» В ответ мачеха закричала: «Король не должен отказываться от своего слова, ведь он сказал: «Та, что наденет туфельку, станет невестой принца»». Туфелька надета, а король и все придворные видят, что это обман. Поучительная притча. И вот уже король бессилён *возразить*, но тут дочка падает в танце, с ее ноги слетает туфелька, а надеть ее никто не может. Опять притча.

Появляется отец-лесник с замарашкой Золушкой, предъявляет вторую хрустальную туфельку, Фея немедленно одевает Золушку в сказочный

наряд, справедливость торжествует. Счастливый конец.

Золушка умеет трудиться, а еще она может исполнять законы времени, поставленные ей Феей: покинуть бал в его разгаре, потому что ей подошло время вернуться.

Труд и время, доброта, любовь и скромность. Поразительно, как была понята потребность молодого поколения всей страны, всех ее подростков, и они получили чудо-кинофильм — «Золушку» с победой справедливости, доброты над злобой и Злом.

Все подражали Золушке и мечтали о Принце и доброй Фее, которая придет и нарядит в сказочное платье и хрустальные башмачки. Ничего, что сегодня ты замарашка, у тебя нет ни туфель, ни платья. Трудись, будь доброй и умелой — и завтра ты получишь все.

Однако сегодня «феномен Золушки» исчез, растворился в растиражированных видах дворцов миллиардеров и эстрадных звезд.

Женская одежда

Мечта о красивой одежде остается с женщиной навсегда. Спросите всех женщин об их самом большом желании — и многие воскликнут: «Мечтаю о красивой и стильной одежде». Чтобы женщина чувствовала себя уверенной и привлекательной, красивая одежда необходима. Быть современно одетой — значит в наше время иметь большие деньги, чтобы приобретать престижные вещи, «последний писк моды», чтобы на улице оборачивались, чтобы продавщицы в магазинах переглядывались — у них этого еще нет. Некоторые тешат себя надеждой, что они одеты современно: это вольные фантазии, уже после того, как моду взяли в свои руки торговцы. И, наконец, хорошо одетая женщина — достаточно высокомерна для того, чтобы гоняться за любой тряпкой, и она не наденет того, что может сравнить ее с базарным барахлом. Однако сейчас почти никто не имеет *стиля*. *Стиль* — это мировоззрение, которого тоже ни у кого нет. Это понятие о себе, о мире и о своем месте в нем. Перефразируя известное изречение «стиль — это человек», можно сказать, что стиль — это не человек, но понятие человека о самом себе.

Быть как все и быть особенной — между этими полюсами зачастую протекают все искания женщин — в одежде и любви. Женщин мятежных и пластичных.

Царевна и Холопка

Можно сколько угодно определять женские типы. Ну, например, так: Царевна, Посадница, Работница,

Холопка-рабыня, Гетера, Жрица — таковы извечные женские типы, которые годами и веками только утверждают в своей глубокой стабильности, вечном существовании. Если женщина скажет вам: «У себя дома я не терплю...» или «Я только говорю своим — я, что ли, должна стирать белье?! — и мои домашние мужчины мгновенно кидаются исполнять» — это Царевна.

Посадница — обо всем и думает, и хлопочет, и осуществляет: и об урожае, и об ученье детей, и о парадном костюме мужа, и о зимней одежде для всех, и о солке капусты, и о варке варенья, и даже о последних событиях на городском вече. Это Василиса Премудрая и Василиса Прекрасная русских сказок.

Работница делает только то, что ей приказали. Сегодня или уже давно, но навсегда. У нее нет своих интересов, она выполняет заданную ей родителями, мужем или начальником программу.

Жрицы теперь уходят в науку или становятся писательницами, но о них разговор особый.

Холопка-рабыня может быть и академиком, и государственным деятелем, и эстрадной звездой.

Говорить о Гетерах в наше время бессмысленно. О них знают все, их показывают по телевизору как главных героинь наших дней.

Идея равенства бессмысленна и губительна для женской жизни. Равенства нет, ибо женщина рождает детей, а мужчина сделать этого не может. Ученые говорят, что в эпоху матриархата — господства женщин — мужчины не знали о своем участии в деторождении, поэтому подчинялись женщинам. Такова польза знания, которую женщины в то время обернули для себя. Женщины, учитесь, постигайте...

Праздник 8 Марта

Как известно, женский праздник 8 Марта как День международной женской солидарности трудящихся женщин предложила проводить в 1910 году на конференции в Копенгагене деятель международного социалистического движения Клара Цеткин. Как ни странно, этот праздник прижился во многих странах, и у нас в России тоже. Клару Цеткин руга-

ют все — даже ленивые, но никто не может отменить этот уже столетний обычай. В день 8 марта мужчины дарят своим женам, возлюбленным, матерям и сестрам цветы, конфеты и духи.

В Древнем Риме 1 марта праздновался Новый год (как и у нас на Руси — до XIV века) и одновременно отмечался праздник богини Юноны, входившей в триаду главных богов. Праздник длился неделю. Считалось, что Юнона была у каждой женщины своя. И олицетворяла ее способность к деторождению, как и Гений у каждого мужчины. Первого марта в Риме в святилище богини домашнего очага Весты с особыми церемониями зажигался *новый* огонь. В каждом римском доме вход в него был посвящен богине Весте и назывался *вестибул* (вестибюль).

У древних славян новый огонь зажигался в день Ивана Купалы, когда все прыгали через костры, чтобы очиститься и получить новые силы. Круглый храм богини Весты с ее жрицами, девственницами-весталками, стоял около царского дворца и был одной из главных святынь Рима.

Юнона была богиней женщин, брака и материнства. Супруга Юпитера, она покровительствовала родам («родовспомогательница») — ее звали Луцина («светлая»), Календария — богиня начала каждого месяца, Румина — кормилица, Куритис — воинственная, на колеснице, с копьем и щитом; Монета — советница (в храме ее чеканились деньги — отсюда пошло название «монета»).

Культ Юноны осуществлялся *матронами* — замужними женщинами Рима, и в первую неделю марта был праздник матрон — Матроналии. На Капитолийском холме стоял храм, посвященный Юпитеру, Юноне и Минерве.

Но почему Клара Цеткин предложила отмечать женский праздник именно 8 марта? Возможно, в старых гимназиях хорошо учили античной мифологии, все помнили о празднике Матроналий в первую неделю марта. Устанавливая новый праздник, полезно бывает поставить его не на «пустыре». Подземные корни не отмирают.

Дмитрий БОБЫШЕВ

Продолжение.
Начало в № 7–12 за 2009 г.,
№ 1–12 за 2010 г., № 1, 2 за 2011 г.

УВИЖУ САМ

ЧЕЛОВЕКОТЕКСТ, КНИГА 3

Жизнь Урбанская (продолжение)

Дрессировка помогала, но ненадолго, тем более что глава отделения перепоручил все кафедральные дела заместителю, профессору Рашио Дунатову.

Он был далматинец из Югославии, преподавал сербский (извините, сербохорватский!) и уверял, что подростком участвовал в антифашистском движении вместе с братом, в результате чего они оказались в Италии, а затем и в США, где он получил образование. В его антифашизме сильно сомневалась здешняя сербская община, даже обвиняла его через газету в совершенно противоположном, но голословно: мол, «все хорваты и далматинцы примыкали к фашизму». Все... А где доказательства?

Едва мы с Ольгой обосновались в Урбане, мы пригласили Фридберга на обед, чтоб порасспросить об университете, о славянском отделении, о коллегах.

— Все сейчас в разъездах, — сказал он. — Кто где. Бристольша в Нью-Йорке, Темпест в Англии, Пахмуся, наверное, во Франции, я сам только что из Израйля, а Дунатов — аж на Аляске.

— Что ж он там делает?

— Рыбу ловит. Как ее — *salmon*... Семга?

— У профессора — дорогостоящее хобби... — заметил я насколько смог дипломатично.

— Какое там хобби! Он зарабатывает там за лето больше, чем здесь за год.

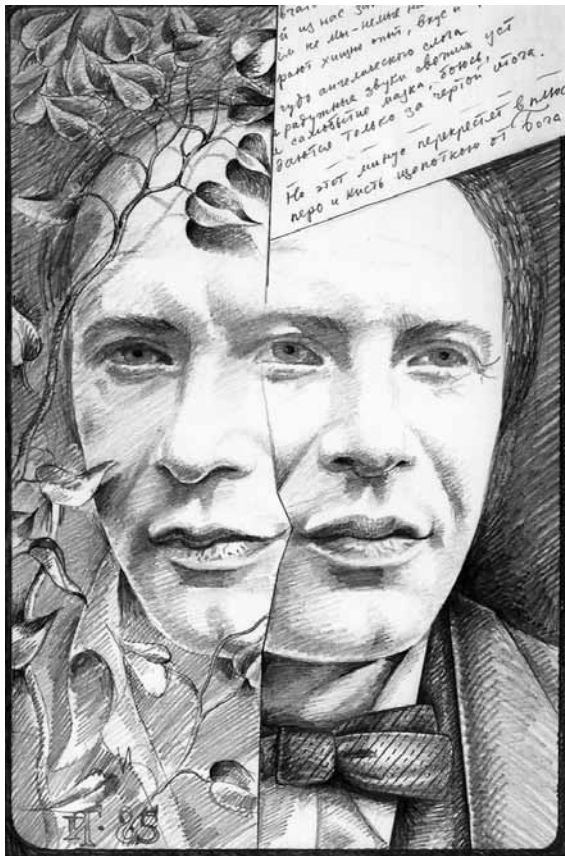
Вскоре и Дунатов побывал у нас в гостях. Ольгино югославское происхождение обещало сделать его своим знакомым. Я приготовил на гриле чевабчичи, мы выпили ужасной (на мой вкус — просто сивушной) ракии, и Дунатов разоткровенничался:

— Главное — подобрать команду из трех-четырех хороших, верных людей. Дальше ты арендуешь бот со снаряжением и нанимаешь индейца на случай, если встретится патруль береговой охраны... К индейцу, конечно, прилагается ящик виски. Это его плата. Когда он выпьет одну бутылку, даешь ему другую. Зато можно ловить лосося неограниченно... Продаем там же, в море. Ну и себе привозим в заморозке... Приглашу вас попробовать!

С Ольгой он говорил по-сербски и на ты, со мной — по-русски и на вы.

Нижним чутьем Рашио воспринимал меня как соперника и всю старался доминировать, притеснять или же — передо мной похвалиться. Хотя университет изобиловал хорошенькими личиками и фигурками, заводить там шашни считалось в высшей степени непрофессиональным занятием. И — весьма опасным для карьеры преподавателя! На одном моем курсе были такие красотки — гречанка Алека, доминиканка Мануэла, французенка Бриджит, русская Вера, — что голова порой шла кругом, и я с усилием отводил от них глаза на занятиях. Но пятерки они получали у меня, надеюсь, только за учебу.

Рашио с такими не церемонился, и девицы порой раздражались слезами у закрытой двери его кабинета, как раз рядом с моим, куда он же меня определил. Каморка оказалась без окон, что мне вполне понравилось, потому что давало восхитительное чувство укромной тишины и защищенности, а также чем-то напоминало мой давний «кубометр» при кухне на Таврической улице. Поздней этот же кабинет

Портрет работы Игоря Тюльпанова (и отчасти — автопортрет Дмитрия Бобышева), 1985 год

воспела Людмила Сараскина, «перестроечная» специалистка по Достоевскому, временно там поселившаяся в мое отсутствие. В забавной заметке, сначала напечатанной в какой-то газете, а потом и в «Знамени» (№ 5, 1992), она описала свои впечатления о пригласившем ее университете, то есть «о том, где Бобышев». Приведу оттуда отрывок.

Тут вам не там

...Каждое утро, примерно к десяти часам, я приезжала в университет и поднималась на третий этаж к себе — то есть в крошечный, без окна, кабинетик, чей хозяин, поэт-эмигрант Дмитрий Бобышев, в это время пребывал за границей, в России, и читал студентам Петербургского университета курс русской эмигрантской литературы. (Забегая вперед, хочу упомянуть и о впечатлении поэта, хлебнувшего российской действительности. Мы встретились в Калифорнии, в Сан-Франциско, где проходил съезд американских славистов. Бобышев, только что вернувшийся из Петербурга, рассказывал коллегам: «Ну что тут говорить: вонь, грязь, холод, запустение, неразбериха, хаос. Но студенты! Боже, как они слушают! Какие глаза — какая жажда в них, какой жар. Ради этого стоит там

бывать...») Кабинетик, или офис по-тамошнему, был очень уютный, удобный, и там можно было укрыться от постороннего взгляда, побыть одной.

Из ее наблюдений, сделанных довольно острым взглядом, могло создаться впечатление, что волны кукурузного моря буквально подступают к стенам нашего затерянного в степях университета. Что ж — похоже, но не совсем, и я объясню, на чем основано такое впечатление. В принципе, кампус окружают озелененные улицы, «греческие» братства и сестричества, уютные кафешки, книжные магазины, но в центре, действительно, находятся так называемые *Morrow Plots*, участки Мемориального кукурузного поля, на котором, как и сто лет назад, проводятся агрономические испытания. Это поле — исток плодородия всего края, образчик правильного использования земли. Наглядный почет заслуженному акру земли представляет соседнее здание библиотеки, специально построенное не вверх, а на три этажа вниз, под землю, чтоб не затенять экспериментальную кукурузу и сою.

Что же касается моего одностороннего «соперника», то он продолжал петушиться на нашем общем птичьем дворе. Придумали они с Фридбергом забаву для студентов, преподавателей и, главным образом, для самих себя — «Час юмора», то есть рассказывали на пару двусмысленные анекдоты. Девушки (да и парни) смущались, я недоумевал. Однако Морис выдержал меру и за определенную границу не перешел, а Расио не удержался и под конец ляпнул. Получилось нечто вроде наймановского «Анекдота про карлика», только с вульгарным концом.

То ли девичьи слезы, то ли иные браконьерские проделки заставили его жену Марию, красивую певунью и игруню, внезапно бросить его. Пишу это не по слухам, а со слов самого Расио, который на балканский манер вынес случившееся на люди, бродя по коридорам и жалуясь коллегам:

— Ушла, даже записки не оставила!

Мария бросила не только Дунатова, но и университет, где преподавала украинский на полставки, как я — русский, и стала зарабатывать аккордеоном и пением, играя на свадьбах. А ее бывший муж скоро утешился и расплавился еще пуще, даже и с вызовом. Был у нас сербский батюшка, еще молодой, служил в греческой церкви Трех иерархов, а у него, соответственно, была симпатичная матушка, которая подвизалась там регентом.

И вдруг каким-то духом стучит эта матушка в дверь моей клетушки:

— Расио здесь?

— Нет, его кабинет — рядом.

— Я уже туда стучала! Что ж он — пригласил на ланч, а самого нет... Ах, вот и он!

И они упорхнули вдвоем. «Надо же, — подумал я. — Для далматинца-хорвата, для католика — умыкнуть православную матушку — это ж особая доблесть... Трофей! И как он сумел так ловко подстроить, чтоб я, единственный тут православный, это заметил?»

К концу учебного года он объявил, что мой контракт кончился, а нового может и не быть.

— Почему?

— Бюджетные затруднения...

— Так что ж — я могу считать себя безработным?

Он только пожал плечами. Как я узнал от других, никакой опасности для меня это не представляло. Просто — лето, начальство в разъездах. К осени все образуется. Но раз я официально предупрежден, пойду-ка я зарегистрируюсь как безработный, получу тот самый новый опыт, о котором мечтал в Милуоках, познаю иную, «страшную» Америку, пока Ольга в экспедиции.

Надо сказать, что быть безработным — это сама по себе нелегкая, надоедая работа: ожидание в очередях (впрочем, хорошо организованных), заполнение трудных для понимания анкет, составление и рассылка писем — якобы в поисках нового места, еженедельные очереди с отчетами, прежде чем твое дело будет рассмотрено и ты получишь вождеденное пособие в виде чека с отпечатанной на нем Леди Либерти! А затем — все то же до следующего вознаграждения...

Единственное, чего я опасался, это предложения о работе откуда-нибудь со стороны. Но его не последовало.

К моему радостному изумлению, я стал получать от государства вдвое больше, чем в университете, поскольку там учли мой предыдущий инженерский стаж, и о дунатовских психологических подножках думал я с иронией тайного победителя. И в самом деле, вернулось начальство, сделало ему втык за то, что отправил сотрудника на безработицу, а мне восстановили контракт, плавно переведший меня из временного в постоянный статус; я регулярно с тех пор получал прибавки и в результате обрел научное звание.

Но сделал он еще один выпад (неверный для него самого), чтобы сразить меня окончательно. Придется мне опять сослаться на рассказ Сараскиной о моем возвращении из России. Я действительно уезжал туда на полгода, а когда вернулся, у меня не было уже ни семьи, ни дома (об этом — еще впереди), и, как выяснилось по прибытии, я лишился работы. Пока я отсутствовал, Дунатов пристроил на мое место свою очередную пассию, а меня «забыл».

Когда я появился на кафедре, наша секретарша Бонни, полуседающая велосипедистка и сновидица, общилась с недоумением:

— Профессор Бобышев, мне надо сдавать платежную ведомость, а вас в ней нет... Профессор Дунатов сказал мне послать в бухгалтерию все как есть.

— Где Фридберг?! — сообразил я опасность ситуации.

— У него саббатикал.

Так здесь называется творческий отпуск. Мориса, стало быть, нет в городе.

— Но я же с ним договорился, что уезжаю на семестр без оплаты, а затем возвращаюсь и возобновляю свои курсы. Это было тоже как саббатикал!

— Пойдите к Дунатову. Я не знаю, что делать...

Я пошел и попросту накричал на Дунатова. Как это ни странно, мой отпор и сам разгоряченный тон хорошо сработали, Рasio подал назад:

— Это ошибка...

— Ничего себе ошибочка!

И вправду, это оказалось его последним карьерным промахом: на него наложились все туманные, если не темные обстоятельства, которые за закрытыми дверями разбирал собранный к случаю комитет по этике. Так что девицы, видимо, плакали не без оснований. Для публики, однако, было отфильтровано следующее нарушение: один из принадлежащих ему домов, так называемый Русский дом, Рasio сдавал внаем студентам своего же славянского отделения. Это было посчитано «конфликтом интересов», и профессор Дунатов вынужден был уйти на раннюю пенсию.

Осеняемый кленом и ясенем

Дом, которого я так неосмотрительно лишился в предыдущей главе, забежав слишком в будущее, в этой главе еще и не приобретен — более того, даже не выставлен на торги. Знак *House on sale* я обнаружил в марте на одной из моих обычных трасс на работу и обратно в двух кварталах от начала кампуса, но все еще в пределах «профессорского гетто». Два больших дерева, спереди и сзади, осеняли одноэтажный, по виду скромный домик-ранчо с автомобильным навесом и широким окном, глядящим из т-образного перекрестка на ряды куда более шикарных двух- и трехэтажных семейных домов уходящей вдаль улицы.

Был час открытых дверей для показа, и я вошел внутрь. Оказалось, что на переднюю лужайку выходил торец дома, а весь он протянулся вглубь чередой комнат от гостиной и трех спален с переходом вбок в столовую, объединенную с кухней. Там имелся, конечно, весь набор американских удобств и машинерии. Оттуда был выход в подсобку и на задний двор с патио, просторной лужайкой и живой изгородью. Этого уже казалось достаточно для хороше-

го, удобного житья. Но широкий проем в столовой вел с перепадом по уровню в еще одну, и немалую, гостиную с ковром и камином. Такое неожиданное дополнение удивляло и радовало взгляд, оно казалось подаренным сверх всего. Видимо, прежний владелец переделал помещение из гаража, оставив машине лишь навес, а жилое пространство — себе.

Но цена... Цена была для нас запредельна.

Почему же другие вновь нанятые преподаватели, находящиеся в таком же шатком положении, как мы, уже обзавелись домами? Умная Ольга кое-что мне растолковала, а остальное я понял сам: рынок недвижимости переживает бум, цены все время растут. Банки охотно дают ссуду (моргидж) — конечно, под солидный залог и, разумеется, под выгодный для них процент. На залог мы как-нибудь наскребем (только-только!), а процент будем выплачивать ежемесячно из наших зарплат, как за квартиру, хоть и подороже. Но зато — не безвозвратно в карман чужого дяди-лендлорда, а своему банку в счет погашения долга. Таким образом, дом будет становиться все более и более — наш! Ну а если даже постоянное место в университете не подтвердится и придется переезжать, то что ж — продадим. За четыре-то года цена вырастет, долг уменьшится и — никто не останется внакладе, кроме разве что будущего покупателя...

Оставалось одно — дом этот должен понравиться Ольге. Сначала она выслушала мои красочные описания с недоверием. Но я договорился с агентом по недвижимости и привез ее туда «только взглянуть». Навес вызвал у нее легкий скепсис. Но все же — лучше, чем открытая стоянка у нас в Эльсиноре... Чердак комнат с довольно стандартной планировкой навели некоторую скуку. Впрочем, столовая показалась ей очень даже приемлемой, кухня понравилась вполне, вторая уборная и домашняя прачечная — еще больше, а взгляд в то «подарочное» дополнительное пространство, как я и ожидал, решил ее мнение в пользу моего выбора. Кроме того — как тут небезосновательно рассуждают мудрецы, — при покупке дома оказались важны три *L: location, location, location*, или, переведя эту глубокую мысль на русский, три М: местонахождение, местонахождение и еще раз местонахождение.

Потом мне было странно, что все финансовые соображения о покупке дома пролетели в головах у наших молодых коллег гораздо раньше — неужели мы уже начали отставать от них? Возможно, по быстроте — да, но не по обстоятельности: все-таки хватило ума потратиться на технического инспектора, который тут же обнаружил в труху изъеденную термитами переборку, и мы попытались сбить цену. Владелец уперся рогом и так и не уступил. К тому же, как выяснилось при нашем переезде, он на прощание скрутил головку душа в ванной...

Мы так его и не видели, и я спросил у посредника, что это за человек и почему он решил продать дом? Оказалось — военнослужащий, только что разведшийся с женой, новоиспеченной адвокатшей, которая получила место во Флориде и переехала туда. Сам же он служил на военно-воздушной базе в соседнем городке и тоже перебрался поближе к работе.

Стало быть, в доме этом разрушалась семья, происходили ожесточенные объяснения. Стены были погрызены не только термитами, но и взаимными попреками и обвинениями супругов... Впрочем, я не верил в ауру места, и тем более не могла верить в такую глупость Ольга, антрополог по профессии. И только позднее я обнаружил несколько зловещих примет или символов, оставленных прежним хозяином. В стриженных кустах перед домом, как раз под фронтонным окном, так приглянувшимся мне с самого начала, лежал нож. Да, нож, вполне пригодный для убийства. А за домом в запущенных кустах живой изгороди, ограничивающей лужайку, я заметил на столбе веревку, конец которой был завязан в петлю-удавку.

Иначе говоря, жилье это было очевидным образом проклято его владельцем. А ведь собственный дом — это главная составляющая американской мечты... Что же тогда говорить о мировых скитальцах-иммигрантах, включая в их число и меня, страстно жаждущих где-то, наконец, обосноваться, зацепиться за свое место? Доколе дышло свое упирать на ночлегах в созвездья Медведиц? И я начал символическую оборону своего дома.

В углу двора стоял пустой сарайчик из рифленого проржавевшего железа, в нем находился лишь цветочный горшок с остатками свежей земли. Видимо, растение было выброшено в последний момент перед отъездом хозяина, а горшок некуда было деть, весь мусор уже был вывезен. Тогда и растение должно было остаться где-то здесь...

Его я обнаружил засунутым между изгородью и задней стенкой сарайчика. Оно было зверски выдрано с корнями и имело жалкий вид. Оказалось, что это — довольно задрипанная араукария, потерявшая большинство своих ветвей и едва ли еще живая. Но я пустился бедняжку воскрешать, как если бы от нее действительно зависело мое семейное благополучие.

И что ж? Через какое-то время после пересадки и подкормки она выбросила одну хвоистую веточку, за ней другую...

В пышную красавицу араукария так и не превратилась, голый ствол внизу выдавал ее тяжелое прошлое, но пушистая свежая хвоя наверху весело намекала своему спасителю: мол, не дрейфь, не кручинься и не сдавайся, парень, мы еще поживем!

Продолжение следует.

Виктор КАЛЕНИЧЕНКО

О себе. Родился в 1972 году в г. Алексеевка Белгородской области. После обучения в Воронежской лесотехнической академии отслужил в армии и вновь вернулся в Алексеевку, где живу в настоящее время. Работаю инженером-технологом на крупном предприятии пищевой промышленности. Стихи пишу с 2003 года. Печатался в детском журнале «Кукумбер», детском выпуске журнала «Окна», сборнике «Смехотерапия». В основном размещаю стихи в сети Интернет, где становился лауреатом некоторых литературных фестивалей и конкурсов («Арт-миниатюра-2004», «Город поэтов», «СТК Артефакт»).

С уважением, Виктор Калениченко

По-весеннему...

Кучами снег на промокших обочинах
Куксится, ждет неминуемой участи...
Солнце стреляет лучами отточено
По неприглядной весенней текучести.
Ветер резвится и, тинькая льдинками
(Дзень — и сосульки ныряют в проталинки),
Шепчет как будто: «На улицу выйди-ка!
Вместе побулькаем... Что ты как маленький?»
Люди, глотнувшие утренней свежести,
Смыли капелью печать неврастеников
И под лучами гуляют да нежатся...
В общем, по-доброму всё...
По-весеннему!

Рассветные стихи

Обсуждают березы курьезы:
Мол, луна и рассвет — чем не пара?
Пропадают последние звезды,
Как пиявки в сачке Дуремара.
Неба купол измазан сметаной,
В стороне от востока — серее.
Грубый ветер еще не горланит,
Пробегая по холмам деревьев.
Скоро день, порожденный июлем,
Протирать станет тучами небо,
Предложив мне от грусти пилюлю
Да микстуру дождя как плацебо...

Сороконожка

По натопанной дорожке
Неуклюже семеня,
Грустно шла сороконожка
И наткнулась на меня.

Мне подумалось невольно:
Знать, горька ее судьба...
От нележкой, видно, доли
Эта грустная ходьба.

По ночам ее, быть может,
Раздражает наглый муж:
Ножки рядышком разложит
(Не помытые к тому ж),

До утра ведет беседы,
Поглощая пироги,
А потом встает к обеду
Да еще не с той ноги...

Стало жаль сороконожку,
Я поднял ее с межи,
Предложил ей хлебных крошек
И водички предложил.

А затем отнес на грядку,
Чтоб найти ее не смог
Невоспитанный и гадкий
Злобный муж-сороконог.

Жирафики

Каждую полночь, как будто по графику,
Двери игриво открывают — и вот они:
В детскую спальню вбегают жирафики —
Шустрые, надо признаться, животные.

С полок комода сметаются шарфики,
И беспорядочно вещи ерошатся,
Даже носки разбрасают жирафики,
Не нашалив, не уйдут по-хорошему!

Если из зала к жирафикам ринуться
Или в окошко протиснуться с улицы —
Чем-то высоким жирафы прикинутся
Или под длинное замаскируются.

И, затаившись, посмотрят с иронией:
Мол, насорили детишки курносые,
Это — не мы, мы вообще посторонние,
К нам беспорядок никак не относится...

Белгородская область

Яна ПОТАРЕВА

Мне 35 лет. Живу в Москве. Замужем, двое детей, работаю.

Ночью, когда дома становится тихо, в голову откуда-то, как музыка, приходят рифмы. Раньше я их не записывала. А когда стала писать, то получилась небольшая тетрадка стихов. Они разные: одни отражают события и настроение минувшего дня, есть парочка детских, другие просто «спелись» на какой-то знакомый мотив, а некоторые не стали больше четырех строчек. Самые удачные, на мой взгляд, приходят уже готовыми, их остается только «уловить» и записать. Точно знаю, что какая-то мистика в процессе стихотворчества обязательно присутствует, это удивляет и завораживает.

Моя «ночная жизнь» с карандашом и листком бумаги мне очень нравится. Каждый стих — это подарок и маленькое чудо. Пять минут назад еще ничего не было — и вдруг на бумаге появился маленький сгусток твоих мыслей и энергии. Те стихи, которые пришли ко мне сами, захотелось отпустить дальше, может быть, они понравятся кому-то еще и станут частью не только моей жизни.

* * *

Я падаю листом,
Как вальс кружась.
И этим наслаждаться не умею.
Ах, я не ягода: не спею и не зрею,
Не быть мне сорванной,
Сама оторвалась.

Не быть мне проданной на ярмарке с лотка,
Не быть мне купленной по весу и объему.
Я ничего, по сути, и не стою.
Меня танцует этот странный вальс,
Что провожает кружащийся лист —
С небес к земле, к его родному дому.

* * *

Все о грустном в осенние дни.
Я уже давно не блистаю.
Фотографий бывлые листки.
Ах, на них я была какая...

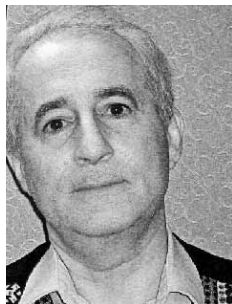
Что-то выпито жизнью с лица,
Что-то съедено лишнего мною.
Два конца, два кольца, два лица —
Не похоже одно на другое.

Но не жду от себя ничего,
Не горька моя светлая грусть.
Все, что было тогда мне дано,
Я сегодня ценить научусь.

г. Москва

Эльхан ИСМАИЛОВ

Эльхан Исмаилов родился в Азербайджане. Окончил Сасовское летное училище гражданской авиации, летал в малой авиации. Выпускник Азербайджанского педагогического института иностранных языков. Работал переводчиком с английского языка в Германии, Турции, британской нефтяной компании «Бритиш Петролеум». В 1996 году переехал в Калининград. Доктор педагогических наук, профессор Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. В 2010 году в Швеции издан на русском языке сборник рассказов и повестей «Далекое и близкое».

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

РАССКАЗ

Октай проснулся не сразу. Ему снился дом, их маленький дворик с виноградной лозой... Этот куст рос вместе с жителями дома. Менялись поколения — уходили из жизни старики, рождались и выросли дети, а он благодаря заботливому уходу соседей все тянулся и тянулся вверх. За пару десятков лет лоза добралась до пятого этажа, опутав полдома упругими и раскидистыми ветвями, сделала небольшую передышку на крыше, а затем устремилась в обратный путь, щедро одаривая людей своими плодами, защищая их жилища от летних пыльных муссонов и палящего солнца. Каждую весну ей подрезали сухие ветки, белили основание, привязывали к оконным рамам и балконным перилам разросшиеся за зиму молодые побеги. Что удивительно, несмотря на свой преклонный возраст, она давала неплохой урожай. Правда, виноград был мелкий и кисловатый, но дворовая детвора поедала его еще зеленым, не дав окончательно созреть. Виноградный куст в экстренных случаях служил находящимся под домашним арестом мальчишкам средством побега на улицу и незаметного (если повезет) возвращения обратно в дом...

Крепко цепляясь за его мощный шершавый ствол, Октай караб-

кался вверх к своему балкону, где стояла мама и задумчиво смотрела на бурлящее и пенящееся море. Свирепый ветер силился сорвать мальчика с лозы и швырнуть в накатывающиеся и с грохотом разбивающиеся о мол громадные волны. Выбываясь из последних сил и задыхаясь от страха и усталости, он звал мать, но она почему-то не откликалась. Разве он мог совладать с бушующей стихией?! Силы оставили мальчика, он разжал пальцы и полетел вниз... Мощный порыв ветра, не дав ему разбиться о прибрежные скалы, подхватил его, как пушинку, и унес к плывущим по небу облакам... Октай, раздвинув руки и как птица взмахивая ими, полетел в сторону Наргина¹. Внизу остался дом с мамой и виноградной лозой...

От резкого толчка в плечо мальчик проснулся. Продрав глаза, Октай увидел перед собой взволнованное лицо пионервожатой Фариды Садыховны: он опять проспал утреннюю побудку, и из-за него их отряд снова опоздает на линейку.

Стоя за рослыми мальчишками на плацу, он с тоской наблюдал, как крепкие грудастые пионервожатые в обтягивающих белых майках,

синих парусиновых штанах и с красным галстуком на шее смешно, неуклюже, как пингвины, переваливаясь с ноги на ногу и на ходу придерживая слетающую с головы белую пилотку с красной кисточкой, неслись к начальнику лагеря. Тот, стоя на трибуне в окружении воспитателей, как полководец среди младших командиров, каждый раз по-военному поднося правую руку к своей огромной широкополой белой панаме, принимал у них доклады. Затем по его приказу двое ребят из второго отряда — долговязый тощий Федька и круглая, как мяч, Солмазка — под дробь барабана неумело, вырывая друг у друга веревки, поднимали на флагштоке знамя лагеря.

Больше это его не волновало, как в первые дни. От палящего солнца слипались глаза и подташнивало. Почему-то вспомнил свой необычный сон: ему еще никогда не приходилось летать во сне. Как наяву ощутил мощные холодные потоки ветра под распростертыми в стороны руками... Стоящие рядом такие же низкорослые и хлипкие, как он, Вадька и Фаик обменивались марками. А очкарик Фатя пересказывала шепотом подружкам сцену свидания Констанции Бонасье и Д'Артаньяна. Девчонки хихикали и хитро перегля-

¹ Остров в Бакинской бухте.

дывались. Вот удовольствие — слушать чьи-то пересказы с глупыми комментариями! Неожиданно Октай вспомнил, что сегодня родительский день и в этот раз к нему точно придет мама: на прошлой неделе все выходные проторчал у проходной, но мама так и не появилась. А он так ее ждал... От этих мыслей в душе зашевелилась забытая обида, настроение испортилось. Господи, прошло всего две недели, а он так скучает по дому! Мальчик твердо решил про себя, что обязательно попросит маму забрать его отсюда.

Не дождавшись конца смены и не выдержав лагерной муштры, уехала домой раньше срока Валька. После ее отъезда стало вообще тоскливо.

Это был его первый в жизни отъезд из дома без родителей. Правда, прошлым летом он отдыхал тоже без них, но это была родная деревня, его окружали милые и добрые люди, готовые исполнить любое его желание. Не то что здесь: утром ни свет ни заря подъем; километровый кросс, идиотская зарядка всем лагерем на плацу, после которой не то чтобы чувствуешь себя бодро, а наоборот, хочется лечь и уснуть и до конца дня не просыпаться; эти линейки с долгими занудными речами начальника; завтрак в огромном бараке, именуемом столовой: от стоящего гвалта и грохота алюминиевой посуды раскалывается голова и пропадает аппетит; затем чтение до обеда каких-то скучных книг о детстве и юности Ленина или игра в тупую «Зарницу». А походы на пляж — это вообще умора: вожатые выстраиваются в цепь и, стоя по колено в воде и держась за руки, создают живой щит, за который им — первому отряду — запрещается заплывать! А эти бестолковые сборы вокруг костра с пением под аккордеон каких-то песен про то, как «уходили добровольцы на гражданскую войну». Старшие ребята в задних рядах тискают девчонок, а самые отчаянные даже умудряются целоваться под шумок. Малышня травит

анекдоты или режется в самодельные карты...

Лагерный духовой оркестр грянул бравый марш, и детей погнали в столовую на завтрак.

* * *

Пионерлагерь «Гюнашли» находился в Мардакянах. Электричка прибыла в поселок с опозданием. На подходе к станции Саадат с досадой заметила, что рейсовый автобус, на котором можно было добраться до лагеря, тархтя мотором и выстреливая из трубы черным выхлопом, отъехал от остановки. Прибывшие вместе с ней дачники предупредили, что следующий автобус будет только вечером. Лучше не терять времени и добираться туда пешком. Идти-то всего пару километров вдоль моря, мимо маяка, а там до лагеря рукой подать.

Взвалив на плечо тяжелый зембель¹ с фруктами, повязав голову платком, скинув босоножки и взяв их в руки, она направилась в сторону огромных, причудливой формы валунов, за которыми угадывалось море. Доносились резкий крик чаек, шум прибоа и смешанный запах водорослей и рыбы. Сухой горячий ветер гнал по побережью колючие ветки саксаула и оставленный дачниками бумажный мусор. Поднятый ветром песок больно бил в лицо, скрипел на зубах. Солнце жарило вовсю, ноги вязли по колено в глубоком жгуцем прибрежном песке. Пришлось срочно надеть обувь, чтобы уберечь ступни от ожога.

Доковыляв кое-как до одинокого инжирного дерева, она сбросила с плеча корзину и, обесиленная, опустилась на корявый, стелившийся по земле ствол. Огромные плотные пятипалые листья дерева надежно защищали от солнца и суховея. Стерев платком прилипший к лицу песок, она осмотрелась. Прямо перед ней, буквально на расстоянии нескольких

сотен метров, сливаясь с небом на горизонте, синело бескрайнее море. Высокие крутые волны с ревом набегали на берег и откатывались обратно, оставляя на песке пузырчатые хлопья пены. Неподалеку на пляже женщина с девочкой копались в песке. А рядом, отчаянно лая и гоняя чаек, носилась рыжая собака.

Было бы здорово вот так, всей семьей, снять где-нибудь здесь, в этом прибрежном поселке, комнату и провести хотя бы часть отпуска. Они с мужем и планировали сначала снять дачу на месяц, но когда узнали цены, пришлось отказаться от этой затеи. Саадат сильно переживала. Надо было что-то предпринять: сынишка был слабый, болезненный, часто пропускал уроки. Врачи рекомендовали вывезти его к морю.

Спасибо, старшие коллеги посоветовали обратиться в школьный профсоюзный комитет. Путевку эту для сынишки она все-таки выкланчила, но взамен пришлось помочь председателю профкома с документацией, вести протоколы заседаний, собирать членские взносы. Путевок было всего две: одну для племянницы Вальки — одноклассницы Октая — взял завхоз, а вторую решили дать ей. Но директор поставил условие: чтобы она один месяц своего отпуска отработала в летнем пришкольном лагере и подготовила имеющих переэкзаменовку учеников к повторной сдаче осенью. Выбора не было, пришлось согласиться. Почти полгода тянула эту профсоюзную ляжку. Да еще вот летний лагерь и в придачу работа с этими оболтусами в разгар лета. Но путевка стоила этих жертв: целый месяц в престижном пионерлагере Апшерона, на полном государственном обеспечении и под наблюдением врачей, почти что задаром — надо было лишь доплатить 10% от стоимости.

Держала все в секрете, чтобы объявить Октаю эту новость как подарок ко дню его рождения. И как было горько видеть в глазах сына какой-то непонятный испуг: он на-

¹ Плетенная из соломы корзина (*азерб.*).

отрез отказался от лагеря, заявив, что ему и дома хорошо!

Она, конечно, его понимала: ребенок он был домашний, отставал в физическом развитии от сверстников. Во двор почти не выходил. Целыми днями сидел дома: или читал и рисовал, или собирал из конструктора модели самолетов. В еде был привередлив: ей стоило немалых усилий заставить его съесть суп или что-нибудь мясное. Больше всего любил фрукты и сладости. Но самое главное — был сильно привязан к ней и мучительно переносил любую разлуку. С болью вспоминала, как провожала его: все дети как дети — носились по скверику, громко смеялись, радовались отъезду, а он, как привязанный, не отходил от нее ни на шаг и буквально до отправления школьного автобуса умолял не посылать его в лагерь.

Если бы не Валька и молоденькая пионервожатая, то точно расплакался бы. Таким она его еще не видела. Начальник лагеря — высокий седовласый мужчина с военной выправкой — выступил с напутственной речью. Нанятый по случаю заводской духовой оркестр нестройно и вяло выдал марш «Прощание славянки». Увешанные яркими транспарантами и цветными шарами и забитые от отказа детьми и вожатыми, автобусы в сопровождении машин ГАИ стали медленно вырывать с площади. В память Саадат врезалось прильнувшее к окну растерянное лицо сына, ищущего взглядом среди взволнованных и лихорадочно машущих взрослыми собственную мать...

Отгнав тягостные воспоминания, она подняла корзину и стала спускаться с холма вниз к пляжу. Омываемый волнами песчаный берег был тверд и влажен, по нему было приятно идти. С моря дул прохладный бриз, и здесь, у воды, солнце не так сильно пекло.

С берега хорошо была видна белеющая в дымке покосившаяся на бок башня маяка: с раскаленной земли поднимались в воздух испаре-

ния, и сквозь эти невидимые волны предметы на расстоянии выглядели искаженными, как в кривом зеркале. Через полчаса впереди замаячили высокий белокаменный забор и выкрашенные в голубой цвет ворота лагеря.

* * *

В лагере по случаю родительского дня отменили «мертвый час». И Октай с самого утра несколько раз наведывался к проходной, чтобы встретить мать. Подолгу задерживался у деревянной калитки, всматриваясь сквозь щели между досками в уходящую за горизонт грунтовую автомобильную дорогу. Некоторые родители приезжали на собственных или служебных машинах с шофером. Другие добирались до лагеря на такси. Но большинство прибывало на рейсовых автобусах, которые каждые полчаса лихо подруливали к воротам: с шумом раздвигались двери, и наружу высыпали по-летнему легко и нарядно одетые женщины в темных очках и с бамбуковыми китайскими зонтиками, мужчины в белых шляпах и с тяжелыми сумками и авоськами в руках. Оживленно переговариваясь, они спешили на территорию лагеря.

В сторожке у охранника Искандерами¹ на стене, рядом с вырезанным из журнала цветным портретом Лолиты Торрес, висело самодельное расписание автобуса. Каждый раз, завидя у ворот мальчика, он водружал на огромный орлиный нос очки, молча покусывая кончики седых усищ, всматривался в этот выдраный из тетрадки в клетку и исписанный крупным корявым почерком листочек и, сочувственно улыбаясь, сообщал ему о времени прибытия очередного автобуса.

После обеда интервал между рейсами заметно удлинился. Еще оставалось два автобуса: двухчасовой и вечерний. Вся надежда была

¹ Дядя (*азерб.*), в том числе уважительное обращение к старшим по возрасту мужчинам.

на первый, на вечернем мама точно не приедет. Но когда прибыл двухчасовой, на который так надеялся мальчик, и среди пассажиров он не увидел маму, Октай расстроился вконец и, еле сдерживая слезы, побрел в сторону столовой: лагерный горнист вот уже третий раз трубил сбор на обед.

Наблюдавший за ним Искандер окликнул мальчика, позвал к себе, без лишних расспросов завел в сторожку, усадил на единственную табуретку, сам примостился рядом на кушетке. Угостил чаем с конфетой «Кара-Кум». Затем достал из тумбочки огромный альбом и стал показывать ему приклеенные вместо фотографий газетные и журнальные вырезки с портретами советских и зарубежных кинозвезд. Сам он был из местных, жил бобылем. Полжизни проработал в этом лагере: сначала разнорабочим, потом садовником и наконец — охранником. Кинематограф был смыслом его жизни. Не пропускал ни одного киносеанса в сельском клубе. Его любимыми картинами были «Бродяга» с Раджем Капуром и «Жених для Лауры» с Лолитой Торрес.

Искандер увлеченно, во всех подробностях и безбожно привирая, рассказывал сюжет «Серенады Солнечной долины», когда Октай заметил, как через калитку во двор вошла вся раскрасневшаяся от жары, взмыленная женщина в косынке и с огромным зембилем в руке. Из-за этого платка он ее не сразу узнал, но сердцем почувствовал, что это — мать и, соскочив со стула, сломя голову бросился к ней.

* * *

Нежно поглаживая колючую, бритую наголо голову сына, выпирающие из-под майки лопатки, мать с тревогой заметила, что Октай сильно исхудал за эти две недели. Кормят их здесь плохо, что ли? А она так надеялась, что он в лагере поправится, окрепнет, наберет вес.

Вышел из сторожки Искандер и помог ей донести зембель с фруктами до главного корпуса. Мальчик, стесняясь охранника, сдерживал при нем свои чувства, молча шел рядом с матерью, не отпуская ее руки.

Огромная ленинская комната, с чего начиналось знакомство родителей с лагерем и где они потчевали своих чад, была сейчас совершенно пуста. На стене, напротив окна, в порядке их значимости для истории висели портреты Маркса, Энгельса и Ленина. Сквозь открытые настежь окна усилившийся ветер залетал в комнату, поднимал до потолка тонкие кисейные занавески; острые лучи солнца играли на суровых ликах вождей мирового пролетариата; по выкрашенному в серую краску полу прыгали солнечные зайчики. На длинном, покрытом зеленым сукном столе лежала высокая коробка с недоеденным тортом, который густо облепили мухи, на полу валялись обертки от продуктов, фантики и фольга из-под шоколада.

Саадат нерешительно присела на краешек стула, сняла с головы платок, обтерла им лицо и шею и, пытаясь разговорить молчавшего сынишку, стала вынимать из корзины и раскладывать на столе привезенные фрукты. Вид у него был, конечно, неважный. Заболел, что ли? Взгляд какой-то затравленный, видно, что он чем-то взволнован.

Вдруг вспомнила, что фрукты немые. Спросила сынишку, где у них вода. Направилась было к висевшему на крыльце умывальнику, но мальчик ее остановил. Крепко прижавшись к ней и спрятав лицо на груди, не сдерживаясь, разрыдался.

Вся накопившаяся за эти дни обида на мать и отца, за то, что насильно отправили его сюда, бросили одного, не удосужившись за полмесяца приехать к нему, тоска по родному дому, по младшей сестренке рвались наружу. Как пролившийся в летний зной дождь орошает

землю, так слезы успокоили истрадавшую душу ребенка. Потрясенная поведением сына, Саадат тем не менее сдержалась, подавила в себе острое желание немедленно выяснить причины, броситься защищать его, наказать обидчиков. Как могла, стала утешать его: нежно глядя по голове, тихо, напевно произносила ласковые слова и терпеливо ждала, когда он выплечется и сам обо всем расскажет. Так оно и вышло. Когда мальчик немного успокоился, она вытерла носовым платком его заплаканное лицо, усадила рядом.

Октай, всхлипывая и теребя материн пояс от платья, возмущенно и с обидой в голосе упрекнул ее в том, что заставила его поехать в этот проклятый лагерь. Зачем он вообще был нужен? Еду здешнюю он не ест. С детьми не может сойтись: все мальчишки помешаны на футболе и девчонках. Днем заставляют спать: здесь это называется страшными словами «мертвый час». Не привыкший к дневному отдыху, ночью долго не может уснуть. Все книги, которые имеются в библиотеке, он раньше читал. Даже в туалет не может сходить нормально: все пялятся на тебя, а от хлорки першит в горле и слезятся глаза.

Вдруг осекся и, уставившись на нее своими вновь наполнившимися слезами глазами, выпалил, что здесь он больше не останется! Ведь Вальку-то родители пожалели, увезли домой. Почему она не может сделать то же самое?! Он даже вещи уже собрал. Как она не понимает, что ему плохо здесь? Саадат сама еле сдерживала слезы, глядя на плачущего сына. Она разрывалась между желанием немедленно уехать вместе с ним и осознанием невозможности сделать это. Как ему объяснить, что не может она сейчас его забрать?! Кто будет им заниматься? Она целыми днями на работе, отец — в командировке. Даже младшую сестренку отдали в круглосуточный садик. Не говоря о тех жертвах, которые были сделаны для получения этой путевки! «Что, все

это было напрасно?» — спрашивала себя Саадат.

Тяжело вздохнув и поглаживая руку сына, стала терпеливо объяснять, что он уже большой мальчик и должен научиться приспособляться к жизни, к окружающим его людям. Надо самому справляться с трудностями, нельзя, столкнувшись с ними, все бросать и бежать к родителям. Ведь они не всегда будут рядом. Так он никогда не станет настоящим мужчиной. И взрослым не все нравится в этом мире, но они же терпят, и он должен попытаться перетерпеть это время, скоро он привыкнет и к детям, и к лагерю и даже не захочет уезжать отсюда в конце смены. (Зная сына, она сама верила в это с трудом.)

Было ясно, что слова ее до мальчика не доходили, натываясь на болезненные переживания последних дней, от которых он всеми силами пытался избавиться. Ему не терпелось немедленно уехать отсюда вместе с матерью, чтобы положить конец мучениям. А отдаленная перспектива когда-нибудь стать настоящим мужчиной его сейчас мало волновала.

Поняв, что его не переубедить, Саадат сдалась. К чертям все доводы, видно, что мальчик серьезно страдает. Надо его забирать, решила она. Как-нибудь все утрясется: в крайнем случае можно будет пристроить сына в свой пришкольный лагерь. А ему сказала, чтобы сбегал за чемоданом и предупредил пионервожатую, что уезжает.

Октай, не дослушав мать, радостно выбежал из комнаты и понесся что есть силы в сторону своей палаты, чуть не сбив с ног шедшего ему навстречу начальника лагеря Анвера Оруджевича. Мальчик очень спешил: нужно было бежать в другой конец лагеря, найти вожатую, чтобы открыла каптерку, где хранились личные вещи детей, найти свой чемодан, покидать туда приготовленную одежду и вернуть-

ся обратно к матери. Все это надо сделать очень быстро, чтобы успеть на последний автобус, увозящий приподнявшихся посетителей лагеря на станцию. В конце концов, даже если и опоздают — не велика беда, местные пацаны говорили, что до станции можно добраться и пешком минут за сорок. «Так что сегодня в любом случае я буду ночевать дома», — не веря своему счастью, думал Октай и неся со всех ног к своей палате...

* * *

Начальник лагеря — отставной полковник, по слухам, служивший во время войны во фронтовой разведке, — не имея никакого опыта работы с детьми, без лишних сомнений и твердой рукой насаждал во вверенном ему учреждении армейские порядки. По сути, он превратил пионерлагерь в хорошо отлаженную военизированную организацию со своей властной иерархией, строгим распорядком дня, суровыми наказаниями за провинность. Руководство осуществлял по принципу единоначалия. Обо всем, что происходило в лагере, тут же по цепочке ему докладывалось: звеньевые (по армейской аналогии — сержанты) из числа активных пионеров доносили вожатым отрядов (то есть ротным), а те в свою очередь — непосредственно начальнику (никак не меньше комполка).

Ко всему, что выходило за пределы его представлений о логике событий и поведении его подчиненных, он относился с подозрением. Тут же передумав идти в столовую на снятие пробы, направился в ленинскую комнату (откуда минуту назад, как угорелый, вылетел Октай), чтобы проверить, что на этот раз выкинул этот тихоня.

За длинным столом в глубокой задумчивости сидела молодая женщина и безотрывно смотрела в открытое настежь окно. У ее нолялся зембил, из которого выкатились и лежали вперемешку рядом на полу несколько желто-розовых

персиков и с десяток черных отборных слив.

Скрип открывшейся двери вывел женщину из задумчивости, она, увидев входящего Анвера Оруджевича и узнав его, встала и первая поздоровалась. Острым взглядом он заметил заплаканные глаза Саадат, но не стал расспрашивать о причине расстройства. Присев на корточки, подобрал с пола фрукты, вернул их в корзину и прислонил ее к стене.

Затем сел рядом и вопросительно посмотрел на женщину. Саадат, смущаясь под его пристальным и тяжелым взглядом, представилась и сообщила ему, что собирается забрать сына домой. Утаивая истинные причины, чтобы не обидеть этого пожилого человека правдой, сообщила, что самочувствие сына ухудшилось и надо срочно показать его врачам. Молча выслушав ее, Анвер Оруджевич спокойно, но твердо посоветовал не делать этого: во-первых, в лагере есть квалифицированные врачи и, по имеющейся у него информации, с мальчиком все в порядке, в противном случае он об этом узнал первым; во-вторых, Октай только-только стал привыкать к коллективу, распорядку дня, дисциплине, и неожиданный отъезд прервет наметившуюся положительную динамику в процессе его социализации.

Вот так, ни много ни мало — «положительная динамика в процессе социализации»! Какие слова, какая интонация! Видимо, не зря засиживался допоздна за книгами по педагогике. Человек он был не глупый и понимал, чтобы руководить таким сложным гражданским коллективом, одних командных методов не достаточно. Поэтому, как мог, восполнял имеющиеся пробелы в образовании. Каждый вечер после отбоя, когда шумные и беспокойные обитатели лагеря укладывались спать, он садился за огромный директорский стол в своем просторном кабинете и пролистывал приготовленную библиотечаршей подборку

специальной литературы. Как правило, процесс самообразования был скоротечен: не прочитав и пару страниц, он прямо за столом, над книгой, и засыпал. Невзирая на столь поверхностное знакомство с основами педагогики, некоторые базовые термины все же откладывались в его памяти, и он к месту и не к месту любил вернуть их в беседе с родителями и воспитателями. У первых эти заумные словечки вызывали восхищение и уважение, у вторых — плохо скрываемую усмешку.

На том же дыхании, забыв о педагогической этике, со свойственной ему прямолинейностью (сказывалось еще армейское прошлое) назвал мальчика избалованным, изнеженным маменькиным сыночком. Такие вот пионерские лагеря физически и психологически закаляют детей, готовят их к жизни, службе в армии. Надо, чтобы он привыкал к трудностям, а не держался за мамин подол, сурово заключил он.

Видя, что Саадат сама еще окончательно не решила, как поступить, он стал настойчиво советовать ей сейчас же уезжать домой, тем более что последний автобус вот-вот отправится. А он обещает, что сам лично поговорит с Октаем и впредь мальчик будет под его непосредственным наблюдением. Пусть она ни о чем не беспокоится.

Умом она понимала, что он прав. Ведь, в сущности, почти этими же словами, только в более мягкой форме, некоторое время назад она сама убеждала сына остаться в лагере, проявить характер. Вместе с тем она не могла взять и уехать вот так, не предупредив сына, не попрощавшись с ним.

Пристальный взгляд этого сурового человека гипнотизировал, сковывал волю. Она откровенно побаивалась его и... не осмелилась ему возразить.

Анвер Оруджевич, поняв, что он ее переубедил, посмотрел на часы, резко поднялся и чуть ли не под руку вывел ее из комнаты. Саадат, как

девочка, последовала за ним. Приближаясь к проходной, он громко позвал Искандера и приказал срочно остановить уже отъезжающий от ворот автобус.

Помогая Саадат подняться в машину, начальник обещал сегодня же поговорить с Октаем и передать ему фрукты. А ей посоветовал не беспокоиться понапрасну. Не стоит придавать слишком большого значения капризам детей, напутствовал он ее. Все будет хорошо, в свой следующий приезд она не узнает сына, самоуверенно заключил на прощание Анвер Оруджевич.

Автобус какое-то время еще стоял, и Саадат еле сдержалась, чтобы не выскочить из машины и не броситься обратно в лагерь. Доносившаяся из репродукторов задорная пионерская песня, сам вид этого высокого свежесмытого забора, громадные железные ворота, краснеющие за деревьями кирпичные корпуса создавали иллюзию благополучия и надежности и усыпили на время чувство вины.

Это острое чувство буквально раздавит ее позже, когда посреди ночи она проснется в холодном

поту и с убийственной очевидностью осознает всю непоправимость своего поступка...

Внезапно песня оборвалась. Невидимый горнист сыграл вечернюю зарю. Двери захлопнулись, и автобус, быстро набирая скорость и подпрыгивая на кочках, покатил в сторону станции. Саадат долго, пока машина не свернула за поворот, смотрела на удаляющиеся и растворяющиеся в сумерках высокий белокаменный забор и голубые ворота пионерлагеря «Гюнашли».

г. Калининград

Александр ШЕМЕТОВ

ВЫГОДНАЯ СДЕЛКА

Бригадир плотников Кузьмич ходил по территории пилорамы и ругался. Под ногами валялись отходы производства, не убранные еще со вчерашнего дня. Приходилось спотыкаться на каждом шагу.

— Василий! — кричал он долговязому плотнику. — Почему мусор не выбросил? Без головы хочешь остаться?

— Не успел.

— Зацепишься и в момент под циркулярку угодишь. Хорошо если сам. А если кто другой?

— Другим тут делать нечего.

— Сейчас немцы из «Омеги» приедут. Если им тут головы отрежет — международный скандал.

По соседству с пилорамой находилось совместное с иностранцами предприятие «Омега», специализировавшееся на выпуске строительных изделий. Полчаса назад оттуда позвонили и от имени представителя фирмы некоего господина Шульца спросили разрешения посетить сегодня пилораму. Захотелось им, видите ли, познакомиться с производством. А начальство пилорамы, как

назло, в отгулах было. Вот и пришлось бригадиру Кузьмичу, не сообразившему вовремя отказаться от встречи, принимать непрошенных гостей.

— А ну все сюда, живо! — распорядился Кузьмич. — Убирать, подметать! Хлам весь к забору!

— Поздно, Кузьмич, — ответил Василий. — Вон гости уже едут. Это их машина?

Кузьмич оглянулся. Во двор въезжал роскошный «мерседес», выглядевший на фоне двух старых «жигулей» сказочным принцем среди ободранной толпы.

— Ах ты ж боже мой! — всплеснул руками Кузьмич. — Только позвонили — и уже тут. Сказано, дисциплина!

Господин Шульц, представитель фирмы, оказался совсем не представительным. Невысокого росточка, обшипанный, на тонких ножках, он чем-то напоминал гадкого утенка с колхозной фермы. Зато переводчик выглядел молодцом. Высокий, плотный, с толстой шеей и осанистой походкой, тянул

он по внешности на настоящего домашнего гусака.

— Господин Шульц интересуется, куда вы деваете опилки? — спросил переводчик, обращаясь к бригадиру.

Кузьмич покосился на гору опилок, не вывезенных еще с прошлого месяца, и ответил, что раньше птицеферма забирала, но теперь, когда кур порезали, вывозят куда придется.

— Господин Шульц интересуется, не продадите ли вы их ему?

— Эти отходы?

— Да.

— Пусть даром забирает. Они нам ни к чему. Только в глаза летят, когда ветер.

— А сколько здесь будет кубов?

Этого Кузьмич, конечно, не знал. Никто опилки не подсчитывал. Однако показать свою некомпетентность было неловко, и бригадир, прикинув опытным взором, сколько же этого добра наберется, если все в кучу сгрести, сказал:

— Да кубов двенадцать будет.

Переводчик перевел. Потом опять повернулся к Кузьмичу:

— Господин Шульц платит сейчас наличными за двенадцать кубов. Пересчитайте деньги.

Не успел Кузьмич ответить что-либо вразумительное, как в руках у него оказалась пачка иностранных купюр, которую предлагали перепроверить. Кузьмич сначала растерялся. С одной стороны, он не знал, сколько это стоит, чтобы пересчитать, а с другой — если бы даже и знал, то неудобно было перед иностранцами показывать свою мелочность. Не наши ведь дельцы. У него мелькнула даже мысль вернуть деньги назад. Но потом внутренний голос подсказал, что выпала редкая удача, когда тебе и мусор убирают, и еще платят за него. Принимая во внимание все эти моменты, Кузьмич сунул, наконец, деньги в карман и коротко сказал:

— Хорошо. Забирайте!

Шульц не стал тянуть кота за хвост. Через полчаса пришла машина, приполз погрузчик, приехали двое рабочих с оформленными документами на покупку и перевозку опилок.

— Быстро они, — сказал Кузьмич Василию. — Не успели деньги спрятать, а их уже принесло. Немец дело знает. Дисциплина!

Машина сделала три ходки, увозя каждый раз по три куба. Когда Кузьмич прикинул, сколько осталось материала, он вдруг понял, что еще на одну машину никак не наберется. Самое большее — на половину.

— Что делать, Василий? — спросил он в раздумьях. — Деньги немец уплатил, а товара нету. Как бы скандал не вышел. Бумаги оформлены.

Куба полтора не хватает.

— Придется напилить, — сообразил Василий.

— Под какой заказ?

— Причем тут заказ? Сейчас две циркулярки включим — и айда крутить, пока полтора куба не насыплется. Вон три штабеля досок лежат.

Кузьмич покосился на штабель досок, приготовленный для заказчика, и почесал затылок. Из готовой продукции опилки сделать, конечно, нетрудно, но до сих пор как-то не практиковалось. Руки не доходили. А теперь вроде как и деваться некуда. Не возвращать же деньги.

— А на что спишем? — спросил он.

— Списывать начальство будет. А ты принимай решение! Немцы ждать не любят. У них порядок особый.

— Да, — согласился Кузьмич. — Порядки там строгие. А ну, мужики, ставь крупные диски! Подтаскивай доски!

Через минуту работа уже кипела. Две механические пилы визжали в унисон. Грузчики из «Омеги», ожидавшие машину, подошли спросить, где остальной товар, подлежащий вывозке.

— К вечеру будет, — успокоил Кузьмич. — Сидите пока курите.

— У нас перекур по расписанию.

— А у нас нехватка. Сейчас нарежем, и будут вам опилки.

Грузчиков звали Андрей и Николай. Кузьмич помнил их еще с тех времен, когда они, работая на соседнем заводе, бегали через двор пилорамы в ближайший магазин за водкой. Тогда у них перекур был

целый день. Теперь они, нахватавшись немецких привычек, жили по расписанию. Их головы теперь были затуманены пунктуальностью и расчетливостью, но в них не оставалось места для сообразительности. Процесс изготовления опилок вызвал у этих бывших работников отечественного производства такое удивление, что они тут же побежали звонить Шульцу.

— Торопятся доложить, — сказал Василий. — Выслуживаются.

Прошло минут пятнадцать. Во дворе появился переводчик. Он бежал напрямик и, стараясь заглушить своим басом скрежет циркулярок, кричал плотникам:

— Остановите пилы!

— Что ему? — не понял Василий. — Может, деньги назад потребует? Рано мы их поделили, Кузьмич.

— Остановите пилы, — чуть ли не в ухо бригадиру кричал уже приблизившийся переводчик. — Господин Шульц согласен взять вместо опилок доски.

Кузьмич одной рукой выключил свою циркулярку, другой махнул мужикам, чтоб те отключили другую. У этих немцев семь пятниц на неделе. То им опилки нужны, то бревна.

— Господин Шульц согласен взять недостающую часть опилок досками, — повторил переводчик. — Сколько не хватает опилок, столько досок и погрузим. Согласны?

— Ваше дело, — отряхиваясь, буркнул Кузьмич. — Нам все равно. Мороки даже меньше.

Сделка оказалась выгодной обеим сторонам.

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

Директор детского сада № 2 Павел Иванович Сомов сидел на кухне и пил чай. Рядом сидела жена Галина Семеновна. Напротив расположился электрик Тарасов, вызванный для ремонта кухонной розетки.

— Хочу к вам в садик своего Петьку определить, — сказал Тарасов. — Говорят, у вас новые методы. Может, память свою разовьет.

— У нас действительно современные методы, — с достоинством произнес

Павел Иванович. — Мы стараемся расширить детям кругозор. Другие по старой программе занимаются, а мы дополнительные темы затрагиваем. Сейчас, например, проходим родственные связи. Чтоб дети

знали, кто такой сват, а кто такой брат.

— Вот это мне подходит, — сказал Тарасов. — А то Петьке скоро в школу, а он до сих пор не поймет, почему у других детей по две бабушки и по два дедушки, а у него всех по четыре.

— Да? — удивился Павел Иванович. — А почему по четыре?

— Да потому, что у всех новые семьи. Говоришь ему, этот дедушка не от той бабушки, а та бабушка не от того дедушки, так хоть тресни. Глаза тарашит, а понять не может.

— Дети часто слова родителей воспринимают хуже, чем слова педагогов, — пояснил Павел Иванович. — Родители с ними сюсюкают. А воспитатель такого не позволяет. Отсюда авторитет. Взять хотя бы нашего Димку. Ему четыре года, а дома заниматься не желает. В садике все на лету схватывает, а тут как от стенки отскакивает. Мы поэтому и ведем себя с ним соответственно. Дома мы ему родители, а в садике воспитатели. Тут мама и папа, а там Галина Семеновна и Павел Иванович.

— И нравится ему такая игра?

— Еще как. Он у нас понятливый. Бывает, в группе подмигнешь ему: молодец, мол, Димка, хорошо роль играешь. А он в ответ: стараясь, не подведу. Сейчас позову его. Он в другой комнате саблей машет. В конницу Буденного вступил. Дима, иди сюда!

Из соседней комнаты прискакал на швабре кавалерист Димка.

— Ну-ка скажи, сынок, кто такой шурин?

— Это брат жены.

— А деверь?

— Это брат мужа.

— Ишь ты! — удивился Тарасов. — Я и то не знаю. Сколько живу, а не знаю. Для моего Петьки полезная наука будет. А скажи, Дима, кто такая теща?

— Это моя бабушка.

— Правильно. Это и я знаю. Конечно, лучше б не знать... А кто такие кум с кумой?

Димка глянул на отца и, получив благосклонный кивок, объяснил, что это люди, которые крестят младенцев. Мало того. Он даже привел пример. Дядя Игорь, у которого после ревизии дергается глаз, доводится кумом папе, а тетя Света, у которой никогда не закрывается рот, доводится кумой маме.

— Надо же! — не переставал восхищаться Тарасов. — Из вас вундеркиндов готовят, что ли? Неужели путаницы в головах не возникает?

— Никакой, — ответил Павел Иванович. — И это при всем при том, что нагрузки не маленькие. Вот скажи, Дима, что вы сегодня в садике проходили?

Димка, глядя на Галину Семеновну, с готовностью доложил, что их воспитательница Галина Семеновна рассказывала им про свояков и золовок и что завтра они пойдут смотреть свадьбу. В клубе, который возле детского сада, будет торжество. Там узнают про жениха и невесту.

— Ой, мама! — вспомнил вдруг Димка. — Галина Семеновна велела завтра в новых рубашках прийти. Нам на свадьбе жених с невестой конфеты будут давать. Уже договорились.

Галина Семеновна уставилась на сына, потом потрепала его по голове и пощелкала пальцами возле глаз. Хватит, мол, роль играть, пора переходить на родственные отношения. А Павел Иванович назидательно сказал:

— Дима, мы уже дома. Ты что, забыл?

— Ничего не забыл. Я вам про садик рассказываю. Мама! Галина Семеновна меня сегодня хвалила. Я всех родственников выучил. А про Генку нянечке говорила, что у него крыша поехала.

У Галины Семеновны начал открываться рот, как у тети Светы. Она действительно говорила нянечке про своего неожиданно поглупевшего питомца Генку, но сейчас, глядя на свое чадо, испугалась, что оно может составить Генке компанию. А Димка между тем продолжал:

— Папа, я забыл тебе сказать. Наш директор Павел Иванович хочет, чтобы ты в садик пришел.

— Я? — опешил Павел Иванович.

— Да! У всех папы приходили двери красить и стекла вставлять. А ты не приходил. Там забор надо ремонтировать. Дырки кругом.

У Павла Ивановича задергался глаз, как у дяди Игоря после ревизии. Он смотрел на сына и, невзирая на богатый педагогический опыт, не знал, что ответить. Галина Семеновна тоже молчала. Только электрик Тарасов, которому такая тишина показалась тягостной, брякнул первое, что пришло на ум:

— Про Генку сказать ничего не могу. Не видал я его. Но за другие крыши ручаться не стану.

Ему не ответили. Павел Иванович тарашился на сына, а тот задал неожиданный вопрос:

— Папа, а правда говорят, что Галина Семеновна и Павел Иванович муж и жена?

Павел Иванович икнул. У него задергался и другой глаз.

— Знаешь что, — сказал он наконец сыну, — скажи-ка ты лучше в свой эскадрон! Галя, уведи этого вундеркинда. У него, по-моему, от быстрой езды голова закружилась. Пусть в другую сторону скачет. И темп сбавит.

Когда потенциального вундеркинда Димку выпроводили из кухни к месту его службы, электрик Тарасов, плохо понимавший в воспитании нового поколения, сказал:

— Похоже, моему Петьке рановато к вам записываться. Не созрел он еще. Когда родственную тему закончите, тогда поглядим. А сейчас не потянет. Да и забор у вас в садике дырявый. Мне ремонтом заниматься некогда, а Петька чего доброго от умственных перегрузок сбежит сквозь него. Рановато ему к вам. По-временам.

ДОБРОЕ ДЕЛО

Михалыч с похмелья был не в духе. Он бродил по двору и отмахивался от домочадцев. Атмосферное давление распирало голову, а жене с тещей загорелось курятник подправить. Крыша, видите ли, течет. Тут голову не знаешь, как поправить, а у них куры на уме.

— Сказал — не буду, значит не буду, — отрезал Михалыч. — Некогда мне. К Василию сейчас пойду.

— Пропадут ведь курочки. Жалко.

— Кому жалко, пусть ремонтирует. А мне какой прок от них? Яиц все равно не вижу. Все на базар тащите, а я вместо закуски рукавом занюхиваю.

— Мы яйца продали и тебе фуфайку справили. А скоро ремень купим. Штаны чтоб не сваливались.

— Обрадовали, — буркнул Михалыч. — Мне на том ремне только повеситься. У Василия яичница с утра до вечера не переводится, а у нас одни перья во дворе.

— Перья мы уберем. А ты подлатай крышу. Мы тебе четвертинку поставим. У Петровны возьмем.

Михалыч замедлил шаг. У Петровны, конечно, было чем разжиться. Петровна — это не Василий. У Василия сивуха в горле застревает, а у Петровны сама в глотку заливается.

— А кто к ней пойдет? — спросил Михалыч. — Она мне в долг не даст.

— Сами сбегает.

— Ох и народ, — хмыкнул Михалыч. — Ох и хитрецы. С ними ушами не хлопай. Со всех сторон обложат,

охмурят, наобещают, а своего добьются. Ладно. Давайте молоток!

Жена с тещей кинулись за инструментом, а Михалыч уселся на скамейку возле дома и уставился глазами на петуха. Свернуть бы башку этому горлодеру. Будит, сволочь, ни свет ни заря. Вчера еще затемно орать начал, а ему крышу латай.

Лучшее место для него — кастрюля с супом. Да и для кур тоже, чтоб не мелькали перед глазами. Ишь, вышагивают. Ко-ко-ко, ко-ко-ко. Не надо было б голову лечить — ни одного гвоздя не забил бы.

Инструменты искали долго. Куда-то запропастились.

— Что, нету? — спросил Михалыч.

— Да вот не находим.

— Та-а-к... Потеряли, значит. А крышу чем крыть? Зубами?

— Найдем сейчас.

— Я вам в прошлый раз в руки отдал. Прямо на пороге. А теперь что? Куры теперь пусть мокнут, петухи хрипят, а вам и дела нет? Это что ж получается?

— Ты посиди. Отдохни!

— Я-то могу посидеть. Мне за шею не капает. А птице как быть? Если дождь хлынет, куда ей деваться? Ротозей безголовые. Мало того, что сами как мокрые курицы, так еще и птицу изводите. Они и без того еле ноги волочат. Смотреть жалко. Иди сюда, Петя! Ко-ко-ко. Мой хороший. Не любят тебя хозяйки. А спроси, кого они любят? Для них стараешься, душу вкладываешь,

а они инструменты теряют. Они и тебя скоро потеряют, золотой мой гребешок. Им это раз плюнуть. Они ж доброты не понимают. Думают, мне их курятник нужен. Я б уже давно у Василия сидел, а теперь тут торчу. Время теряю.

— Сейчас еще раз в сарае глянем.

— Глянут они! А я должен гадать, найдут или не найдут. Только соберешься им доброе дело сделать, так они все испортят. Им по-человечески помочь хочешь, а они все шиворот-навыворот делают и настроение испоганят. Все! Хватит! Пошел к Василию.

— Подожди минутку! Одну минутку.

— Я всю жизнь жду, пока вы поумнеете. А за минуту мозги у вас не прочистятся. С вами по-другому надо. Дурь из вас силой вышибать надо! Чтоб перья сыпались, как с ваших кур. Вы тогда научитесь доброту ценить. Видеть вас уже не могу. Вон меня уже Василий выглядывает.

— Нашли! — донеслось из сарая. — Нашли!

— Поздно, — сказал Михалыч. — Дорога рюмка к обеду. Сами теперь управляйтесь. Мне ваш курятник уже вот где сидит. Развели всякую гадость во дворе. Разнесу его когда-нибудь вместе с пернатыми. Чтоб глаза не мозолили. Ходят тут, ко-ко-ко, ко-ко-ко... И этот еще с гребнем. А ну, пошел отсюда, пока гребень не вырвал. До чего же противная птица... Тьфу!

Крым

ЖЕНЩИНЫ

ПОВЕСТЬ

Посвящается женщинам России

12.

Холодной осенью 1953 года, после смерти Сталина и после того, как из тюрем выпустили по амнистии многих заключенных, Николай вернулся из армии. Мама радовалась возвращению сына. Дождалась! Но был в деревне еще один человек, который был рад не меньше, чем мама, — его невеста Елена. По случаю возвращения Николая вся деревня пела песни и плясала до утра, старики лишь качали головами и завидовали: силы уже не те...

На следующее утро бывший сержант пошел свататься напрямую в деревенский медпункт, где Елена работала не за страх, а за совесть.

Фельдшер ответила согласием: ведь их любовь была необыкновенно чистой, как родник, и верной, на вечные времена. Но все-таки, посоветовавшись, они решили, что в первую очередь Николаю нужно устроиться на работу, а потом уже можно будет и свадьбу справить.

Вера Васильевна и Егор Дмитриевич не торопили Николая. Но он и сам видел, что гулять особо некогда, пора засучивать рукава: дом сильно обветшал, крыша, покрытая глиносоломенной смесью, латана-перелатана, давно прохудилась, нижние венцы сгнили, подоконники и окна требовали замены. Да и тесновато стало. Надо строить новый дом. Сбережения у родителей были, но достать, привезти материалы, да и работа — дело сложное, не всякому по плечу. Но Николаю ли

бояться трудностей? Руки на месте, сила и здоровье позволяют!

— Коля, сынок, пора бы поменять обмундирование на гражданскую одежду, не век же тебе в солдатском хэбэ вековать. Сходи купи себе что-нибудь, — сказала Вера Сергеевна, глядя на возмужалого сына.

— Мама, не беспокойся. Вот устроюсь на работу, тогда и куплю себе все, что нужно, — мягко возразил сын, не желая становиться обузой матери да и себе давать послабление.

— Сынок, как-то неудобно перед односельчанами.

— Батя, хоть вы скажите маме, что военная форма — эта опрятность, выправка. А они только красят человека. Придет время — облачимся в гражданскую одежду.

Егор Дмитриевич слушал Николая и довольно кивал головой.

На следующее утро серый туман словно упрятал горизонт в плотный карман, и Николай пошел устраиваться на работу.

Недалеко от районного центра находилось нефтепромысловое предприятие. Николай пошел напрямую в контору и по-военному отчеканив приветствие, обратился к руководителю. Евгений Петрович Нефедов, человек солидный, очень обрадовался, заглянув в документы Смоленцева.

— Не знаю, как удобно вас называть? По имени-отчеству или по фамилии?

— Зовите просто Николаем.

— Николай, а в армии вы чем занимались?

— Служил по своей специальности — механиком в инженерной службе части.

— Я вас познакомлю со своим хозяйством, понравится — устраивайтесь. Нет — что же, жаль будет. Да, хотел спросить, женаты вы или нет?

— Нет еще, Евгений Петрович, но собираюсь. А вы жилье-то строите?

— Строим, обеспечим вас квартирой, если есть в этом необходимость. Специалистам, тем более отслужившим в армии, по закону полагается выделять жилье в первую очередь.

— Спасибо, Евгений Петрович.

— Хорошо, считайте, что обо всем договорились. Сейчас-то где живете?

— Живу с мамой, отчимом и братом Валерием. У нас очень ветхое жилье. Отчим говорит, что пора строить новый дом.

— Чем сможем, тем поможем.

Надо поддержать родителей. Нам позарез, понимаешь ты, нужен механик. У нас старый механик на пенсию ушел. Так что милости просим. Хозяйство наше небольшое, компактное, не сильно отличается от нефтебазы. Те же резервуары, насосная станция, котельная, котловая вырабатывает пар и снабжает теплом поселок, где живут рабочие. Есть весь необходимый транспорт. Мы живем автономно, ни от кого не зависим. А посему нам надо обеспечить бесперебойную работу этого небольшого предприятия. Работа ответственная. Мы собираем нефть со всех близко расположенных нефтяных скважин. Далее освобождаем ее от воды, от механических примесей.

Скважины работают автоматически, без людей. Конечно, периодически мы проверяем работу скважин, если надо, ремонтируем. Нефть с нашего промышленного участка перекачиваем на магистральные нефтеперекачивающие станции, которые после дополнительной подготовки перекачивают ее нефтеперерабатывающим заводам.

Николай слушал эту всю нефтяную симфонию, и ему казалось, что деревня — седая старушка, что на смену селу бодрой походкой идет город, будущее, индустриальное, мускулистое, с аэропланами и парходами, газопроводами и нефтепроводами, которые скоро покроют весь земной шар.

А Евгений Петрович не мог нарадоваться, что нашел дипломированного механика по эксплуатации нефтебаз и трубопроводов. Малый, кажется, грамотный, с большой смекалкой. Походили они с Николаем по территории предприятия, побывали во всех подразделениях.

— Николай Сергеевич... Правильно я назвал ваше отчество? Вам здесь будет хорошо, справитесь. Тем более что в армии служили по специальности. Оформляетесь, и ждем вас уже не в качестве гостя!

Николай не заставил себя долго упрашивать. На следующее утро он с твердой верой в свои силы шел на работу.

Коллектив, весьма разношерстный, но довольно сплоченный, принял Николай как своего. Ведь в нем сидит крестьянская косточка, как и у многих здешних рабочих. Тут люди своим трудом зарабатывают себе авторитет и хлеб. Николай вписался в свое дело, как будто работал здесь давно. Встал на доверенный ему участок прочно, как паровая котельная, которая также находилась в его ведении. Паровая котельная — участок ответственный. Мотор и пламенное сердце всего производства. Поэтому в первую очередь Николай позаботился о том, чтобы операторы газовой котельной

прошли очередную переподготовку и получили разрешения — удостоверения операторов газовых котельных от Госгортехнадзора.

И завертелась новая жизнь для Николая. Работа вполне устраивала, только находилось далековато. Ездить приходилось на мотоцикле. Ну да чего там? Не впервой трудности преодолевать. Сел на своего железного коня, крутанул педаль, дал по газам — и вот уже «нас утро встречает прохладой».

Строительство дома возглавил лично Егор Дмитриевич. Место выбрали хорошее. Поблизости речка, где тишина и покой. Мысли тут бегут неспешные, несуетные, вызывая в человеке благостное настроение. Густые заросли ивняка по берегам создавали непроходимую преграду для человека. Поэтому река — чистая и прозрачная, как слеза.

Но с лесоматериалом дело обстояло сложнее. Бревна есть, а вот для потолка и пола нужна доска. Пришлось возить кругляк на пилораму, находящуюся у черта на куличках. Впрочем, главный инженер нефтепромысла предоставил грузовик, и этот вопрос решился.

Все лето пилили бревна, строгали, тесали, словом, готовили стройматериал, который должен устоять и просохнуть.

Деревенские столяры заранее сделали на окна резные наличники с несложным орнаментом. Резьба по дереву — дорогостоящая работа, но ведь дом строится, а не времянка. Для крыши заготовили шифер. На этом настоял Егор Дмитриевич. Он говорил, что кровля должна быть на века, поэтому и несущий каркас крыши сделали из прочного материала.

Закладкой фундамента руководил сам Иван Сидорыч, по-прежнему работавший заведующим зернохранилищем. Издавна существует много разных деревенских обычаев при закладке фундамента, например, нужно засыпать зерна под него, чтобы в доме всегда были благополучие и богатство.

Словом, поплевали на ладони, крикнули — и пошла работа.

Егор Дмитриевич уделял особенное внимание кладке русской и голландской печей. Печка — она сердце дома, как сложится, так и будет в доме: тепло или холод!

И вот вырос новенький, с иголочки, пятистенок, бревенчатый дом с несколькими внутренними перегородками, чтобы дети спали отдельно от взрослых. А когда Николай получит квартиру, тогда перегородки по-новому переставят.

Осенью 1954 года справили новоселье. Все сделали с умом, соблюдая правила и обычаи. В первую очередь в дом пустили кошку. По поверью, она должна выгнать нечисть и злых духов, которые обитают в доме. Издавна считается, что хранителем очага считается домовый, который следует в новый дом за старым веником. Веник нельзя оставлять в старом доме, это плохая примета. И новоселье-то, по поверью, устраивают, чтобы домовый не обиделся и не покинул дом.

Ну что же, есть жилье, можно и свадьбу справить. Не могут два любящих сердца под разным кровом уютиться.

Спустя год после возвращения из армии Николай женился на Елене. И опять деревня пела и плясала. На свадьбе было много гостей, веселья и подарков, пожеланий. Молодожены до получения квартиры остались жить в доме.

А Иван в это время заканчивал учебу в мединституте и попросил распределение в Ставропольский край.

13.

Весна в деревню приходит поздно, покуда солнышко растопит снег и высвободит землю из-под ледового плена и на первых проталинках робким маячком будущего тепла прорастут желтые, словно цыплята, цветки мать-и-мачехи.

Ранней весной 1956 года Валерий шел в правление колхоза, провали-

ваясь в подтаявшем снегу, и недоумевал, зачем это председатель колхоза Филипп Яковлевич Боровой пригласил его к себе. Вроде бы грехов за ним не водилось. Накануне, как обычно, повеселились с ребятами в клубе. Девушки у Валерия не было. Как-то не хотел он сейчас себя связывать встречами, расставаниями, букетами... Ему нужны были свобода и воля.

У председателя в кабинете сидели колхозный механик Василий Николаевич Павлов и тракторист Олег Жирнов, закадычный друг Валерки.

Филипп Яковлевич, нахмутив брови, разговаривал с кем-то по телефону:

— Евгений Павлович, я сегодня же пошлю своих механиков за трактором, который ты выделил нашему колхозу. Нет, я не буду ждать, пока пройдет половодье. Мне сейчас нужна новая техника, потом будет поздно. — Председатель говорил торопливо и очень возбужденно. — Нет, нет, я заберу сейчас, пока ты не отдал другому колхозу. Ничего, ничего, преодолют мои хлопцы эти овраги, рыхлый снег. Я их пошлю на тракторе, в случае чего они помогут друг другу.

Филипп Яковлевич с облегчением выдохнул, насыпал табачок «Самсон» в затейливо завернутую козью ножку из газетной бумаги и закурил. На его добродушном лице сияла улыбка. Выпуская изо рта клубы дыма, он возвестил:

— Вот что, ребята, выделили колхозу новый трактор С-80. Надо поехать в районный центр на машинно-тракторную станцию и пригнать его сюда, пока его не переправили в другой колхоз. Как говорится, куй железо, пока горячо. Давайте — валяйте втроем, на тракторе Василия, овраги полны снега, вот-вот начнут вспухать. Но пока снег еще нежится на ледяной корке, можно перепрыгнуть через овраги без труда. На всякий случай возьмите буксировочный трос и, когда будете форсировать овраги, обязательно

прицепите концы троса к буксировочным крюкам обоих тракторов, чтобы в случае чего могли вытащить друг друга.

— Филипп Яковлевич, задание понято, постараемся сделать все как надо, — кивнул механик.

— Василий Николаевич, берите с собой необходимые документы: паспорт, доверенность, чтобы не было проблем с оформлением.

После напутствия трактористы высыпали на крыльцо, перед которым, как старый конь, стоял колхозный трактор. Он уже многие годы исправно служил колхозу. Трактористы, оседлав механического битюга, тронулись в путь, вернее — в распутицу, поскольку снег уже сильно осел и по оврагу под снежным настом бежал довольно сильный ручей.

Выполнив все формальности на машинно-тракторной станции, механик и трактористы получили новенький голубой трактор, сияющий, как весеннее небо, и поехали домой.

Приблизившись к глубокому оврагу, новенький трактор остановился. Внизу, под снегом, был слышен яростный шум ручья. Старый колхозный трактор, который вел Олег Жирнов, пошел было вперед, оставив после себя глубокие, наполненные водой борозды. И вот закрепленный буксировочным тросом новый трактор, доверенный Валерию Смоленцеву, рядом с которым сидел механик Василий Павлов, медленно пополз за ним. По оврагу уже медленно плыли большие глыбы снега. Когда Олег стал перебираться на другой берег, его трактор ушел в снежно-водяную кашу до половины кабины. Олег, испугавшись, что может заглохнуть двигатель, сильно прибавил газу, резко дернув трактор Валерия. От такой неожиданности Валерий ускорил движение своего трактора, а Олег после того, как пересек ручей, наоборот, решил сбавить скорость. От таких несогласованных действий трос от трактора Валерия отцепился на самой середине снежно-водяного потока. А тут

еще и мотор, как назло, заглох. С новой техникой такое бывает. Лихорадочная попытка завести трактор окончилась неудачей. Надо было снова цеплять трос к буксировочному крюку. Трактор Олега Жирнова уже почти выбрался на берег. Олегу удалось подать конец троса Валерию. Теперь надо было накинуть петлю троса на крюк трактора, который все глубже погружался в бурный водно-снежный поток. Валерий, пройдя по гусенице трактора и держа трос в правой руке, прыгнул в воду. Приходилось действовать на ощупь. Только после нескольких попыток удалось закрепить трос. Совершенно онемевший от холода Валерий вернулся в кабину. По команде механика Олег своим трактором сначала медленно натянул трос, а затем начал буксировать трактор Валерия. Хоть и старый, но мощный трактор вытащил новенький. А еще говорят: старый конь глубоко не вспашет.

Олег и механик Павлов помогли переодеться продрогшему Валерию.

Валерий в ту же ночь, сильно простудившись, заболел. И надолго прописался в больнице. Простуда дорого обошлась Валерию: он получил инвалидность с диагнозом «порок сердца». Тем не менее колхозную технику Валерий не бросил. Работал комбайнером, трактористом, шофером, а молодость и бесшабашность помогали ему преодолевать недуг.

14.

Вот говорят: время лечит. Но разве любовь подвластна забвению? После встречи Натальи Владимировны и Егора Дмитриевича прошел год. Несмотря на решение оставить все как есть, жить с этим оказалось не так-то просто. Две расколотые пополам жизни, разбитые сердца кровоточили, память бередила раны...

Наталья Владимировна и сама не могла объяснить, что с ней происходит. Ее начала мучить бессонница. Сидя у окна, она подолгу смотрела в ночную темень. Тусклый свет, падающий из окон квартиры оди-

нокой соседки тети Нюры, освещал березу под окном. Изредка стремительно летела к земле, светясь ярким светом, далекая падающая звезда. Тихий шелест листьев звал к раздумьям о давних событиях, мгновенная вспышка вырывала из закутков памяти минувшие дни. Вот и молодость ее — вспыхнула и канула в вечность. Правильно ли она сделала, согласившись со своим теперешним положением? Наташа снова и снова погружалась в воспоминания.

Красивая деревня Снежная в предгорьях Южного Урала. Большой массив земельных угодий располагался выше деревни. На поля за зиму почти всегда наметало много снега, а во время весеннего половодья паводковые воды стекали вниз по оврагу на луга, где протекала речка Верунья. Овраг обрамлял деревню. Школа возвышалась на пригорке по одну сторону оврага, а деревня находилась на противоположной стороне. Овраг жители называли Угрюмым, потому что каждый год бурное течение кого-нибудь сносило с пожитками на луга.

Речка Верунья разливалась очень широко, вольготно. Летом на заливных лугах запасали много сена. На реке стояла водяная мельница. Большой запас воды перед мельничной плотиной позволял ей работать бесперебойно. Правда, и хлопот было много. Весенние воды каждый год прорывали плотину, и ее приходилось восстанавливать. Это было нелегко, так как работы велись на лошадях и вручную. Но крестьянам не привыкать.

Наталья познакомилась с Егорушкой еще в девятом классе. Однажды во время весеннего половодья Наташа, возвращаясь из школы, переходила через овраг по мостику, переброшенному через Угрюмый, и сорвалась в бурные паводковые воды. Егор, шедший сзади, успел поймать ее за руку и помог выбраться на мостик. Мостик ходил ходунком, в любой момент мог рухнуть вниз. Егор помог Наташе перебраться

на другую сторону, а сам не успел: поток был настолько сильным, что мостик унесло. Вместе с Егором. И все же совершенно обессиленный, едва не захлебнувшись, Егор сумел выбраться из потока. С этой поры и началась дружба между Егором и Наташей. Их любовь была чистой, искренней и яркой.

Окончив школу, оба поступили в педагогический институт. Наташа училась на филологическом факультете, а Егор решил стать историком. Любовь к истории и к дальним странствиям звали его в дорогу. Он на практике побывал в археологических экспедициях, а в зимнее время занимался спортом — гимнастикой, лыжами. Егор считал, что если хочешь быть успешным в жизни, надо обязательно заниматься спортом. Так они и жили, любили друг друга, жизнь. Государственные экзамены Наташа и Егор сдали успешно. Распределили их, как им и хотелось, в одну из школ Смоленщины. Освоившись с работой в школе, укрепив свое материальное положение, Наташа и Егор поженились.

Словом, все было как в сказке. В школе они были на хорошем счету. Сельский совет дал им в пользование дом, который специально был построен для деревенской интеллигенции. Когда гнездо было устроено, молодые с нетерпением стали ждать ребенка. Егор очень хотел, чтобы родился мальчик. Рождение Славы принесло в дом счастье, хотя новорожденный требовал много забот и хлопот.

Однажды мама Наташи, которая жила на Урале, заболела, и молодые поехали ее проведать. Родители посчитали, что Слава уже вполне взрослый ребенок, ему исполнилось два месяца. Молодая семья добралась до места вполне благополучно. Родители Наташи жили в коммунальной квартире. На большой кухне гудели газовые горелки четырех плит, на конфорках готовилась пища для всех семейств, в уборную стояла

неубывающая очередь, на веревках, которые, казалось, опутывали своей паутиной все квартиру, сушилось белье: подштанники, семейные трусы всех фасонов, майки... Газ пылал на кухне почти всегда. Тут же без конца толпились жильцы, обсуждали городские новости и сплетни. Да и детей притягивала кухня — пообщаться, послушать родителей, получить леденец или подзатыльник. Наташу и Егора, словно ходоков у Ленина, жильцы слушали с интересом. Им было любопытно, как живут люди на Смоленщине.

Наташа частенько выходила на кухню с ребенком, там, видимо, и заразила Славу коклюшем. Он заболел примерно через неделю после приезда. Пожилые женщины давали десятки различных советов, причем совершенно противоположных, говорили, что надо как можно больше гулять и дышать свежим воздухом. Молодая мама прислушивалась к советам бабулек и подолгу уходила со Славой на улицу. Часто на прогулки с сыном отправлялся и Егор, он распевал своему малышу детские песенки, и мальчик засыпал.

Однако отпуск заканчивался, пора было уезжать. Молодые тронулись в путь, но добрались с большим трудом. Славочка еще долго болел, но все-таки, славу богу, выжил.

А через два года семья увеличилась — появилась девочка, которую назвали Галиной.

Несмотря на заботы по дому, в школе Наталья Владимировна вполне успешно вела уроки русского языка и литературы. Она была воспитана в лучших традициях русской интеллигенции и выделялась среди молодых учителей особой утонченностью, граничащей с чопорностью. Но это была не черствая чопорность, а внимательное и сдержанное, чуткое отношение к коллегам; необыкновенная вежливость и учтивость заслуженно вызывали уважение учеников и коллег, особенно немногочисленной мужской половины — Наташа

была необычайно красива: темные кудрявые волосы, глубоко посаженные карие глаза, улыбчивое лицо. Прибавим сюда и тот факт, что она отлично знала свой предмет и свободно общалась с аудиторией.

Наталья Владимировна прекрасно понимала, что русская литература — кладезь знаний, и старалась донести это до своих учеников. Говорила о связи времен, о том, что эта связь существует и поныне, что она приносит иногда радость, а иногда и огорчения. Многое отжившее, то отрицательное, что веками тяготело над русским человеком, его предрассудки, косность, — так и не ушло из жизни, и это печально. Поэтому и продолжают дозвлет над нашей жизнью герои «Мертвых душ» и «Ревизора», произведений Некрасова, Достоевского и многих других.

Наталья Владимировна так вела предмет, что многим ученикам казалось, будто они сами становятся участниками происходивших событий, персонажами произведений русской классики.

Это были трудные, но самые счастливые годы Наташи и Егора. Начавшаяся война разрушила все их мечты: погибли дети, пришла долгая разлука.

И что теперь? Теперь, когда прошло столько лет, столько воды унесло? Наташа мысленно прокручивала эти воспоминания, словно в кино, раз за разом переживала все заново. Сожалела, что при встрече не рассказала Егору о своем душевном смятении, боялась, что психологически не сможет повторно выдержать его потерю. Да и как она могла, когда рядом с ним была другая женщина, его жена. И это никак не хотело укладываться у нее в голове.

Она хотела быть рядом с ним всегда и везде! Ведь они давали клятву друг другу, обещали, что будут до конца жизни верны любви своей молодости. И теперь она должна уступать любимого человека другой женщине?

«Нет-нет, Веру Васильевну я не виню, она ни в чем не виновата, — думала Наталья. — Она тоже так много пережила. Во многом благодаря Егору Дмитриевичу она сумела выжить в эти трудные времена».

Но у этих ночных бдений появилась и другая сторона: «А как отнесется к моим новым мыслям Николай Захарович? Он профессиональный военный, фронтовик, имеет ранения, награды. По-моему, он большой любви ко мне не испытывает. Он больше любит рыбалку и горячительные напитки, часто вспоминает свою бывшую жену Ольгу Сергеевну. Она пропала без вести во время войны. Он тоже пытался найти ее, но безуспешно». Но есть сила привычки: «Но я другому отдана и буду век ему верна».

И все-таки сердце рвалось к нему, своему любимому, недолюбленному, неразлюбленному!

Николай Захарович жил с Натальей Владимировной довольно скучно, обыденно, особого рвения в семейных делах не проявлял. Больше времени проводил с друзьями, чем дома. Такие взаимоотношения не могли скрепить и без того непрочный союз Натальи и Николая. И она возмечтала о новой встрече с Егором. Часто плакала, не знала, как жить дальше. Между Николаем Захаровичем и Натальей Владимировной стали возникать конфликты по пустякам. Жизнь, как говорится, дала трещину.

Как-то уже весной, в середине марта, Николай Захарович ранним утром отправился на очередную рыбалку. Зимний ледостав заканчивался, на льду находиться было опасно, возле берега стали появляться полыньи. Однако удачный лов зажег азарт, хотелось просверлить еще одну лунку, еще одну... Отступив от своей лунки на несколько метров, Николай Захарович просверлил рядышком другую и хотел было приладить удочку, но не удержался и провалился под лед. Помощь пришла поздно. Зимняя одежда бы-

стро намочла, и обессилевший рыбак ушел под воду.

Приехавшие спасатели достали Николая Захаровича, но оживить не смогли. Он лежал с совершенно серым и безмятежным лицом, даже смерть, казалось, не вызывала у него особого интереса.

О происшедшем несчастье сообщили Наталье Владимировне. Нельзя сказать, что смерть Николая Захаровича нанесла Наталье Владимировне тяжелый удар. Она, конечно, погоревала, но в большей степени из-за хлопот, которые создал своим безвременным уходом Николай Захарович. Представители военкомата помогли организовать похороны и произнесли правильные речи о верном служении Отечеству ветерана Великой Отечественной войны Николая Захаровича Трофимова.

Наталья Владимировна осталась одна. Опять вдова. На сей раз — по-настоящему. В течение года жила замкнуто, ей не хотелось ни с кем общаться. Она ходила отрезанная, прикрыв лицо черным платком. Здорвалась со знакомыми людьми кивком головы, не вступая в разговоры. И, наконец, от отчаяния, переполнившего ее душу, решила написать Егору Дмитриевичу о своей жизни, о смерти Николая Захаровича. «Здравствуй, Егор, мой дорогой человек! Извини, что я обращаюсь к тебе как в юности. По-другому не могу и не хочу! Мне кажется, что я уже не нужный человек на этом свете. Похоронила своего мужа, за которого вышла замуж, находясь в отчаянном положении после гибели детей. Нет, Егор! Я тебя ни в чем не хочу обвинять, ты — счастливый человек, нашел такую замечательную женщину, как Вера Васильевна. Извини меня за это письмо, боюсь, что кому-то оно может принести боль. Егор, у меня к тебе только одна просьба. Если тебе не трудно, узнай, пожалуйста, в районном отделе народного образования, могут ли при-

нять меня преподавателем русского языка и литературы. Заранее извини, что я тебя побеспокоила. До свиданья! Жду ответа. Твоя Наталья».

Почтальонша Таня вручила письмо Вере Васильевне. Вера, насупившись, письмо вскрывать не стала, так как оно было адресовано Егору Дмитриевичу. Конверт, словно полныня во льду, зиял на тумбочке...

Придя с работы, Егор сразу же увидел конверт. По почерку и адресу сразу же определил, что письмо от Наташи. Он боялся притрагиваться к нему... Но все же с волнением разорвал конверт. Письмо было написано очень эмоционально, путано, но с любовью. Егор Дмитриевич так растрогался, что после прочтения не смог сдержать слезы. В волнении заходил по комнате, потом вышел на улицу покурить. Слова Наташи заделали его за живое, всколыхнули воспоминания. И тут вошла Вера Васильевна. Увидев состояние мужа, она спросила:

— Егор, что случилось? Что с тобой? Кажется, ты чем-то расстроен?

— Да, Верочка. Получил письмо от Натальи Владимировны.

— Что же она пишет?

— Жизнь у нее не складывается. Трагически погиб муж, она хотела бы переехать в наши края.

— Да, Егор, ей не позавидуешь.

Какая же нужна ей помощь?

— Просит узнать насчет работы, могут ли ее принять на работу в одну из школ в нашем районе. Понятно, что у нее тут близких людей, кроме нас, нет. Как мы откликнемся на ее просьбу, от тебя тоже зависит.

— А что я, Егор? Как ты решишь, так и будет. Я думаю, что надо ей помочь.

Егор поцеловал жену и мысленно поблагодарил судьбу за то, что она связала его с такой мудрой и хорошей женщиной.

На другой день Егор Дмитриевич решил поговорить с директором школы. Он пришел рано, едва сторож вышел во двор, чтобы подмести крыльцо. Егор Дмитриевич волновался, не знал, как начать разговор.

Мял в руках одну сигарету за другой.

— У меня очень щекотливый вопрос, — начал Егор Дмитриевич. — Если бы это дело касалось лично меня, то мне стыдно было бы обращаться к вам с этим

— Рассказывайте, Егор Дмитриевич, какая у вас проблема?

— Дело в том, что моя жена ищет работу...

— Позвольте, Егор Дмитриевич, Вера Васильевна работает у нас.

— Да, да, Вера Васильевна работает, а вот моей первой жене, Наталье Владимировне, нужна работа.

— Егор Дмитриевич, объясните, пожалуйста, о ком вы ведете речь?

— Николай Васильевич, дело в том, что нашлась моя первая жена, Наталья Владимировна. Мы с Верой Васильевной ездили на Смоленщину, я хотел посмотреть на места, где жил, работал, может быть, отыскать какие-то следы моей семьи и, представьте, нашел свою первую жену. Она вышла замуж за военного. Но недавно ее муж утонул. Теперь она хочет уехать оттуда, где столько горьких воспоминаний, и перебраться сюда. И я не могу отказать. Хотя я понимаю, что теперь у меня наверняка возникнут проблемы с двумя женами. Без ревности тут не обойдешься. Не знаю, как будет дальше, но бросить ее я ведь тоже не могу.

— Да-с, — вздохнул Николай Васильевич. — Дела! Много я видел в своей жизни, но с такими обстоятельствами пока сталкиваться не приходилось. Но на работу-то мы можем ее принять только с начала следующего учебного года. Евгения Федоровна собирается выйти замуж и уехать в город. Место преподавателя русского языка и литературы вакантно. Только надо хорошо подумать, как вы будете сосуществовать с двумя женами. Это серьезный шаг, как бы тут дров не наломать. Пока что очень тяжело одному человеку, а ситуация может развиваться таким образом, что поломаем жизнь троим!

— Николай Васильевич, я все прекрасно понимаю. К Наталье Владимировне я питаю нежные чувства — это любовь моей молодости, мы долгие годы вместе учились, родили двух детей, которые погибли во время оккупации. Разве можно все это перечеркнуть одним махом? Но и Веру Васильевну я полюбил, мы вместе переносили все тяготы жизни во время войны.

— Егор Дмитриевич, ваша первая жена, потеряв двух детей и двух мужей, вероятно, находится на грани отчаяния. Возможно, она страдает глубокой депрессией. Я думаю, что вы не должны ее отталкивать, надо вам серьезно поговорить с Верой Васильевной. Она, по-моему, очень умная женщина и поймет положение Натальи Владимировны. Откровенно поговорите с женой о том, как может сложиться жизнь после приезда Натальи Владимировны. И заходите ко мне в любое время, постараюсь помочь, чем смогу.

Егор шел домой, почти не глядя по сторонам, навстречу ему попадались знакомые, его ученики, они здоровались, но он ни на кого не обращал внимания: настолько был погружен в свои думы.

Дома он не мог заставить себя на чем-то сосредоточиться. Блуждал по комнатам, как тень, пока не пришла с работы Вера Васильевна.

— Егор, ты уже дома? А я не спешу, думаю, что ты еще не пришел. Ладно, сейчас накрою стол, будем ужинать.

Егор не находил себе места, долго ходил по комнате, передвигал стулья, словно опытный шахматист, проводя рокировку и думая о том, каким будет следующий ход. Наконец сели ужинать. Егор затеял неторопливый разговор.

— Вера, вот какое дело. Я сегодня разговаривал с директором школы о Наталье Владимировне. Надо бы как-то помочь ей. Он готов пригласить ее работать в нашу школу. Отправлять ее от себя по-дальше — значит отвернуться от

нее. Мне кажется, что, поступая так, я предаю свое прошлое, память моих детей, а ведь она — мать. Она просто меня не поймет. Она ведь ждет встречи со мной. Вера, ты это понимаешь?

— Егор, я все прекрасно понимаю. Приглашай ее сюда, пусть с нами и живет. — Голос Веры стал напряженным, словно натянутая струна.

— Нет, нет, Вера! Бог с тобой! Найдем ей квартиру, жилье найдется. Ей важно, чтобы я был рядом. Ты понимаешь, это не просто память о любви моей юности, которая, чего греха таить, в моей душе угасла не совсем, как там у поэта говорится... — Егор как-то весь обмяк, его нерешительность сделала его жалким. Он был похож на ученика, который не выучил урока.

— Егор, если так, то, я думаю, тебе придется меня оставить и жить с ней. Я покрепче, я выдержу, а Наталья Владимировна может наделать глупостей, что, собственно, уже и происходит. — Вера отложила ложку, которая звякнула тревожным предвестием беды.

— Верочка, я оказался в очень трудном положении. И просто не знаю, как сделать так, чтобы всем было удобно и комфортно, и есть ли выход из этой ситуации.

Муж и жена встали из-за стола, расстояние между ними стало расти, и больше уже сегодня они не разговаривали. А вечером, когда над домом сгустились плотной завесой сумерки, Егор написал письмо Наталье Владимировне: «Здравствуй, моя дорогая Наташенька! Я получил письмо от тебя, спасибо! Разговаривал с директором школы насчет работы для тебя. С начала нового учебного года директор школы Николай Васильевич предоставит тебе работу по специальности. Обсудили мы с Верой, как мы все вместе будем уживаться. Вера очень добрая женщина, она прекрасно понимает, что ты — моя первая любовь и имеешь полное право оставаться таковой.

Она готова уступить свое место тебе. Ведь ты — самая что ни на есть законная моя жена. Но я в полной растерянности. Я и тебя, и Веру люблю! Я сам не знаю, как сложатся наши судьбы. До свиданья. Целую! Твой Егор».

Прямоугольник конверта скользнул в щелку почтового ящика, колесико часов начало вращение в обратную сторону...

Наташа получила письмо Егора. Ее растрогало великодушие Веры Васильевны. И насторожила растерянность Егора. Что, у него нет собственного мнения? Неужели он хочет жить одновременно с двумя женщинами? Это неестественно, не соответствует ни христианским, ни православным обычаям, ни принципам морали советского человека. Она задумалась. Но ничего такого себе не надумала, привыкнув полагаться, что голова в доме одна — мужская, а на ее долю и так забот хватает.

Стояли жаркие, солнечные дни. Лето выдалось как по заказу. И Наталья Владимировна решила поехать к Егору. Он — мужчина, пусть и принимает решение. Может, когда они все вместе, втроем, с Егором и Верой Васильевной, соберутся, подумают, обмозгуют, что-то такое само собой и образуется.

Поезд прыгал на стыках — как будто часовые стрелки, до того шедшие бесперебойно, вдруг начали испытывать трудности, спотыкаться.

Наталья Владимировна вышла на станции Зов, от станции до деревни дошла пешком. На пороге дома ее встретили Егор и Вера. Очень любезно, а Вера даже предупредительно любезно, что настораживало. Трое супругов решили, что утро вечера мудренее, и отложили серьезный разговор на завтра. А на следующий день пошли все вместе прогуляться на деревенский пруд под названием Гусиный.

Пруд глубокий, не очень большой и так плотно окружен ивняком, что даже солнечные лучи с трудом

проникают сюда, вода всегда студеная.

Сели у воды, глядя на гусиный выводок, который мирно бороздил зеркальную гладь. Пока никто не хотел начинать трудный разговор. Да никто и не знал, как его начать. Но все-таки Вера Васильевна первая решила прервать молчание:

— Наталья Владимировна, как вам понравилась наша деревня?

— Вера Васильевна, я приехала сюда не для того, чтобы любоваться красотами. Скажу прямо, что я еще не так стара и хочу пожить рядом со своим мужем.

— Значит, вы рассчитываете, что Егор перейдет жить к вам?

— Я надеюсь и верю, что так будет. Я знаю, что иначе он не сможет, как бы для вас это ни было горько.

— Наталья Владимировна, я не стану его задерживать, пусть сам решает, как быть. Гражданское и моральное право за вами, я не буду препятствовать. Лишь бы дети пережили все это спокойно.

Егор Дмитриевич сидел сгорбленный, словно тяжесть проблемы пригнула его к земле, язык у него заплетался. Он смущенно проговорил:

— Дорогие мои Наталья и Вера, я очень прошу вас, давайте не будем ссориться. Иначе мы только все осложним. Я вас люблю обеих, и у меня никакого предпочтения нет. Я только хочу, чтобы вы и наши дети были здоровы и счастливы. Я готов жить совершенно отдельно от вас, от тебя Вера, и от тебя, Наташа, буду помогать вам до конца своей жизни.

Похоже, что предложение Егора застало врасплох обеих женщин. Они подавленно молчали, не в силах оценить ни его слова, ни ситуацию. Они смотрели на уже немолодого мужчину с некоторым сожалением и состраданием. Мужчина самым лучшим выходом из ситуации счел проверенный — в кусты.

— Наталья, — ласково предложил Егор Дмитриевич, — давай поговорим с директором школы и с пред-

седателем сельского совета насчет квартиры.

На этом промежуточном варианте, который не устроил никого, пока и остановились.

Встречи с директором школы и председателем сельсовета были простыми формальностями. Директор согласился принять на работу Наталью Владимировну. Сельсовет обязательно обещал помочь с жильем. Наталья Владимировна уехала на Смоленщину за вещами.

Жизнь разладилась, как гитара, к которой очень долгое время не притрагивалась рука музыканта. И вот теперь она берет только одни фальшивые звуки.

Егор Дмитриевич отчаянно искал выход из создавшегося положения, но пока ничего не находил. Да и есть ли тут выход? Пытался поговорить с Верой Васильевной, но разговор не клеился. Лопнувшая струна издавала неверный, неприятный звук.

А вскоре вернулась и Наталья Владимировна. Разместилась она в доме пожилой вдовы, по соседству. Дом большой, хорошо обустроенный, недалеко от пруда. Так что беги Егор от проблем, от жен, а они вот они, обе, под боком, рядом.

Жизнь Егора Дмитриевича стала какой-то машинальной, словно все, что должно произойти, уже случилось и теперь движется по инерции, не завися от желания главных действующих лиц.

Естественно, что Егор помогал Наталье Владимировне с обустройством. Естественно, что Наталья Владимировна радовалась его приходу. И в то же время вечером он шел домой, где его ждала Вера, которой ее положение — соломенной вдовы — начинало надоедать.

А вот Егор Дмитриевич поначалу, казалось, был доволен. При чем непонятно чем. Вроде бы установилось хотя и хрупкое, но перемирие. Но ситуация никак не разрешалась, нарыв увеличивался. И он как-то потускнел, впал в глубокую депрессию,

даже пропала прежняя деловитость, подтянутость. Вера Васильевна передвигалась по дому задумчиво, медленно, почти не обращала внимания на Егора Дмитриевича. Это обстоятельство еще сильнее пригибало Егора к земле. Он продолжал жить с Верой, но думал о Наталье. Встречаясь с Натальей, не мог не думать о Vere. Он не мог и не хотел оставить полюбившихся, ставших ему родными пасынков и свою кровиночку-дочь. Егор Дмитриевич просто не знал, как вести себя дальше. В голову лезли тяжелые, навязчивые мысли: а не оборвать ли все одним махом... Что же делать? Предложить женам жить одной большой семьей? Но это совершенно немыслимо!

Как раскаленный медный пятак, светило на линии горизонта солнце, уходящее на ночную спячку. Пришла вечерняя пора. Над деревней — пыль столбом. Только что пастухи пригнали деревенское стадо. Егор Дмитриевич взял за правило каждый день встречать стадо. Овцы и козы пришли сами, а корова, которая являлась всегда первой, куда-то запропастилась. Егор Дмитриевич решил пройтись по улице, но так и не увидел свою Белку. Зато вдруг услышал рев где-то на задворках деревни. К нему присоединился и колхозный механик Василий Павлов, наставник Валерия Смоленцева по колхозной технике.

— Василий Николаевич, что-то не видать сегодня коров. Куда они делись?

— Егор Дмитриевич, вы разве не слышали, что в болоте утопла корова мельничихи? Ее вытаскивали с помощью веревок, сломали ей ногу. Пришлось резать. Крови там набежала столько, что все коровы-то туда и рванули. Слышите, какой там рев стоит? Заводила — бык Ермолай. Это ж не бык, а зверь, на него и смотреть-то страшно.

— Пойду гляну, может, удастся свою корову увести. — Егор шагнул навстречу своей судьбе.

— Егор Дмитриевич, будьте осторожны, возьмите хотя бы хворостину. Бык боится только пастуха, — попробовал удержать его механик.

— Спасибо, Василий Николаевич, за предостережение.

Пришел Егор на задний двор Варвары Сергеевны. Варвара Сергеевна после гибели коровы отправилась на мельницу, а своего помощника Степана Ветрова попросила, чтобы он как следует присыпал кровавое пятно землей. Он толком не успел закончить работу, как стадо почувало запах и забушевало. Стоял страшный рев, бык Ермолай передними копытами, с пеной у рта, рыл землю. Егор Дмитриевич подошел к своей Белке, чтобы забрать ее домой. Но о ужас! Бык в один миг оказался рядом с Егором Дмитриевичем и мгновенно подцепил его мощными рогами, кинул на забор, кровь еще более разозлила его, затем он снова поднял Егора и снова бросил, и — покотился по земле, как полено. И так несколько раз...

Следующей жертвой должен был стать почтальон, дедушка Феодосий, который бросился Егору на помощь. Озверевший бык рушил все подряд, но тут с длинной палкой подскочил хромоногий Степан Ветров, помощник мельничихи. Он ударил палкой по ноздрям Ермолая. Болезненный удар заставил быка бежать с поля брани.

Когда подоспел пастух Костя, у забора лежало безжизненное тело Егора Дмитриевича, изо рта и носа текла кровь. Побежали за деревенским фельдшером Еленой Смоленцевой.

Елена взяла руку Егора, попытавшись нащупать пульс, но его не было. Она приложила ухо к сердцу — Егор Дмитриевич был мертв...

Так жизнь разрешила проблему, которую Егор не мог разрешить сам.

Хоронили Егора Дмитриевича всей деревней, школьники старших классов несли венки. Рядом, подерживая друг друга, шли Наталья Владимировна и Вера Васильевна. Две жены, обе в траурной одежде —

де, с осунувшимися лицами, заплаканными глазами.

15.

Осень бросила четкую тень на землю. Задули холодные ветра, начались дожди. В деревню пришла беда...

Вера Васильевна и Наталья Владимировна глубоко переживали смерть Егора Дмитриевича. Им казалось, что это какая-то кара сверху, наказал Бог Егора Дмитриевича за жизнь на два дома, за многоженство. Но кара эта была несправедливой. Ведь отношения между Егором и двумя женщинами были честными, он не изменил ни той ни другой, а просто остался верен им обеим. И Вера Васильевна, мудрейшая женщина, не создавала никаких препятствий для нового сближения между Егором и Натальей. Он должен был сам найти выход, но так распорядилась судьба.

Никто не корил другого за то, что не сберегли Егора Дмитриевича. Вот только теперь не стало главного советчика в трудных жизненных ситуациях, друга и всемогущего хозяина большого семейства. Не дождался Егор Дмитриевич своих внуков.

Смерть сблизилась двух женщин, но все же Вера Васильевна и Наталья Владимировна в первое время сторонились друг друга. Старались не встречаться, у каждой внутри сидела глубокая, непонятная обида на «разлучницу». В школе тоже между собой не общались, разговаривали только по делу. Директор школы, однако, подумал, что такие отношения между двумя женщинами недопустимы. Напряжение нарастало. Однажды после уроков он попросил их остаться в кабинете.

— Я хотел бы еще раз выразить вам, Вера Васильевна и Наталья Владимировна, глубокое соболезнование по поводу смерти Егора Дмитриевича. Ушел от нас удивительной души человек, патриот и гражданин. Поступал он с вами по совести и чести, вы его не судите. Помиритесь вы, на вас смотрят дети, так и они

будут поступать между собой, когда вырастут. Постарайтесь ну если не полюбить друг друга, то хотя бы не испытывать неприязни. Чего вам теперь делить?

Женщины подавленно молчали. Но после разговора с директором Вера Васильевна и Наталья Владимировна стали общаться мягче. Наталья Владимировна теперь частенько помогала Вере Васильевне по хозяйству. Их души постепенно освобождались от ложного неприятия друг друга. Потеплели отношения между женами Егора Дмитриевича. Жизнь сама, пролив теплые слезы по ушедшему Егору, соединила их вновь.

16.

Второй раз осиротел дом Веры. Не стало Егора, но сыновья словно перехватили жизненную инициативу отчима...

Дела у Николая шли хорошо, с работой он вполне освоился. В коллективе его уважали. В семье ожидалось прибавление. В 1956 году Елена родила двойню — мальчиков, которых назвали Сережей и Андреем.

Только вот строительство дома все откладывалось, не было денег. Каждый день ездить из деревни на работу было очень утомительно. И только к рождению детей Николаю выделили квартиру. Все большое и дружное семейство радовалось предстоящему переезду...

Но, к сожалению, переезд не состоялся. Заболел Николай. Врачи предположили, что заболевание серьезное, и срочно поместили его в областную онкологическую больницу. Елене врачи сказали, что нужна кровь для переливания, но такой крови у них не оказалось. Елена срочно позвонила в Ставрополь брату Николаю Ивану, чтобы он помог как-то решить вопрос с кровью. Иван переговорил с начальником станции переливания крови, и тот посоветовал срочно приезжать.

Иван вылетел самолетом, оставив на несколько дней работу в больни-

це, где многие больные ждали проведения срочных операций.

Стояла неимоверная жара.

Худой, осунувшийся Николай, лежа на больничной койке, еще не понимал, насколько серьезна его болезнь, поэтому настроение у него было хорошее, он то и дело улыбался, шутил. Приезду брата очень обрадовался.

— Говорят, что нужна кровь для переливания, а ее у них нет.

Иван сел на кровать брата. Со всем белое лицо Николая покрывали бисеринки пота. Иван вытер брата полотенцем.

— Ничего, братуля, не расстраивайся, все будет нормально. Сейчас пойду к лечащему врачу. Разберемся, что тут и как.

И Иван размашистым шагом пошел по коридору. Приоткрыл дверь ординаторской, попросил разрешения войти.

— Я ваш коллега, Иван Сергеевич Смоленцев, приехал к своему брату Николаю. Расскажите, что с ним и смогу ли я помочь чем-то в его лечении. Он говорит, что у вас нет крови для переливания.

— Иван Сергеевич, лечением вашего брата занимаюсь я. Нам ничего не нужно, все у нас есть. А что касается крови — это просто ваши родственники нас неправильно поняли. Мы им сказали, что у него болезнь крови, вот они и подумали, что нам нужна какая-то особая, чтобы его излечить. Иван Сергеевич, скажу честно, болезнь у вашего брата очень серьезная — белокровие. Пока мы не научились ее лечить. Мы делаем все что можем, но улучшения нет. Вы как врач должны нас понять...

Иван вышел от врача совсем удрученный, но брату постарался не показать своего огорчения. Сказал Николаю, что нужную кровь ему найдут, попрощался...

Вера Васильевна, Валерий, Светлана и жена Николая Елена были рады приезду Ивана. Иван не стал распространяться о болезни Николая, чтобы никого не расстра-

ивать... А наутро уехал в Ставрополь, где тоже были неотложные дела в больнице. Ехал он с тяжелым сердцем, понимая, что это, возможно, было последнее свидание с братом.

Вскоре Николая выписали из больницы, так как улучшения не было. Выглядел он плохо — бледный, сильно похудевший. Врачи назначили ему лечение, велели больше гулять на свежем воздухе, пить парное молоко. Все заботы о больном легли на Веру Васильевну, Валерия и Елену.

Все семейство переживало за Николая, но никто ему помочь не мог. Особенно за брата переживал Валерий, жалко ему было его жену и детей. Может, оттого, что Валерий так и оставался холостяком и детские голоса его очень радовали. Как солнышко, они освещали жизнь даже в пасмурные дни. Он очень любил племянников. Своих детей нет, так хоть детям Николая порадоваться...

Когда Николай был уже совсем плох, он позвал к себе брата.

— Валерий, ты знаешь, что я скоро умру, не оставляй моих детей. Женись на моей Елене и расти детей, как своих. Ни о чем больше не прошу. Если пообещаешь выполнить мою просьбу, то и смерть мне не так страшна будет.

Валерий пообещал. Да разве можно отказать в просьбе умирающему, тем более брату...

Николай умер в 1956 году, и похоронили его на деревенском кладбище, рядом с отцом и отчимом.

Трое мужчин, три судьбы неразлучные, хотя и разные. Кладбище теперь их пристанище. А дом родной вновь осиротел...

И все же жизнь берет свое, место ушедших занимают живые. Валерий выполнил свое обещание. Дети Ни-

колая стали называть Валерия папой. Все повторилось, как и в случае с его отцом и отчимом. Валерий в детстве донашивал за отца его вещи, а повзрослев, словно решил примерить его судьбу. Но...

Елена вышла за него замуж. Никто в деревне не осуждал такой поступок. Валерий растил детей Николая с большим старанием и любовью.

Но и Валерий после смерти брата прожил недолго. Он умер через год, легко и быстро. Не сдюжил с судьбой отца, ушел вслед за ним.

А дело так было. Сидел со своим закадычным другом, трактористом Олегом Жирновым за обеденным столом, пили чай, разговаривали о том о сем. Потом Валерий встал и сказал Олегу:

— Олег, посиди, дружище, а я чуть прилягу, что-то сердце пошаливает.

Олег допивал чай и вдруг услышал голос друга:

— Олег, Олег, что это у нас так много народу собралось, наверно, что-нибудь случилось? Расходитесь, люди, расходитесь!

Олег подошел к другу, тронул его за плечо и сказал:

— Валерка! Ты о чем? Где народ-то?

А Валерий уже затих. Навсегда. Красиво прожил жизнь и легко из нее ушел. Вот только отцом близнецов пробыл совсем мало.

На кладбище к могилам отца, отчима и брата прибавился еще один бугорок...

Горю Веры Васильевны не было предела. Она, пожалуй, одна и не выдержала бы такие потери, но рядом была героическая женщина — Наталья Владимировна, которая сама потеряла двоих детей. Женщин сблизило горе.

Постепенно боль утрат утихла. Надо было растить внуков, детей Николая. Приезжал

на похороны Иван. Он выглядел уставшим и крайне озабоченным, что у мамы совсем никого не стало рядом. Он думал о том, что теперь ему надо быть ближе к матери. Ведь она наверняка полюбит и его детей, Катю и Вову, которые еще очень малы, всего отроду им один и два года.

Прошло два года. В деревне снова весна. На школьном дворе толпятся нарядно одетые выпускники, их родители. Сегодня праздник — выпускной вечер у десятиклассников.

Учеников и гостей пригласили в актовЫй зал. Наступил торжественный момент вручения аттестатов. Ученики благодарили своих учителей за знания, которыми они щедро делились с ребятами, за доброту и сердечность. Произнося слова благодарности, ученики часто называли имена Веры Васильевны и Натальи Владимировны. И эти слова были самой высокой наградой за их непростой учительский труд.

Вера Васильевна и Наталья Владимировна сидели в первом ряду и радовались за своих выпускников. Они были счастливы, что отдали свои знания, свои души и сердца детям. Своим и чужим...

...Вера Васильевна сегодня получила письмо от Ивана: «Мама, сильно не переживай, я скоро буду с вами рядом. Министерство здравоохранения попросило облздравотдел, чтобы меня и Наташу перевели в вашу районную больницу. Я давно добивался этого перевода, и вот случилось. Жильем меня обеспечат в районном центре. Не волнуйся, скоро увидишь своих внуков. Привет всем. Иван».

г. Калуга

Евгений РЫК

Продолжение.
Начало в № 10, 11, 12 за 2010 г., в № 1, 2 за 2011 г.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

ПЛУТОВСКОЙ РОМАН

32.

Пока начальствокисло, в консульстве шло секретное совещание руководителей этого весьма странного дипломатического учреждения. Майор Швецов, генерал Кононов, Батя, Рувим, Леонид Тамбовцев и Миша Смок закрылись от города и мира в кабинете почетного консула. Шесть трезвых злых мужчин подводили итоги полугодовой деятельности. Их настроение было схожим с грозой в начале мая. Коротко: фиговое было настроение.

— Чем мы тут все занимаемся? — негодовал Тамбовцев. — От меня требуют отчета. Где международные займы под нашу контору? Где эти транши чертовы?

— И братва недовольна, — подержал его Смок. — Кому нужны эти факанные паспорта?! Да мы любые корочки спечем... Нужна недвижимость за рубежом. Нужны банки, банки!

— Без кредитов нам хана, — подержал первых докладчиков Рувим. Не говорить же серьезно о всякой мелочевке!

— Момент! — остановил их Батя. — А для чего же вы подписались под это дело? Перегоняли бы денежки на Запад, жили бы на проценты... Я вам отвечаю: потому

что и Швейцария, и Лихтенштейн приняли законы о черном нале! Они открывают теперь счета клиентов. Не спрятать денег ни в Израиле, ни на Каймановых островах — фунюшки нашей Дунюшке! Эта сумасшедшая баба — министр финансов Швейцарии — что сказала в Брюсселе? Организовываем интернационал против отмывания денег! Сначала американцы стали искать гроши СС, а теперь дошли и до партии, и до блатных.

— Больше того, — вступил генерал, — Совет Европы, Интерпол, Международный банк постановили создать досье на крупные вклады, происхождение которых нельзя проследить. В Италии арестован генерал Франческо Дельфино, а он, между прочим, был у карабинеров ответственным именно за контроль финансовых афер. Сидит и бьется башкой в камере военной тюрьмы. Аресты прошли в Германии, Мексике, Японии. Вы, господа бандиты, прекрасно знаете, что сегодня денег уже не спрячешь.

— Хватит, есть номерные счета! — раздраженно вставил Тамбовцев.

Кононов ему возразил:

— А зачем же номерные? Ведь это мертвые деньги, они даже процентов

не приносят. Вы лучше в наш Сбербанк положите — там вам пятнадцать процентов годовых выпишут, все польза.

— Вы нас не учите!

— Стоп, стоп, Леонид, Алексей Леонардович... Прошу вас, — успокаивал разгоравшиеся страсти Швецов. — Давайте конструктивно. Товарищ генерал, у вас все?

— Нет, Владимир Николаевич, не все! Видимо, наши коллеги не следят за экономической информацией в периодике, так я им кое-что прочту. — Генерал достал газету на немецком языке, надел очки и действительно прочел: — «Профессор Цюрихского университета Жан-Франсуа Бержье возглавил комиссию из пяти швейцарских и четырех иностранных специалистов. Цель их работы — рассекречивание тайных вкладов в швейцарских банках. Под подозрение попали “Дойче банк”, “Дрезднер банк”, германская компания “Дегусса”, итальянская “Консорцио экспортациони аэроаутико”...». По-моему, вы, Леонид Евгеньевич, работали с «Дрезднер»? Поздравляю. Он на крючке.

Эта информация не на шутку встревожила всех. Батя заерзал на стуле:

— Про Чили там ничего нет?
— Здесь нет, но кто может знать планы расследования? Это же не наша милиция... Но есть же страны, не подчиняющиеся Интерполу. Какая-нибудь Ливия, Чад, — предположил Швецов.

— Есть, — согласился Кононов, — только с ними хлопот еще больше, чем со Швейцарией...

— Мусульманские банки не платят проценты, — хмуро из своего угла подал голос Рувим.

— Это во-первых, — кивнул генерал. — А во-вторых, где гарантия, что они вернут вам ваши миллионы? Что вы, с Каддафи судиться будете? Или киллеров к нему подошлете?

— При чем здесь это?! — возопил архивариус Миша.

Умолк генерал, умолкли все.

— Что же вы предлагаете, Алексей Леонардович? — осторожно поинтересовался Батя у генерала.

— Признаться, и сам не знаю. Может быть, предложить нашему Госбанку вертеть деньги или ценности через Тонгу?

— Ну да! А потом нас, как Козленка, в наручниках привезут прямо из Греции в «Лефортово»! — саркастически заметил Рувим.

— Предложите вы! — обиделся, наконец, и генерал Кононов.

— А что я?! — пожал плечами застройщик.

— Ну, кто-нибудь другой, — тоже устало отмахнулся от дискуссии генерал.

Снова зависла тишина.

— Наши банкиры молчат? — спросил Батя, обращаясь к Тамбовцеву.

— К сожалению, да, — мрачно отвечал тот. — Эти собаки мигом навели справки обо всех нас и только посмеиваются над нашими предложениями.

— Даже ни на одном нашем банкете не были! — возмутился архивариус.

— Немудрено, — неприязненно вымолвил Тамбовцев.

— Ты на чё намекиваешь?! — вспылил бандит. — Может, они с вашими не хотят дела иметь. При чем тут наши?!

— Ваши — наши... Все это несерьезно, — заметил Кононов. — Где-то мы допустили стратегическую промашку. Вымогать деньги только под контору невыгодно да и просто опасно: когда-то придется отвечать за обещания и посулы.

— Господа, — задумчиво начал Рувим, — если банки не идут, извините, к Магомету, то почему бы самому Магомету не организовать собственный банк?

— А уставный капитал? А регистрация, лицензии?

— Через Тонгу. Будем оперировать их рублем, как он там называется?

— Паанга, Рувим, — немедленно навел справку Швецов.

— Ну, все равно... Филиал Национального банка королевства в Москве. Национальный — это звучит!

— И для понта посадить управляющим типа какохо-нибудь нехритоса! — внес и свою долю предложения встрепенувшийся Миша. — Так прикидистей.

— Можно... Но главное — не это...

Высокое собрание еще около часа обсуждало возможные варианты, выдвигая и отбрасывая по ходу совещания различные версии. Окончательно решить вопрос они не могли, но, во всяком случае, их коллективный разум позволил внести это предложение в настоящие сферы. Откуда и были делегированы в «консульскую аферу» Тамбовцев, Батя и Миша Смок. Им срочно надо было проконсультироваться со своими штабами и мозговыми трестами. На этом торжественное заседание было закрыто.

«А теперь — танцы!» — так и хотелось крикнуть многим из присутствующих.

33

Геннадий курил, сидя у постели хандрящего шефа. Дым он пустил в потолок, хотя некурящий Никитин ничего не имел против табакокурения. Лысый с порога заявил:

— Знаете, как говаривал гоголевский Плюшкин: «Есть у русских один странный обычай — ходить друг к другу в гости».

После этого поведаль консулу о вчерашней тайной вечере.

— И что же это за синклит собирался? — поинтересовался консул у гонца.

— Возможно, и по нашу душу.

— Опять на помойку?

— Бог знает... Секретарша сказала мне под большим секретом — рожи у них были что у твоего Брута.

— А как же, милорд, ваша теория о мировом монархическом заговоре? — хмыкнул почетный Никитин.

— Заговор налицо, — невозмутимо отвечал Лысый. — Боюсь, первыми цезарями окажемся мы с вами. Я-то уж — во всяком случае.

Священник вытащил из кармана сутаны монетку, подбросил и зажал в кулаке:

— Heads or Tails?¹

— Выпьем?

— Heads. Нет, врачаха сказала — с лекарствами не совмещать. Да и неохота...

Это не остановило священника-протестанта:

— А я разговееюсь. С вашего позволения. Подниму бойцовский дух. Сделаю себе массаж в области нервных окончаний.

Лысый сходил на кухню и усугубил. Вернулся он в комнату весьма скоро, закусывая на ходу:

— Какой, Михайло Васильевич, русский буддист не любит пожрать мяса!

— Геннадий, знаете... — Старый учитель разглядывал вышину потолка, не окончив фразы.

— Знаю, мин херц, неохота обратно, в берлогу?

— Вы мысли чужие читаете!

— А если возможно, то и бумаги.

— И у меня из стола? — поразился консул.

¹ Heads or Tails? — «Головы или хвосты?»; соответствует русскому «Орел или решка?» (англ.).

— А почему же нет?! — поразился, в свою очередь, протестант и добавил: — Стихи мне ваши, кстати, понравились. Особенно про «коня с яйцами». Нет, серьезно! — поклялся Геннадий, заметив смущение Никитина.

— Да?

— Гад буду!

Консул замолчал, а пастор продолжал дымить, июльское утро вытягивало дым во двор.

— Что-нибудь еще? — спросил консул.

— Да вроде нет. К американцам завтра на праздник не поедете?

— Тамбовцев поедет.

— Этот меня не возьмет... — уверенно сообщил падре.

— Поезжайте без него, — предложил добрый консул.

Священник поморщился и отрицательно помотал башкой:

— Не-ет... Потом устроит скандал с визгом. У него, знаете ли, моцартовский комплекс.

— Какой? Почему моцартовский?

— Ну да, мелкая зависть. Как у Вольфганга Амадея к Сальери: тот и придворной капеллой руководил, и в браке был счастлив, и заказы у него на музыку... А у Моцарта все вверх тормашками. Честно говоря, мне так кажется, что это Моцарт хотел отравить Сальери. И даже яду ему подсыпал, но по вечной своей безалаберности перепутал стаканы...

— Все остроумитесь...

— Нет, я почти серьезно. Помню, был я в Зальцбурге. Все чин чинарем, дом Моцарта, сверху вниз с десятков веревок тянется...

— Зачем? — удивился учитель.

— Это у них вроде наших сегодняшних домофонов было: в каждую квартиру снизу можно было персонально позвонить в звонок... Да... Мутная речонка... Теснота-а! Папаша музыкант, мамаша музыкант, все дети музыканты, все папины приятели. Сам Волли с пяти лет по гастролям мотается по всему миру... Кого хочешь тут отравить.

Патер затушил сигарету.

— Может быть, ваше превосходительство, рассмотрим наши жалкие стратегические планы?

— Пожалуй, — раздумчиво согласился Никитин. — Итак, мы имеем нервозность наших заправил.

— Я бы даже сказал, некоторую истерию. До этого каждый из них занимался исключительно интересами своих групп. Если они и не враждовали в открытую, то уж тайно друг друга недолюбливали. Так сказать, брак был не по любви, а по расчету.

— А сейчас объединились...

— Верно. На какой платформе? — задал риторический вопрос протестантский поводырь. — Уж точно не против нас. Кто мы им? Они нам даже денег не платят, работаем за харч и мелкие подачки. Значит, что?

— Что? — переспросил консул.

— Значит, у них какое-то ЧП. Возможно, госбезопасность на хвост села или прокуратура.

— Да они же все сами оттуда!

— В прошлом.

— Не один ли бес?!

— Не-ет, — закурил новую сигарету пастор, — не один, Михаил Васильевич. Бесы всегда приходят новые, всех не накормишь... Что-то там у них не склеивается.

— И в первую голову они сдадут нас? — догадался почетный.

— Это можно к бабке не ходить. Вы себе представляете в тюрьме генерала или пусть даже майора? И я не представляю. Я даже нашего Мишу там не представляю. А нас с вами вижу преотлично, мы-то с вами зиц-председатели «Фунты»: нас для того и наняли. Наверху они всегда разберутся, а внизу спичек нет...

— Прямо-таки в тюрьму?!

— А чему вы удивляетесь? У нас кассовый аппарат в бухгалтерии тарахтит, как швейная машинка, все деньги собирают. Когда-то их надо будет и отдавать. С процентами. Про суммы не знаю, а вот проценты — это мы с вами. Небось помните, как в царской России называли рабочих?

— Как? Не помню.

— Тягловое сословие, — любезно уточнил лютеранин.

Почетный консул Королевства

Тонга лишь слабо пожал плечами:

— Ну и что? На помойке лучше ли?

Лысый священник поднял палец:

— На мой взгляд, лучше. Потом, ваш возраст... А меня-то уж точно на полную катушку упекут. В России тюрьма как ясный месяц из сказки: светит, но не греет. Неохота мне попасть во всемирно известный институт по прозванию Лефортовская тюрьма. Да и сны какие-то дурацкие я вижу в последние дни.

— Сны сбываются только с четверга на пятницу, — авторитетно пояснил бывший словесник. — Во вторник недействительны.

Они некоторое время молчали, потому что мысли их были абсолютно одинаковыми. Чего в этом случае попусту сотрясать эфир?

34.

В отсутствие большого руководителя жизнь в дипломатической миссии шла так же, как в любой советской конторе, когда начальник запил или за границей (что практически одно и то же).

Но есть и различия. Например, в министерстве главными людьми после самого Хозяина и его первого зама сразу были водитель первой персоналки, секретарша шефа и буфетчица закрытого буфета. Эта отнюдь не святая троица видела своих шефов во всех видах, включая и неприглядные, отсюда и особые полномочия — не предусмотренные трудовым законодательством и штатным расписанием.

Королевское учреждение, разумеется, работало по инерции на советский манер. Другое дело, что здесь не было секретаря парткома или профорга, да и буфета не было: желающие могли разогреть себе сэндвичи в микроволновке, а официальные обеды проходили где-нибудь на стороне.

Но в миссии, знамо дело, сложились и свои «партии». Консул

кучковался со священником. У них не было никаких прав по приему на работу, и они довольствовались лишь обществом друг друга.

Юрист диппредставительства майор Швецов получил в подчинение помощника почетного некоего неприметного человечка по имени Сергей, а по фамилии Августян. Официально в подчинение к майору входил и администратор Витя Галамтер, хотя пастор как-то шепнул консулу, что их хозяйственник часто докладывает самому Бате, минуя внимательного чекиста.

«Под Тамбовцевым» были бухгалтер Наталья Михайловна с ее кассиром Томой, девицей с высоко поднятой юбкой. В его группу входила и дочка легендарного папы Вика. Она спала со всеми желающими, в том числе и с пастором консульства, нарушавшим в этом случае запреты матери — католической церкви. Вика была техническим секретарем самого консула.

Генерал Кононов А. Л. ведал судьбами переводчика Натальи Барановой (которую слегка подводило отчество Абрамовна), консультанта миссии Валерия Романова и курьера-скалохода Валентины, девушки весьма замкнутой. Вообще подотчетные генералу лица были самыми серьезными людьми в консульстве.

Мише Смоку выпало курировать, кроме личного секретаря, которую он содержал за свой счет сверх штата, еще и стенографистку Дину — девушку из Сочи (она говорила по-мишиному «с Сочей»), машинистку Нателлу, девушку из Ростова (разумеется, с «с»), и уборщицу Иру, девушку со станции метро «Кузьминки».

Рувим Иванович управлял шофером Витей.

Служащие, за неимением надобности в стахановских показателях трудовой деятельности, занимались в основном чаепитием, сплетнями и склоками. Как это ни покажется странным, но больше всех в конторе работали именно старшие чины.

Это как в тяжелой артиллерии на фронте: огромные пушки стреляют за десять-двадцать километров от передовой, и, возможно, рядовые пушкари живого фашиста и в глаза-то не видели, но все их командиры — от младшего до старшего лейтенанта — обязаны быть на передовой, поближе к смерти: они должны по телефону или рации корректировать огонь. Так что на офицеров-артиллеристов в тяжелой весовой пушечной категории приходилось больше потерь, чем на ефрейторов — подносчиков снарядов с грунта...

Целый день мотались по городу и по стране секретарь консульства, юрист, архивариус, да и самому почетному приходилось присутствовать на обязательных мероприятиях, тогда как их подчиненные наслаждались кондиционированной атмосферой хорошо охраняемого здания, набитого бутылками виски и шоколадными наборами.

На кухне на первом этаже в задней части консульства обычно собиравались те, кто сидел без дела, когда начальство отсутствовало. Как правило, это были кассир Тома, секретарша Вика, которая бросала приемную на Дину (или Дина, когда Вике нужно было посекретничать по телефону), шофер Витя, переводчица Баранова, администратор Галамтер и уборщица Ира. Изредка к посиделкам присоединялись курьер Валентина, машинистка Нателла и консультант В. Романов. Редкими гостями были средние специалисты, бухгалтер Наталья и помощник почетного Августян. Но заглядывали все же, потому что в кабинеты напитки и заедки подавали только первым лицам.

Великий народный хурал обсуждал все и всех, строго за исключением начальства, так как любой мог (и обязан был) донести о таких высказываниях своему куратору. Правда были всем известны. К чести Миши Смока нужно было сказать, что при появлении кого-нибудь из руководящей пятерки консульства все вставали. Даже и перед Геннади-

ем, хотя все технические работники прекрасно понимали, что у него прав меньше, чем у остальных, но тем не менее...

Технари принадлежали к разным партиям начальников и закулисных руководителей, но внутри своего круга они еще делились на пятьдесят пять объединений по интересам. Во-первых, шел водораздел по половому признаку. Мужчин было четверо плюс часто забегаящий протестант-лютеранин; женщин девять минус редко подключающаяся к совместным чаепитиям бухгалтерша Н. М.; минус личная секретарша-наложница Миши Смока, которую в теплую компанию не принимали, знали только, что ее зовут Лилия — вполне во вкусе Михаила Богдановича, толстогубое ленивое животное с большими сиськами; и минус Вика, потому что, по совершенно проверенным сведениям, она предавалась греховным утехам не только с мужчинами, но и с барышнями. Будем считать ее «над схваткой». Да к тому же за ней после работы заезжала служебная папина машина, что как бы выводило ее из числа низовых работников.

Во-вторых, кто-то (помощник, консультант, переводчик, бухгалтер, администратор и — реже — секретарша) бывал все же на дипломатических мероприятиях, своих и чужих: просмотре фильмов, необязательных вечерах, каких-нибудь незначительных коктейлях, а кто-то (стенографистка, курьер, кассир, машинистка, уборщица и шофер) — нет. Следовательно, одни об этой стороне своей жизни могли рассказывать, а другие только слушать, скрипя зубами от черной зависти.

В-третьих, кроме полового и административного ценза существовали еще и финансовые различия. Оклады каждого сотрудника консульства были служебной тайной, только сами работники и старшие дипломаты знали об их зарплатах. Но знала и бухгалтерия, что позволяло, например, Наталье Михайловне и кассиру Томе создать свою

шкалу ценностей. Но и тут были недоразумения: кассир не знала, почему по ведомостям не проходят сам консул и их священник, бухгалтер Н. М. — почему консул?!

Тома поражалась окладу Вики, который был в два раза выше, чем у помощника почетного Сергея Августьяна, бухгалтер — почему только в два?!

Кассир хотела бы задать вопросы о прописке старшим чиновникам, бухгалтерша — резко «нет».

В-четвертых, Лысый, Баранова, консультант, помощник, Вика, машинистка Нателла и стенографистка Дина говорили по-английски. Что время от времени и демонстрировали, к вящему неудовольствию остальных («Нечего выпендриваться среди своих ребят!»). «Свои ребята», конечно, не знали о приказе Петра I, заставляющего своих молодых дворян изучать иностранные языки, «чтобы прислуга и подлый люд разговор барский понять не могли!»...

В-пятых, в консульстве было всего десять кабинетов. Кроме старших сотрудников отдельные каморки имели только бухгалтерия, консультант и администратор, остальные сидели либо в приемной консула, либо в одной рабочей комнате, либо вот тут на кухне.

В-шестых... Ну, много еще было чего.

Как всегда, обсуждали тех, кто в данный момент отсутствовал на кухне. Разумеется, о Вике разговор заходил моментально, даже если перед этим обсуждались проблемы посещения инопланетян или интимной жизни звезд российской эстрады. Часто кухонные злословия носили даже и образовательный характер, особенно если в нарушение инструкции («Попу не наливать на работе!») Геннадью все же выдавали стакашку виски. Он развлекал подчиненных своими энциклопедическими познаниями во всех областях человеческих знаний. Как-то шофер рассказал анекдот: «Один чукча говорит другому: “Салют, козел!”,

тот отвечает: “Сам ты “салют”!». Все рассмеялись, а священник только хмыкнул. Поинтересовались, почему. Оказалось, что из присутствовавших только Наталья Абрамовна Баранова знает какую-то другую северную народность, кроме вышеназванной, а именно удэге. Лютеранский пастор тут же выдал справку:

— Правильнее удэгейцы. А вообще-то из ста восьмидесяти девяти народностей бывшего Советского Союза больше всех представителей дали Крайний Север и Северный Кавказ. Посмотрите, ненцы, эвенки, эвены — отдельно! — нанайцы, коряки, манси, долганцы, нивхи, селькупы, ульчи, саамы, эскимосы, ительмены, орочи, кеты, нганасаны, юкагиры, тофалары, алеуты, негидальцы... И это только те народы, которых больше тысячи, а есть такие, где всего несколько десятков, — а их языка никто не понимает. Или Дагестан: аварцы, даргинцы, лезгины, кумыки, лакцы, табасараны, ногайцы, рутульцы, цахуры, агулы... И еще бог весть сколько самостийных горных аулов...

Священник на кухне признавался человеком демократичным и веселым. Прислуга любила его слушать, а он за необязательной болтовней собирал сведений больше, чем вся эта публика для своих шефов вместе взятая. Именно тут он и услышал прелюбопытную информацию...

35.

В хорошо обставленном кабинете заместителя директора Федеральной службы безопасности генерал-лейтенанта Лезова сидели за рюмкой кофе генерал-майор Кононов А. Л., генерал-майор Забелин А. С. (Батя), подполковник кадрового резерва ФСБ Швецов В. Н. («майор», Колбаса). Разговор шел хоть и принципиальный, но в традициях этого ведомства, без патетики и негромко. Доклады-вал младший по званию:

— Надо нашему консулу кинуть какую-нибудь награду. Ну там

звание «Заслуженный учитель», что ли. А еще лучше — наградить его каким-нибудь орденом.

— Зачем? — поставил вопрос замдиректора контрразведки.

— Во-первых, будет шанс донести приятное в Нукулофу, а во-вторых, подстегнет нашего бомжа — все-таки первая награда от государства. Расчувствуется старичок. А то он в последнее время захандрил, товарищ генерал.

Кононов и Забелин-Батя согласно закивали головами:

— Да, точно... Надо что-то присвоить... Для профилактики...

Генерал Лезов размышлял недолго:

— Хорошо, согласен. Владимир Николаич, подготовь объективку на учителя. На орден «За заслуги перед Отечеством IV степени». Меньше не бывает. С этим ясно. Дальше.

Дальше генералы и подполковник довольно полно нарисовали перспективу работы дипломатического представительства. После некоторых уточнений их план утвердили. Мстительный Батя предложил замдиректора также арестовать Мишу Смока, тот стал в последнее время крайне непочтительным. Но замдиректора ФСБ предложение отверг:

— Александр Семеныч, мы с блатных никак не можем получить деньги в бюджет из их теневой экономики. Консульство на сегодня чуть ли не единственный государственный институт, который существует на средства братвы. Мы на него не тратимся, а пользы получаем несравненно больше. Смока пока не трогаем.

Мнение начальника — закон для подчиненных. Поскольку собеседниками генерал-лейтенанта были заслуженные люди в золотых погонах, то он позволил себе развить тезис:

— Сейчас мы должны вашу Тонгу холить и лелеять. Не забывайте, что народ и наша страна в целом непредсказуемы. В девяносто первом, вспомните, чуть Лубянку приступом не взяли... Подумаем и о себе, о сво-

их близких, к коим я отношу и непосредственное начальство.

Присутствующие кивнули: думать об этом надо всегда. А генерал-лейтенант продолжал:

— Вы, может быть, получше моего помните, как дело обстояло при Сталине и после него. Усатый пощады не знал, сколько тысяч наших коллег под топор кинул! Другое дело — потом. Даже когда Брежнев стал шерстить КГБ с делом Шелепина — Семичастного. Ведь, по сути, никто не пострадал: Шелепину на откуп отдали профсоюзы, а Семичастного назначили в Киев зампреда Совмина Украины. Верно, Алексей Леонардович?

Генерал Кононов согласно кивнул:

— Да, Валентин Петрович. И даже больше. Вся «шелепинская команда» была достойно трудоустроена. Секретарь ЦК комсомола... как его?..

— Романовский, — подсказал Швецов.

— Да, точно, Романовский! Стал послом в Норвегии. Замзав Отделом информации ЦК КПСС Решетин...

— Решетов, Павел, — аккуратно поправил генерала подполковник.

— Вот именно. Пристроен главным редактором журнала «Век XX и мир».

Лезов удивился:

— Что это за журнал такой?

— Его, конечно, никто не читает, — отозвался Швецов, — да и подчиненных у Решетова было ровно три человека, но сам он остался в номенклатуре ЦК, а это кое-что значит!

— Допустим, — согласился с ним генерал.

А Кононов продолжил:

— Или генерал-лейтенант КГБ Пономаренко — сперва стал послом в Голландии, а потом его перевели в Институт общественных наук при ЦК КПСС.

Тут ему сассистировал Батя-Забелин:

— Да еще на какую должность! Заведующий кафедрой методов нелегальной работы коммунистических партий! Исключение было сделано только для Миронова.

— Которого? Николая Викторовича? — поинтересовался Кононов

— Нет, для другого, зав. Отделом административных органов ЦК. Его Брежнев почему-то особенно не полюбил. Вот поэтому он и врзался в Югославию на самолете в гору Авала, около Белграда...

— Бывает, бывает... С самолетами такое случается, особенно в дружественных на тот момент государствах, — раздумчиво протянул Кононов.

Замначальника контрразведки с ними согласился:

— Вот видите, людей мы своих не бросали даже в пиковом положении. Но сегодня этот номер может не пройти. Поэтому консульство для нас просто жизненно необходимое окошко. Если что — все через него уйдем. Что у вас намечается по финансовым вопросам?

Участники рассказали, что намечается. Генерал-лейтенанту это не понравилось.

— Это же чистая афера! Мы так осветим всю нашу работу. Тамбовцева нужно остановить!

Оказалось, что это не так-то просто — остановить деньги и амбиции, которые стояли за секретарем консульства. Доводы к тому привели все гости хозяина кабинета на Большой Лубянке. И хоть Лезов остался при своем мнении, но с аргументами приглашенных вынужден был считаться. Во всяком случае, пообещал, что провентилирует этот вопрос в верхах.

— Теперь об этом журналисте, вашем священнике... Мы его проверили. Ничего особенного. Выгнали из агентства печати «Новости» за пьянство. С семьей отношения не поддерживает... Пьет, Владимир Николаевич?

— Пьет, мерзавец.

— Зачем он вам?

— Связи. Его еще помнят и наши, и иностранцы... Потом, расходов на него никаких. Он управляем. И надо сказать, образован.

Генерал-лейтенант поморщился:

— Что-то... Просто он мне не нравится. Давайте я прикомандирую к вам кого-нибудь из наших?

Вступил Батя:

— Валентин Петрович, на наших сотрудниках какая-то печать лежит... Хорошего вы ведь не отдадите, а у плохого все на лбу будет написано. И дело не в языках или начитанности... Просто наш поп вспомнил молодость: активно работает с церковниками, на приемах ведет себя прилично... Он артист неплохой к тому же, Валентин Петрович. Нас, я имею в виду кадровых, смешно называет — «бойцыц!».

Заступился, усмехнувшись, за Лысого и генерал Кононов:

— Вопросов он никаких не задает, вы же сами сказали, что проверку он прошел...

— Да, прошел, — все так же раздумчиво сказал контрразведчик, перекалывая карандаш с левой стороны бювара на правую, и наоборот. — Но не лежит у меня к нему душа. Что-то знаете... этакое...

— Это не объективно, товарищ генерал-лейтенант.

— Если бы мы что-то о нем плохое знали, он бы у нас уже в «Лефортове» сидел. Или здесь, во внутренней тюрьме. Ладно! Только попрошу: присматривайте за ним.

Сотрудники согласно кивнули и выпили с начальником на пошок. Теперь предстояло приступить к их собственной операции.

36.

В то же время. Квартира Викиного папы.

Действующие лица: Викин папа, Леонид Васильевич; Леонид Евгеньевич Тамбовцев; Вика.

Обеденный стол с обедом и коньяком, пьют на равных. Викин папа не делает дочери никаких замечаний. Он недавно с заседания правительства и потому одет в стиле «генеральный директор».

— Леонид Евгеньевич, так что там затевают наши друзья?

— Трудно понять сразу, Леонид Васильевич, тем более что никто не докладывается, куда и на сколько убывает. Проследить тоже невозможно, за ними приезжают одни машины, а привозят обратно другие. Даже эту шпану.

— Как раз разбойники-то меня меньше всего интересуют — они под контролем... А вот ваши солдаты без винтовок — генералы... Только дай им волю. Консул болеет?

— Скорее хандрит.

Папа спрашивает Вику:

— Что врач говорит?

— То же самое. Немного давление, немного усталость, немного множко водки.

— Этот придурок Геннадий его накачивает! — в сердцах пристукнул ладонью по столу Тамбовцев. — На кой черт он нам сдался?

Папа подумал:

— Мы его проверяли по своим каналам... Вроде бы ничего существенного, но мне кажется... Хотя подождем. А почему наши конкуренты за него так держатся? Твое мнение?

Тамбовцев пожал плечами:

— Эта шантрапа Смок его прежде и в глаза не видел. Рувим. Не знаю. Кажется, он к его преосвященству тоже не питает любви, но чего не знаю, того не знаю...

— На это, Леонид, обрати внимание!

— Хорошо. А вот генералы... Может, он тоже из их конторы?

— В принципе может быть. Однако не уверен. На девяносто процентов, что нет. Вика, что думаешь?

— Нет, Лысый не чекист! — без поддержки отрапортовала дочка.

— А почему ты так категорична? — поинтересовался отец.

— Интуиция плюс некоторый опыт... Он слишком честолюбив для КГБ, там таких не любят. Там вообще не любят грамотных, начитанных и без связей. Потом, он никогда не проверяется на слезку... По возрасту ему уже надо было бы быть подполковником, а такую профессиональную привычку в себе не

убьешь уже, это как тавро. Резонно, папа?

— Да, девочка. У него есть мать, кажется... Надо пошерстить ее квартиру. Какие-нибудь фотографии в форме, какие-нибудь намеки в письмах, документы... Леонид, надо заняться.

— Понял, Леонид Васильевич, — отрапортовал Тамбовцев. — Подключить Тамару из кассы?

— Нет. Вы это с Викой сделайте. Викуля?

— Хорошо, папа. Проверка из РЭУ, как всегда?

— Там сами смотрите... Леонид, возьми кого-нибудь подстраховаться. И документы у наших закажи.

— Комитетские?

— Нет.

— РУОП?

— Нет... Пожалуй, прокуратуры.

— Московской или Генеральной?

— Тоже нет. Возьми Главной военной. Эти вообще проверке не подлежат. Дежурного по городу мы предупредим. Свяжись с Борисом.

— Хорошо, Леонид Васильевич.

— Что же генералы задумали? Вика, как считаешь?

— Не знаю, но в последнее время они даже не дают никаких документов на перепечатку. Когда дело касалось денег в западных банках, так и то было больше информации. Эти придурки считают, раз они о чем-то умалчивают, сворачивают контакты и переписку, то этим никого не насторожат!

— Ну-ну, дочка, они совсем не придурки.

— Папа, «не придурки» не служат в контрразведке. Умные работают дорогими хирургами, адвокатами и профессурой в университете. Или — как ты.

— Ладно, ладно... Видишь, Леонид, какие у меня в доме аналитики работают! Мы-то читали в свое время иные буквари.

Девушка ткнула наманикюренным ногтем в бутылку на столе:

— Про аналитиков, кстати... А не налить ли?

— Вика у нас философ.

Девушка повела бровями:

— Нет, Леонид Евгеньевич, просто это папина школа и немножко женского чутья.

Тамбовцев рассмеялся:

— Про чутье — верю, а про школу и не сомневаюсь!

— Хитрите, негодяи, — усмехнулся Викин папа. — Вам это не поможет! Вы разоблачены! И все одно требую от вас работы.

Вика тут же процитировала мелодичным голосом:

— «Труд в СССР — это дело чести, дело славы, дело доблести и героизма!»

— Видишь, Леонид, — похвалили свое чадо Леонид Васильевич, — Сталина цитирует!

— Подлизываюсь, папа, — невинно поморгала на него глазами Вика.

Обед продолжился, перемежаясь с решением рабочих вопросов. Они включали в себя установление независимых контактов с министерством иностранных дел Тонги; проверкой людей ЧК, а именно Романова В. В., Сергея Августяна, Натальи Барановой, Виктора Галамтера и курьера Валентины. Кроме того, требовалось встретиться с экспертами по инвестициям, обговорить с ними доходность вложения ожидаемых денег.

Когда секретарь консульства откланялся, семейство еще некоторое время помолчало, а потом Леонид Васильевич сказал:

— Как тебе наш Ленчик?

— Без лести преданный, — ответила пронизательная дочка. — Но он под контролем.

— Может, перебросить его на другой участок, как думаешь?

— Думаю, что пока еще рано, но и выпускать его из страны нельзя.

— Это-то понятно, дочурка. Эх ты моя зю-зю-зю... — И папа сделал дочке «козу».

37.

Все то же время (оно, как известно, растяжимо), но в другом

месте принимали Рувима и шофера консульства Витю. Никаких напитков им предложено не было, так как встреча происходила в автомобиле диппредставительства. Гостей в авто было двое, мужчина средних лет и молодая девушка. Судя по всему, они в машине были не гостями, а именно хозяевами.

— Шалом, — произнесли гости.

— Шалом, — ответили приехавшие хором.

— Рассказывайте, — приказал-попросил пришедший пассажир.

— Про деньги? — поинтересовался Рувим Иванович.

— Нет, об этом в конце, — уведомила их девушка. Она из двух гостей консульской машины была старшая по чину. — Сначала о планах по контактам с Океанией. Потом поподробнее о самом консуле и особо о вашем священнике.

— О них — Виктор, — быстро переключил ответственность с себя на водителя Рувим.

— Сначала о планах, — потребовала девушка.

Рувим рассказал все, что знал. Пассажиры стали задавать вопросы:

— Сколько чистых бланков паспортов прислали вам из королевства? Сколько из них дипломатических? В какие страны Британского Содружества можно с ними въезжать без визы? Есть ли контакты с представителями других стран Океании в Москве?..

И еще штук двадцать. На вопросы Рувим и Виктор отвечали попеременно, дополняя друг друга или споря между собой. Мужчина и девушка задавали по каждому принципиальному вопросу еще десяток уточняющих и дополнительных. Вопросы иногда были сверх компетенции отвечающих, и тогда их относили в разряд подозрений.

После этого катехизиса все присутствующие на близконференции приступили к выработке перспективных планов.

— Что с консулом? Болеет?

— Скорее симулирует, — предположил Виктор. — Денег-то они ему не платят.

— А откуда же у него под столешницей приклеенные скотчем девятьсот долларов? — поинтересовалась девушка.

— Не знаю, — признался Виктор. — Я нашел их случайно.

— Да, но он-то их не мог случайно найти. Или накопил на помойке? — полюбопытствовал мужчина-гость.

— Не знаю, — еще раз пожал плечами Виктор.

— Рувим?

— Понятия не имею. Может, взятку взял? Или это Геннадий...

— Кстати, о вашем священнике, — развила эту тему девушка. — Совсем он не тот, за кого себя выдает.

— ЧК? — предположил Рувим.

— Нет.

— Так кто же? ГРУ, Служба безопасности президента, ФСО? МВД?

— Нет, он не российский.

— Ах, вот оно что... — протянул расстроившийся Рувим Иванович. — ЦРУ? МИ-6?

— Не американец и не англичанин, — отрезала девушка. — Но они о нем знают. Мы запросили... по своим каналам... Он не их или... Да и не похоже как-то...

— Ну не на арабов же он работает! — возмутился шофер. — Не на китайцев же!

— А вот про китайцев не скажу... — как-то вдруг посуровела девушка. — Алеф?

Мужчина, которого она назвала Алефом, пожал плечами:

— Наши разбираются... Надо бы его навестить по месту прописки... У него там мать живет... Но мы не можем, вы же понимаете.

Хозяева авто согласно кивнули, а Алеф продолжил:

— Придется вам... Больше поручить никому не можем. Но это надо сделать обязательно: или подтвердить наши подозрения, или опровергнуть. Сами знаете, как в Иерусалиме... относятся ко всему неопределенному — сплошная паранойя!

— Хватит, Алеф, — прервала своего помощника девушка. — Есть задание, его надо выполнить. Виктор, как с документами прикрытия? С инструментами?

— Инструменты на прежнем месте, все надежно, — тут же доложил водитель консула. — А вот документы, честно говоря... Может, милицейские?

— А если квартира на сигнале? Первый же приехавший наряд вас пробьет через дежурного! — не одобрила план девушка.

— Так что тогда? — попросил ее совета Рувим.

— Мы вам слепим фанеру... — раздумчиво произнесла симпатичный шеф, переходя на блатные русские формулировки. — Мы вам дадим бумаги из психиатрической перевозки... Только надо выбрать время, когда на пульте будет наш дежурный врач... Алеф?

— Понял, — отозвался ее помощник.

— Его мамаша вполне может быть объектом дурдома, — убеждала как бы отчасти и саму себя барышня-начальник. — Во всяком случае, это надо выполнить. Надеюсь, понятно?

Шофер и застройщик одновременно кивнули, им было понятно, что приказы не обсуждаются.

— Виктор, куда ездит консул?

— Кроме того случая на пруду — я рассказывал, — он ездит только на приемы. Никогда — к родственникам. Никогда — на Лубянку... Вообще ничего подозрительного.

— Это ничего не значит, — заметил Алеф. — Он может встречаться в МИДе с кем угодно. Он бывает в Кремле?

— Только один раз, на общем дипломатическом приеме 12 июня, в День декларации национального суверенитета.

— Вы машину на «жучки» и «маячки» проверяете? — поинтересовалась единственная дама.

— Каждый день, госпожа, — заверил шофер. — Пока все чисто.

— С нашей аппаратурой?

— Да.
— Хорошо. Теперь, Рувим, нам требуется запись всех разговоров в кабинетах ваших генералов и этого коммуниста. Всех. Понятно?

— Ясно, — подтвердил Рувим. — Аппаратура через тайник «Дым»? Доложить об оружии?

Девушка задумалась на мгновение, потом, соглашаясь, кивнула. Рувим ровным голосом рассказывал:

— Мы написали письмо в Росвооружение. Но нам ответили, что этот пистолет-пулемет Судаева никогда в серию не запускался. Да, изобрели его во время войны, но образец нашли на складах только в девяносто восьмом... Ведем переговоры, но, как я понял, русские сами обалдели от того, какое это оружие. Вряд ли нам продадут. Так что...

— Понятно. Все, мы пошли. Вызов по прежней схеме. Шалом.

— Шалом.

— Шалом.

— Шалом...

38.

То же время, ресторан «Абхазский дворик», задний его закрытый кабинет. За богато, но хаотично накрытым столом, где арбуз, икра, шампанское и вобла дополняли друг друга, сидели непожилые пацаны с закатанными рукавами. Каждый угощался сам по мере своих кулинарных пристрастий.

Но посиделки имели и некоторый практический характер, а именно выслушивался доклад Миши Смока по работе дипломатического представительства Королевства Тонга в Российской Федерации. Ни одной курированной Мишей дамы за столом не было, как не было и вообще никаких дамочек.

— Ну, — сказал старший за столом, намазывая бутерброд.

— Лохи, — сказал Миша, делая ударение на первом слоге. — Но с понтами. И я бы не сказал, шо бэз хрошей.

— И так ясно, — обрезал Старшой.
— Сначала крутили. Приемы-мриемы, визиты-мизиты... Эти менты сперва просто понты колотили: хер вилкой брали... А ЦК... так — тихонько проконать хотели...

— Что для нас?

— Все.

— Это не ответ. Ксивы?

— Схолько влезл!

— Ты сможешь? — резко рубил авторитет.

— Да там это никохо не интересует. Принесу скока надо.

— Можно пацанов с кичи выдернуть? — поинтересовался один из присутствовавших, любитель золотых зубов, что выдавало в нем провинциального авторитета. Столичные и грузинские воры вставляют сейчас в рот металлокерамику.

— Смотря кохо... — ушел от прямого ответа Миша. — Если они отказываются от советского... пардон, российского гражданства, то... черт его знает. Надо в МИДе потерять... Есть там один кент...

— Чё хозяин? — задал вопрос другой пацан, в тройке, но без галстука, который ему по масти не был положен. От этого он походил на иранского дипломата.

— Та-а... — пожал плечами Смок. — Прибамбасы канают... Чехотку канают. Сам здоровый типа кенхуру...

— Чего так?

— Не воссал. Можэ, чисто бастует?!

Верховное главнокомандование не могло решить, что происходит с почетным консулом, хотя предположения высказывались разные. Сошлись на том, что выбивать из него признания бесполезно, а то, пожалуй, и преждевременно.

Человек с неисправимым кавказским акцентом задал свой вопрос:

— Если надо чэловэку уйти за кардон? Можэш?

— Нема разговору... — отвечал Миша.

— Сколко? — поинтересовался кавказец.

— Это не мое дело, как братва...

— Конкрэтно!

За Мишу ответил Старшой:

— Смотря по масти, Тенгиз... Давай об этом потрем потом.

— Нэт, Валэра, меня люди прислали за точными цифрами.

— Тенгиз, корочэ... потом! Миша...

— Шо?

— Чё там этот попяря?

— Алкаш.

— Не, Миша, он не простой кайф!

Он какой-то мутный. Наши его пробили. Выяснили, шо его трогать нельзя... И ты скажешь — этот фразер с помойки? Не, Миша... Тут чё-то не так... Его даже на гоп-стоп нельзя! Это пацаны с Киева базлают. И с Риги. Он не наш. Иначе бы все о нем знали. Он не торчал, даже никогда не проходил...

— ЧК-МГБ? — поинтересовался золотоzubый.

— Нет, — раздумчиво покачался на стуле Старшой. — Или уж больно крутой... Наши в ментовке его не знают. Мы туда столько воздуха запульнули... Они не смогли бы нахезать... Не знаю.

— Чё, у тебя в ЧК есть концы? — поинтересовался золотоzubый.

— Там щас просто... — качнул башкой Старшой. — Но они нами не интересуются.

— Можэт, налоговые? — предположил грузин.

— С этими даже разговаривать не хочу. Там чё-то не то... Может, он шпион, Миша?

Смок ненатурально засмеялся: — Валэра, ты чё?! Лысый с помойки?! В натуре — фуфло! Отвечаю за базар!

— Не факт, — упрямо отреагировал Старшой. — Они иногда такие постановки закатывают...

— А консул? — спросил золотоzubый. — Может, этот бес — тоже полуцветной?

— Нет, про него совсем ничего...

Был училкой... Есть дочка с внучкой. Они его и турнули. Этот Никитин — весь на ладони.

— Давай священника возьмем, потолкуем с ним в подвале? — предложил человек, обогащающий юго-восточных дантистов.

— Рано, — отрезал Валерий. — Не пришли времена. Но за ним, Миша, глаз да глаз!

— Давай его мутэр потрясем! Адресок имеется.

Грузин, золотозубый и Валерий-Старшой переглянулись. И согласились.

— Но тебе там делать нечего, — сказал Валерий.

— А кто? — поинтересовался архивариус дипломатического представительства.

— Тенгиз...

— Валэра, скажи, по кирпичам разбэрем! — пообещал представитель Кавказского хребта.

— Нет, дорогой, пусть твои прикрытие дадут и дверь откроют, а мы пошлем там... одного... профессора...

— Как скажешь, уважаемый! — с курортной услужливостью южанина согласился кавказец.

В следующие десять минут обязательная часть совещания была закончена: этим блатные приятно отличались от любой бюрократической структуры. Они отличались, правда, и количеством посадок в тюрьму. Генералы и министры — никогда! — не садились в застенки, а братва — весьма часто. Дело в том, что чиновники больше рассчитывали на план и контроль. А блатные — на напор и удачу. По Ленину — «учет» побеждал. Вот, дорогие друзья, к чему приводит образование: более грамотные люди живут богаче, толще и вкуснее. Они не попадают на нары, они

учат своих детей в Швейцарии, они почти всегда уважаемые люди (пока не попали на страницы газет). А братва вне закона. Потому что не поняла, что надо покупать знания — адвокатов, журналистов, ученых. Пистолет... Он, конечно, решает многие вопросы... Но БТР (бронетранспортер) 60-ПБ решает их больше. Гранатомет, купленный у жадного прапорщика, — грозное оружие. А всепогодный самолет государства МиГ-33-А еще мощней...

Молоко на цвет красивей, а вино зато вкусней! В молоке большая сила, а вино еще сильней!..

Продолжение следует.

Илья КРИШТУЛ

*О себе. Родился в Москве, где и живу.
Учился в МГПИ (педагогический институт), работал в кино, был учителем средней школы.
Сейчас домохозяйин. Сочиняю юмористические рассказы, изредка публикуясь.*

РАЗГОВОР

НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА С ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ МАРИНОЙ УСТИНОВНОЙ ПЕРЦОВОЙ

Корр.: Здравствуйте, Марина Устиновна! Разрешите сразу вопрос. Вы написали около 5250 книг. Как Вам это удалось?

П.: Я написала больше, пока не все опубликовано. К примеру, до сих пор ждут своей очереди мои сочинения за третий и четвертый классы. Никак у меня до них не доходят руки, ведь только в прошлом году я сочинила триста шестьдесят пять повестей и романов, которые помогают людям выжить. В этом году у меня такой же график. Вчера вот закончила очень интересный иронический детектив, хотя больше мне нравится роман за понедельник.

Корр.: Почему детектив иронический?

П.: Я там на двести шестьдесят пятой странице иронизирую. Ирония помогает людям выжить.

Корр.: Скажите, где и как Вы черпаете вдохновение, находите сюжеты для своих книг?

П.: Нигде и никак. Встаю, как и Лев Толстой, в одиннадцать утра, и уже в двенадцать я за письменным столом. Лев Толстой, правда, вставал в четыре, но сути это не меняет, результат-то у нас одинаковый. Хотя вот в субботу писала роман, чуть проспала — и завязка немного не удалась, да и финал смазала — торопилась на деловую встречу. Пришлось вставить финал из романа от 8 октября, а завязку — из повести за 19 мая, и ничего — книжка продается, отзывы очень хорошие. Кому-то, может, она помогла выжить.

Корр.: У Вас очень сочные, поэтичные описания. Например, повесть за позапрошлый вторник: «Борис Львович опоздал. Он был одет в костюм,

впрочем, как и всегда». Прекрасный роман за среду, 4 июля: «Когда Нюсе исполнилось семнадцать лет, мама подарила ей вязаный жакет, впрочем, как и всегда». Позавчерашняя повесть: «Шел дождь, впрочем, как и всегда». Откуда такой стиль?

П.: Конечно, можно было написать «Шел сильный дождь, впрочем, как и всегда», но это уже Бунин какой-то, а у нас с ним совершенно разные читатели. Причем у меня их больше. Ведь я помогаю людям выжить.

Корр.: А откуда прекрасное чувство юмора? Вот роман за 10 марта: «Борис Львович пошутил, впрочем, как и всегда».

П.: Чувство юмора у меня от мужа. Он очень веселый человек был.

Корр.: Кто Ваш муж?

П.: Просто муж. И первый читатель всех моих книг. Сейчас он в психбольнице.

Корр.: В романе от 28 июля Вы очень нежно описываете кошку: «Найка подбежала ко мне и лизнула, впрочем, как и всегда». Вы любите животных?

П.: Да, конечно. В моем доме раньше всегда жили животные, и я читала им вслух свои только что написанные книги. Почему-то все эти животные рано умирали...

Корр.: Вы и своим книгам даете названия, где фигурируют животные: «Филе из куропатки», «Уха из акулы», «Жаркое из петушка»...

П.: Для себя, чтобы не запутаться, я называю свои книги по дате написания, например: «Ироническая повесть, четверг, 25 февраля» и так далее. Мно-

гие мои читатели делают так же, но издатели против. Так что к ужину я заканчиваю книгу, смотрю на накрытый стол и даю ей название. Вчерашний мой иронический детектив называется «Разгрузочный день».

Корр.: Какие у Вас отношения с коллегами, работающими в таком же жанре?

П.: Прекрасные. Со многими коллегами я дружу, мы часто встречаемся в больницах, где лечатся наши родственники, первые читатели наших книг. Мы же делаем одно дело — помогаем людям выжить. Недавно, кстати, по вине типографии мой роман засунули в обложку другой писательницы, моей подруги. Слава богу, никто, кроме меня, не заметил, и книга хорошо продалась.

Корр.: Традиционный вопрос — Ваши творческие планы?

П.: Сегодня в 17.30 я закончила новый детективный роман. Названия, как Вы понимаете, еще нет, но судя по запаху — «Рагу из индюшки». А если говорить глобально, то в будущем году я собираюсь сочинить семьсот тридцать книг, то есть одну буду писать до обеда, вторую после. Боюсь, возникнут проблемы с названиями... Но делать нечего, мы узнали, что меня очень мало читают в токийском метро, в лондонском, в пригородных поездах

Монреаля и Лиона... Этот рынок еще нами не охвачен, за Россию-то я спокойна. Кстати, Вы знаете, что суммарный тираж моих произведений достиг 760 000 000 000 экземпляров? В доме каждого жителя нашей планеты есть несколько моих книг, которые помогают ему выжить. Особенно приятны читательские отклики. Много пишут мне из Израиля — у меня там родственники, из США два письма пришли. Даже из Нигерии! К сожалению, я не смогла перевести, да и адрес не мой.

Корр.: Откройте тайну — о чем Ваш сегодняшний роман?

П.: Сегодняшний мой роман, впрочем, как и все остальные, о частной сыщице, которая впуталась в ужасную историю и с честью из нее вышла. Деталей я уже не помню. Оставайтесь на ужин, и Вы станете его первым читателем, а то муж...

Корр.: Нет-нет, спасибо, мне надо еще сдавать материал, и у меня дети...

П.: Тогда обязательно купите его завтра — и сможете выиграть дезодорант для ног, шарфик для шеи или перчатку для руки! Это наша новая акция, которая поможет людям выжить.

Корр.: Обязательно куплю! А Вам, наверное, можно пожелать только творческого долголетия на благо всех грамотных землян...

Галка ГАЛКИНА

*Предлагаю для публикации свои рассказы.
Если будете печатать, прошу публиковать
под псевдонимом Валерий Румянцев. Под этим
псевдонимом я печатал свои стихи, басни, пародии,
рассказы, лаконизмы и т. д. в 92 изданиях РФ
(в том числе в семи литературных изданиях).*

*Зорькин Борис Иванович,
Покровский район Оренбургской области*

Галка ГАЛКИНА:

Борис Иванович, чем же вам Зорькин не угодил? Такая тихая, хорошая фамилия. В памяти сразу возникает председатель Конституционного суда. Все Зорькины законопослушны, аккуратны и неконфликтны.

А вот эта знаменитая фраза: «Сеня, а может, махнем на рыбалку, с ночевкой, на Черные камни? Отсидим вечернюю зорьку. А?»

Зорька, Борис Иванович, гораздо поэтичнее, чем Румянцев. Румянцев отдает румянами и гламуром. Все Румянцевы воинственны. В XVIII веке был знаменитый полководец Петр Александрович Румянцев-Задунайский.

Литературе румянец и глянец не нужны. Нужны зорька, удочка, речка в отсветах заката и лодка, приулюлюющая к берегу. Зорькиным чужды спесь и гордыня. И даже несмотря на то, что Вы опубликовались практически во всех мыслимых и немыслимых изданиях, оставайтесь Зорькиным. И люди к Вам потянутся. И – журналы. Хотя, конечно, наверняка еще не все издания РФ Вами охвачены. Вернее, не Вами, а Румянцевым. Его устами говорит завоеватель, конкистадор в панцире железном. А впрочем, Вам виднее. Главное, самому помнить, кто есть кто. Где Зорькин, а где Румянцев?

Последний из УдэГео

Алло, мы ищем таланты!

- ☺ *Продам гены. Срочно. Оптовым покупателям навскидку!*
- ☺ *Продам талант за рубеж!*
- ☺ *Продам чужое вдохновение!*
- ☺ *Продам чужую родину!*
- ☺ *Когда продам, тогда поддам!*
- ☺ *Когда поддам, тогда к мадам!*
- ☺ *Когда к мадам, парам-парам!*
- ☺ *Продам руку с веслом!*
- ☺ *Внесу раскол в Сколково!*
- ☺ *Продам все!*

Шинель не Гоголя

- ✿ *Из чьей шинели вышел сам Гоголь?*
- ✿ *Где шинель полишинеля?*
- ✿ *Сто шинелей — и все без застежек.*
- ✿ *Какого же размера шинель генералиссимуса?*
- ✿ *Что вышло из Коко Шинели?*
- ✿ *Чем пахнет шинель № 5?*
- ✿ *Поместится ли мое пузо в шинель?*
- ✿ *От шинели до шрапнели один шаг.*
- ✿ *Бери шинель, пошли (по почте) домой!*
- ✿ *У кого нет коня, садись на меня!*

© фото Игоря МИХАЙЛОВА

**SMS'ка, посланная ДЕРИПАСКЕ:
Дерипаска, где моя колбаска?**